

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Крымский научный центр

А. А. Шейхумеров

**АРМИЯ
КРЫМСКОГО
ХАНСТВА:**

**организация и тактика
(XV–XVIII вв.)**

Казань – Симферополь
2019

УДК 94 (560)

ББК 63.3(4)5

Ш 39

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Научный редактор

А. Г. Герцен, декан исторического факультета
Таврической академии КФУ им. В. И. Вернадского,
кандидат исторических наук

Рецензенты:

В. В. Трепавлов, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений

В. В. Пенской, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института НИУ БелГУ

И. М. Миргалеев, кандидат исторических наук, руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан

Л. А. Бобров, доктор исторических наук, доцент кафедры археологии и этнографии ФГБОУ «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (НГУ), ведущий научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований НГУ

Ш 39 *Шейхумеров А. А.*

Армия Крымского ханства: организация и тактика (XV–XVIII вв.) – Казань – Симферополь: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. – 304 с.

Монография посвящена важным и малоизученным аспектам истории крымских татар: организации и тактике вооруженных сил Крымского ханства. Именно войско было «последним доводом» крымских ханов, главным инструментом продвижения государственных интересов на международной арене. Крымскотатарская конница оказала громадное и многогранное воздействие на историю, культуру, демографию и экономику Центрально-Восточной Европы и Кавказа, в течении более чем двух веков являясь одной из сильнейших армий региона.

Издание адресовано тем, кто интересуется историей Крыма, крымских татар и военного дела в Восточной Европе и Западной Азии в XV–XVIII вв.

© Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук
Республики Татарстан. Крымский научный центр, 2019
© Шейхумеров А. А., 2019

ISBN 978-5-94981-334-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Историография и источники	8
1.1. Историография.....	8
1.2. Источники.....	23
Глава II. Организация армии Крымского ханства ..	32
2.1. Структура войска в XV–XVIII вв.....	32
2.2. Организация войск	85
2.3. Инонациональный компонент	97
2.4. Регулярная армия Шахин-Герая (1775–1783).....	121
Глава III. Тактика войск Крымского ханства	132
3.1. Тактические приемы в полевых битвах..	132
3.2. Огнестрельное оружие и тактика крымских татар	170
3.3. Тактика блокады и истощения.....	185
3.4. Управление войсками в бою	192
3.5. Крымская конница в боях с вагенбургом	198
3.6. Потери крымского войска в боях	212
3.7. Статистика побед и поражений.....	227
Заключение	238
Список литературы	242

ВВЕДЕНИЕ

Существовавшее на протяжении более чем трех веков (с 1442 по 1783 гг.) Крымское ханство сыграло важную роль в исторических судьбах Восточной Европы. Вооруженные силы позволяли Гераям защищать границы и отстаивать свои интересы перед лицом мощных соседей. Крымское войско нередко оказывалось решающей силой в многочисленных военных конфликтах, сотрясавших Восточную Европу и Кавказ.

Военная организация и тактика армии крымских ханов являлись продолжением золотоордынских традиций, восходивших к имперской военной системе Чингисхана, в свою очередь, опирающуюся на многовековой опыт степных войн. Крымские татары активно впитывали в себя влияние других народов в военном деле, одновременно они сами становились причиной трансформаций вооруженных сил соседних стран. Симбиоз золотоордынских традиций и османского влияния привел к формированию крымскотатарского военного искусства. Большое сходство в одежде, вооружении и доспехах крымских татар и многих их противников отмечалось рядом современников. Таким образом, крымские войска оказывали значительное влияние на историю Восточной Европы и Северного Кавказа не только своим участием в военных конфликтах, но и благодаря влиянию на эволюцию военного дела в остальных государствах.

Войско Крымского ханства являет собой замечательный образец адаптации «классического» степного военного искусства к новым реалиям пороховой эпохи. Благодаря про-

должительному существованию крымскотатарского государства и обилию источников состояние его военного дела не только объективно проще изучить по сравнению с другими постзолотоордынскими государствами, но и можно использовать для реконструкции особенностей военной организации степных народов в тех случаях, когда имеет место нехватка источниковой базы.

Военные кампании Гераев влекли за собой смещение государственных, религиозных и этнических границ, под давлением Крымского ханства происходила исламизация черкесов, сохранялся баланс сил между Россией и Польшей, и т. д. «Вымывание» населения из враждебных и потенциально враждебных государств посредством многочисленных набегов являлось одним из важнейших факторов демографического развития Северного Кавказа, Речи Посполитой, России и Дунайских княжеств. Крымские походы в Австрию, Венгрию, Сербию способствовали защите османских границ и, опосредованно, содействовали сохранению и функционированию исламских институтов, мечетей и медресе в самом центре Европы. По мнению и мусульман, и христиан, крымские татары были передовым форпостом исламского мира, являясь, согласно меткому высказыванию известного турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби, «полком газиев-муджахидов».

И хотя военное дело являлось наиболее запоминающейся современникам сферой крымской культуры, специальных монографий на эту тему (за исключением работы Б. Г. Вильямса) нами не выявлено. В то же время существует большое количество работ об одежде, кухне, музыке, декоративно-прикладном искусстве и народных обычаях крымских татар. Об одном И. Гаспринском написано больше, чем о сотнях тысячах ханских воинов, сражавшихся в несчетных битвах XV–XVIII вв.

При изучении истории Крымского ханства историки уделяли основное внимание внешнеполитической истории, взаимоотношениям монархов и правящих элит. Несмотря на боль-

шое внимание исследователей к войнам и походам, в которых были задействованы войска крымских татар, само крымское войско сравнительно редко оказывалось предметом изучения. Рассматривались прежде всего событийная история, ход кампаний и битв. Полагаем, что войско крымских ханов заслуживает большего внимания и по той причине, что настоящим символом крымскотатарского народа в эпоху ханства являлся воин. Несмотря на то, что в Крыму в XV–XVIII вв. жили и творили ученые, поэты, писатели, именно свирепые всадники с саблями и луками верхом на малорослых конях в первую очередь ассоциировались с крымскими татарами даже после ликвидации Крымского государства.

Следует заметить, что историография Крымского ханства подвергалась воздействию политических и идеологических факторов, что негативно сказывалось на изучении истории этого государства (искусственное противопоставление «миролюбивых славян» «турецко-татарской агрессии» и т. д.). На это справедливо обратил внимание В. П. Гулевич [420, с. 6–8]. К сожалению, в работах некоторых современных историков все еще встречаются термины «агрессивность» и «предательство» по отношению к крымцам. Крымскотатарских воинов иногда наделяют такими эпитетами, как «крымские разбойники» [652, с. 71], «шайки степных стервятников» [505, с. 450; 506, с. 30] и т. д. Отметим, что подобные оценки невозможны в научной литературе применимо к военнослужащим армий других государств, однако практически не вызывают критики при использовании их в адрес крымских татар. Популярность подобных взглядов делает актуальным научное изучение истории Крымского ханства и его вооруженных сил. Считаем, что повышенный интерес к истории крымскотатарского государства, наблюдаемый в последние годы среди историков и общественности, делает необходимым исследование, посвященное крымской военной организации и тактике в XV–XVIII вв. Надеемся, что наша работа поспособствует дальнейшему изучению крымскотатарской армии.

В рамках данной работы мы используем этнонимы «крымские татары» и «крымцы» как синонимы. Этноним «татары» используется в тех случаях, когда крымцы и ногайцы участвовали в военной экспедиции вместе либо когда неизвестно, кто из них участвовал в походе, а также для обозначения всего населения постзолотоордынских государств.

Автор выражает глубокую признательность за помощь и советы И. Б. Бабулину, С. Д. Балыку, Л. А. Боброву, Д. Е. Бузденкову, А. Г. Герцену, О. В. Комарову и Э. Х. Сейдаметову.

ГЛАВА I. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

1.1. Историография

Историография военного дела крымских татар имеет давние традиции. Ввиду того, что Крымское ханство занимало видное место среди восточноевропейских держав в XV–XVIII вв., военная история крымских татар издревле привлекала внимание историков.

Российская историография.

Историография XIX – начала XX вв. Российские историки XIX – начала XX вв. активно изучали войны, в которых участвовало Крымское ханство. Однако при этом они концентрировали свое внимание преимущественно на ходе военных действий. Походы и набеги крымских войск освещались в работах таких российских и украинских историков, как С. М. Соловьев [600; 601; 602; 603; 604; 605; 606; 607; 608; 609; 610; 611; 612], Н. М. Карамзин [455], Н. И. Костомаров [466; 467], А. А. Скальковский [587; 588; 589; 590]. Д. И. Яворницкий подробно останавливался на вопросе о мобилизационных возможностях ханства и ногайских орд, а также о проведении набегов [677, с. 319–330]. Г. Ф. Карпов подвергал сомнению «тмочисленные» оценки численности крымских войск [458, с. 4–5]. А. Н. Петров составил очерк военного дела татар в XVIII в. [548, с. 20–22]. В труде А. К. Баиова о русско-турецкой войне 1736–1739 гг. описание татарского войска изложено по А. Н. Петрову [335, с. 103–104]. Военную организацию крымских татар изучали В. Х. Кондараки [462, с. 25–36] и Ф. А. Хартахай [641, с. 182–236]. В. Х. Кондараки оставил наиболее яркое в дореволюци-

онной российской историографии описание войска крымских татар, его мобилизации, вооружения, тактики. Многочисленные данные об истории (в частности военной) Крымского ханства приводит В. Д. Смирнов [592; 593].

Историография в 20-х – начале 40-х гг. XX в. В этот период в СССР появился ряд работ, посвященных истории Крымского ханства. Однако, ввиду особенностей советской историографии, упор в них делался на социально-экономические отношения. К примеру, в статье С. В. Бахрушина об истории Крымского ханства про состояние военного дела в ханстве практически ничего не говорится. Исключением является замечание историка, что в XVIII в., в силу необходимости противостояния российским войскам, в Крыму было налажено собственное производство огнестрельного оружия [343, с. 328]. В работе П. А. Никольского военная организация не затрагивается, хотя и отмечается, что беи не только командовали отрядами на войне, но даже предпринимали войны без одобрения центральной власти [528, с. 8]. В. Е. Сыроечковский был одним из немногих советских историков, писавших о военном деле ханства (во времена Мехмед-Герая I) [619].

Историография в 40–80-х гг. XX в. Изменение идеологического курса Советской власти, выражающееся в свертывании коренизации и насаждении русификации (со второй половины 30-х гг.), не могло не отразиться самым пагубным образом на изучении истории государства крымских Гераев. Решающим событием, повлекшим за собой начало кампании по очернению истории крымских татар, стала депортация крымских народов 1944 г. После этого репрезентация Крымского ханства в работах большинства советских историков уже не соответствовала научным критериям. Укажем в качестве примера на первый том «Очерков по истории Крыма» П. Н. Надинского, где в разделе с характерным названием «Разбойничьи набеги крымских татар» автор описывает технику проведения набегов [523, с. 64–69]. Л. А. Якобсон отста-

ивал тезис о реальности «набеговой экономики» и считал, что в набегах участвовало 30–50 тыс. человек [678, с. 140–142].

Некоторые советские историки откровенно писали о настоящей цели своих исследований, весьма далекой от науки. «Весь материал указанного раздела нашей работы должен подвести читателя к выводу, что ликвидация Крымского ханства и присоединение его земель к России (1783 г.) стало исторической необходимостью», – признавался С. А. Секиринский [569, с. 2].

Куда больше советских исследователей интересовала борьба России с Крымским ханством и оборонительная система на южных русских рубежах. Этой проблематике посвятили свои работы С. Л. Марголин [508], А. А. Новосельский [529; 530], Г. А. Санин [563], В. П. Загоровский [436; 437; 438], А. Б. Кузнецов [472; 473], В. А. Александров [322], Н. А. Смирнов [595; 596].

Тем не менее некоторые авторы писали о крымском войске. А. М. Алекберли подробно останавливался на вопросе о численности крымскотатарских армий. Увязывая размеры мобилизуемых сил с логистикой, он пришел к выводу, что ханы могли выставить не более 50 тыс., в большинстве случаев армия во главе с ханом представляла собой массу в 20–25 тыс. воинов, рядовые же набеги включали в себя 3–5–7 тыс. участников [321, с. 108–109].

В. В. Каргалов писал, что татары были хорошими наездниками и лучниками. Их сила заключалась в многочисленной и быстрой коннице, однако из-за нехватки огнестрельного оружия при штурме укреплений они часто терпели неудачу [457, с. 10–17]. Лишь в 1989 г. в Советском Союзе появляется первая работа о военном деле крымских татар. Однако ее автор С. А. Ищенко ограничилась воспроизводством информации, содержащейся в записках путешественников и дипломатов [450]. В силу этого данная работа представляет собой скорее обзор источников, чем полноценное исследование.

Историография на рубеже XX–XXI вв. Бурные политические события конца XX в. – распад Советского Союза и становление новых государств на постсоветском пространстве – привели к тому, что проблема изучения крымскотатарского войска в российской историографии сдвинулась с мертвой точки. Распад СССР и освобождение историков от необходимости следовать определенным идеологическим нормам плодотворно отразились на характере крымоведческих исследований. Отметим статью С. В. Дмитриева, в которой автор (преимущественно на основании записок иностранцев) реконструирует особенности военного дела крымских татар [424]. Историк рассматривал его в контексте военного дела тюркских, степных народов. А. Н. Хабибуллин исследовал оборонительную систему Крымского ханства [640]. Значимым вкладом в изучении темы стали работы В. В. Пенского [536; 537; 539]. Автор отвергал как несостоятельные уничтожительные оценки крымскотатарского войска, указывая, что стереотипный взгляд на ханскую армию как массу плохо вооруженных всадников, способных лишь на грабежи крестьян, расходится с той важной ролью, которую играло ханство в истории Восточной и Юго-Восточной Европы. По мнению В. В. Пенского, крымская военная машина вплоть до начала XVIII в. представляла серьезную угрозу для соседей. И. Л. Измайлов считал распад Золотой Орды решающим фактором снижения численности армии Крыма. Ханы пытались компенсировать это более широким призывом среди населения, что приводило к комплектованию войска преимущественно плохо вооруженными воинами [445]. М. В. Моисеев обращался к проблематике численности ногайских и крымских войск в XV–XVI вв. [518, с. 155–162]. И. Б. Бабулин в работах, посвященных военным действиям на украинских землях в 1658–1659 и 1662 гг., писал о военной организации крымских татар [333, с. 87–89; 334, с. 21–22, 64–66]. По его мнению, «в основе их тактики была стрельба из лука, но при значительном численном превосходстве сил они могли ата-

ковать и холодным оружием (саблями)». Численность армии ханства И. Б. Бабулин определял в максимум 30 тыс., если ее возглавлял сам хан, и значительно меньше (не более 15–20 тыс.) – если командование осуществляли султаны. Главным преимуществом крымских войск историк считал их высокую маневренность и скорость передвижения. А. И. Филюшкин писал о военном деле крымцев в рамках обзора военного дела соседних с Россией стран в эпоху царя Ивана IV Грозного [707, р. 57–65].

Укажем также на работы Л. А. Боброва о тактике крымских татар и ногаев [355; 356], являющиеся наиболее подробными исследованиями по этой теме в российской историографии. По мнению автора, военное дело Крымского ханства представляло собой адаптацию традиционной степной тактики к региональным реалиям. Л. А. Бобров обосновывает утверждение о применении крымцами луков во время ближнего боя, подробно изучает различные тактические приемы крымских татар (в том числе в пешем строю), раскрывает роль и значение ханских мушкетеров, указывает на эффективность управления войсками в бою. В статье Л. А. Боброва и М. А. Рюмшина изучается тактический и оружейный аспект калмыцко-татарских конфликтов первой половины – середины XVII в. [354]. В работе Л. А. Боброва и А. В. Сальникова анализируется северокавказское влияние на комплекс защитного снаряжения (шлемов) крымской знати [357]. Л. А. Бобров, А. В. Сальников и А. А. Шейхумеров посвятили работу использованию древкового оружия в крымских и ногайских войсках в 40-е гг. XV – 50-е гг. XVII вв. [359]. Отметим статью Л. А. Боброва, С. Ю. Каинова, В. В. Веселитской и А. В. Сальникова о копье Тохтамыш-Герая [360].

В статьях М. Е. Шалака рассматривается военное дело крымцев по данным иностранцев, побывавших в России в конце XVI – начале XVII вв., таких как Ж. Маржерет, Д. Флетчер и И. Масса [662; 663; 664; 665; 666]. И. В. Зайцев и Р. Р. Эминов являются авторами работы о двух ружьях

крымских ханов – Сахиб-Герая III и Бахты-Герая [435]. И. В. Зайцев рассмотрел военную организацию в рамках очерка по истории Крымского ханства, помещенного в первом томе двухтомной «Истории Крыма» [447, с. 457–461]. В работах А. А. Шейхумерова рассматриваются организационная структура войска Крымского ханства [667], история взаимоотношений крымских татар и поляков в XVII–XVIII вв. [668], борьба крымской конницы с вагенбургом [669], военная реформа Шахин-Герая [670], а также ряд отдельных тем [671]. Р. Р. Абдужемилев исследовал значение воинской атрибутики (музыкального оркестра, знамен и бунчуков) в крымском военном деле, ее роль как символа воинского престижа [315]. Э. И. Сейдалиев провел сравнительный анализ военного дела половцев, печенегов и крымских татар [566].

Внимания заслуживают работы Д. В. Сеня о донских и кубанских казаках, их взаимоотношениях с Крымским ханством и участии кубанских казаков в походах ханских войск [573; 574; 576; 578]. В. Е. Возгрин в первом томе четырехтомного издания об истории крымских татар дает обзор военного дела ханства и описывает технику совершения набегов [385, с. 444–466]. Несмотря на прокрымскотатарскую тенденциозность, данное исследование представляет собой значимое явление в историографии военной культуры Крымского ханства. О войске Крымского ханства писали также В. С. Великанов и М. В. Нечитайлов [375, с. 88–89].

Украинская историография.

Украинская историография в конце XIX в. – 30-е гг. XX в. Боевые действия крымских татар, их участие в войнах на территории Украины отражены в работах М. С. Грушевского [414; 415; 416]. Описание татарского войска по нарративным источникам представлено в работе И. П. Крипякевича об истории украинского войска [469, с. 160–165]. Ю. Тис-Крохмалюк в работе о битвах Богдана Хмельницкого посвятил главу крымским татарам [628, с. 46–48]. Он считал, что

крымцы были очень хорошей легкой конницей, однако при этом плохо вооруженными. После краткого обзора крымского войска у автора следует описание набега по Боплану.

Украинская историография в 40 – 80-е гг. XX в. Украинские историки, жившие в СССР, следовали в фарватере общей советской политики. Современный украинский тюрколог А. Галенко писал: «После 1944 г. украинские гуманитарии и деятели искусств в большинстве своем поддались на развязанную советским руководством травлю крымских татар» [395, с. 31]. Следствием этого стало то, что в исторических работах крымские татары наделялись исключительно отрицательными качествами. Общим местом было принижение боевых качеств крымскотатарских войск. В качестве примера укажем на работы В. А. Голобуцкого [400, с. 290] и А. М. Апанович [325, с. 153–154]. Основным сюжетом истории Крымского ханства были набеги и борьба с ними славянских народов. Участники набегов даже назывались «завоевателями» [471].

Украинская историография на рубеже XX–XXI вв. Серьезных успехов в изучении истории Крымского ханства добились украинские исследователи, работавшие над данной темой после распада СССР. Оригинальную попытку реконструкции крымскотатарского военного дела предпринял Ю. М. Ефремов [430, с. 25–31]. Во втором томе «Истории украинской культуры» Л. В. Войтович в разделе «Військо ординців» поместил краткий очерк военного дела крымских татар [448]. В третьем томе этого же издания в разделе «Кримско-татарське військо» Т. Чухлиб писал, что, «рассматривая отечественное военное дело, нельзя не коснуться военной организации Крымского ханства». Стратегия и тактика крымских татар являлась «составной частью общей истории культуры нашей страны» [449, с. 309–310]. Автор отмечал, что поддержание суровой дисциплины стало одним из стержневых принципов высокой боеспособности войска. Крымские полководцы предпочитали давать битву на открытой местности. Армия была построена на родовом принципе и не явля-

лась регулярной, в военных походах принимали участие почти все взрослые мужчины.

В работе о Конотопской битве А. Г. Сокирко писал о войске Гераев [598, с. 29–49]. Он писал, что крымское войско формировалось по родовому принципу и делилось на десятки и сотни. Автор подробно описывает различные виды защитного снаряжения и оружия крымских и ногайских татар. В. Г. Бережинский и Н. Ф. Черкес являются авторами статьи об истории огнестрельного оружия в Крыму и Османской империи [346]. В коллективных трудах украинских историков о военном деле и военной истории Украины помещены статьи А. Галушки о крымскотатарском войске [396; 397].

И. С. Стороженко считал, что боевая ценность крымских союзников Хмельницкого занижалась в историографии, однако их боевые качества как воинов была высоки [616, с. 90–97]. Историк приходит к выводу, что «не отдельно от татар, а наоборот, вместе с ними были одержаны основные победы над польским войском». И. С. Стороженко также писал о военной доктрине Крымского ханства конца XV – середины XVII вв. [617]. О. Гайворонский является автором научно-популярного издания об истории ханства в XV – первой половине XVII вв., а также исследования о роли христианской пехоты в крымском военном деле в XVII в. [391; 392; 389]. В работе И. О. Ворончук о населении Волыни в XVI–XVII вв. автор описывает крымское войско (преимущественно по работам польских историков) и его набеги [388, с. 371–377]. Г. Абдулаева является автором сборника очерков о военном деле и военной истории Крымского ханства [317]. О. О. Савченко писал о войске Крымского ханства как важном факторе украинско-татарских отношений [561, с. 104–111]. Интерес к боевому прошлому крымского войска проявляют украинские реконструкторы [474, с. 56–61; 496, с. 38–47].

Несмотря на позитивные изменения в изучении истории Крымского ханства, часть украинских историков продолжала придерживаться устаревших взглядов. В. Н. Заруба писал,

что крымская конница «была неспособна противостоять ни казацкой кавалерии, ни рейтарам, ни панцирным гусарам, московской поместной коннице, не говоря уже про кирасир» [439, с. 208], хотя в его работе представлены примеры обратного. Например, Заруба сообщал, что после битвы в Черной долине в 1689 г. «московские командиры и казацкие полковники, видя бессилие собственной конницы против татарской и силу пехоты, спрятали конницу в вагенбург и табор» [439, с. 358].

Традиционно значительная часть работ украинских историков посвящена набегам крымских татар на украинские земли. Стоит отметить работы А. И. Галенко [394], С. А. Лепявко [493; 495], В. В. Грибовского [401; 402], Я. Р. Дашкевича [421], И. М. Тимова [625].

В. В. Грибовский является автором работ, посвященных ногайским ордам Северного Причерноморья, их военному делу и взаимоотношениям с Бахчисараем [404; 405; 406; 407; 408].

Польская историография.

Польская историография «послераздельного» периода (1795–1918). В силу объективных причин польских историков XIX – начала XX вв. интересовала в первую очередь тема военного противостояния и военных союзов Речи Посполитой и Крымского ханства. Т. Корзон и Л. Кубаля составили обзор военных действий крымских татар в рамках военно-политической истории Польши [753; 754; 757; 758; 759; 760]. Первой работой, где подробно рассказывалось бы о войске Крымского ханства, стала книга Ю. Бартошевича о польско-турецко-татарских отношениях, истории татар и Турции [691, с. 76–91]. В. К. Вуйчицкий уделял большое внимание татарским набегам и их влиянию на славянский фольклор [850; 851, с. 62–114]. К. Гурский, М. Недзвезький и Ф. Равита-Гавроньский писали о набегам и борьбе с ними польских войск [732; 784, с. 37–65; 813].

Польская историография эпохи Второй Речи Посполитой (1918–1939). Качественные изменения в польской историографии произошли в 30-х гг. XX в. О. Лясковский называл татарина мастером проведения загонов и неожиданных нападений, специалистом в использовании условий местности, атакующего с пылом и силой и тут же уходившего врассыпную при сильном сопротивлении. По мнению О. Ляковского крымский татарин был для поляков хорошим учителем степной войны [765, s. 17–18]. Л. Колянковский писал о набегах крымских татар на Польшу и Литву во времена Ягеллонов [748]. Настоящую революцию произвели исследования О. Гурки, который подверг кардинальному пересмотру бытовавшие взгляды на крымскую армию, призвал отказаться от представлений о «бесчисленных татарских полчищах». Он первым попытался составить представление о реальных мобилизационных возможностях Крымского ханства. В своих работах, опубликованных в 1932–1935 гг. (и написанных под влиянием методологии немецкого историка Г. Дельбрюка), Гурка указал, что Крымское ханство имело немногочисленное население и столь значимое место в международной политике оно занимало благодаря высокой боеспособности своего войска [725; 726; 728; 727, s. 136, 138].

О колоссальном влиянии О. Гурки на последующие поколения польских историков говорит то, что в почти всех выходящих в Польше работах, где так или иначе затрагивается крымскотатарская военная культура, авторы ссылаются на подсчеты Гурки (иногда корректируя их) и его мнение о боеспособности ханского войска. Разумеется, радикальный пересмотр устоявшихся взглядов не мог не вызвать критику «традиционалистов». Полемицировал с О. Гуркой С. М. Кучиньский, отстаивавший старую точку зрения о громадных татарских армиях [762]. Он оспаривал снижение численности крымских войск, считая, что, раз большинство источников указывают на «тьмочисленность» ханских армий, то, следовательно, они действительно была столь крупными. Исследо-

ватель приходит к выводу, что Крым, имея лишь 20 тыс. войска, не мог бы играть такую роль в международной политике. В середине XVII в., по мнению С. М. Кучиньского, ханство выставляло в поле 70–80 тыс. человек, из них 50 тыс. крымских татар. И все же, несмотря на отдельные скептические возражения, работы Гурки заложили фундамент для дальнейших исследований польских историков о вооруженных силах крымских ханов.

Польская историография социалистического периода (1945–1989). С 1945 г. польская историография вступает в новый период своей истории. Несмотря на определенные ограничения, накладываемые советскими идеологическими установками, польские историки сумели сохранить в своих произведениях оригинальный взгляд на историю польско-крымских отношений. Б. Барановский в своих, ставших классическими, работах о польско-татарских отношениях в 1624–1629 и 1655–1660 гг. писал, что даже в крупных походах во главе с самим ханом армия могла насчитывать всего 15–20 тыс. человек. В отдельных походах численность войск была еще меньше – по его мнению, Тугай-бей в 1648 г. пришел на помощь к Хмельницкому с 2 тыс. воинов, столько же имел в своем походе против шведов в 1656 г. Субхан Гази-ага. Б. Барановский считал, что татары были хорошо вооруженными воинами, обладали прекрасными боевыми качествами и превосходили поляков умением переносить тяготы похода [688; 689; 690].

Высоко оценивал военную мощь ханства Р. Маевский. Он полагал, что польские военачальники в первой половине XVII в. предпочитали вступать в сражения с татарами при наличии численного превосходства, опираясь на полевые укрепления, усиленные пехотным и артиллерийским огнем. По мнению историка, стратегия крымских татар делилась на два вида – «стратегия сокрушения» и «стратегия грабежа». Под сокрушением подразумевались походы, ставящие своей целью вывод из строя неприятельской армии, во время граби-

тельских же походов крымцы, напротив, избегали столкновений с врагами [768, s. 94–97; 769]. В. Серчик писал, что Крымское ханство могло поставить «под ружье» треть мужского населения страны. Татары, по мнению Серчика, были прекрасными лучниками, точно стреляющими даже на скаку, однако не употребляли огнестрельного оружия [818, s. 64–71]. Упомянем также работу Л. Подхородецкого и Н. Рашбы о Хотинской войне 1621 г., в которой авторы составили оригинальный обзор войска Гераев [808, s. 68].

Проблема противостояния татарским набегам рассматривалась в работах Е. Охманьского [789] (набеги на Великое княжество Литовское в XV–XVI вв.), Т. М. Новака (первая половина XVI в.) [809, s. 168–182], Е. Теодорчука (первая половина XVII в.) [853, s. 466–468], М. Хорна (первая половина XVII в.) [739], В. Чаплиньского [704], Я. Паевского [796].

Польская историография на рубеже XX–XXI вв. Важным событием в истории изучения Крымского ханства стала публикация в 1989 г. известной монографии Л. Подхородецкого об истории державы Гераев и ее взаимоотношениях с Польшей в XV–XVIII вв. [805], переизданной в 2012 г. под новым названием [807]. Автор считал, что подсчеты О. Гурки несколько занижают реальный мобилизационный потенциал Крыма. По мнению историка, при присоединении к армии ногайских орд армия Крыма могла вырасти до 40–50 тыс. воинов. Л. Подхородецкий также отмечал, что крымцы были плохо вооруженными, однако, несмотря на это, являлись опасным противником ввиду своих прекрасных боевых качеств. В 1997 г. в Варшаве увидело свет уникальное оружиеведческое издание, составленное Я. Гутовским, о доспехах и оружии татар, снабженное фотографиями многочисленных музейных экспонатов [733]. В том же году вышла статья В. Маевского, в которой рассмотрены источники и историография численности войск и народонаселения Крымского ханства [774, s. 579–583].

Новой вехой в изучении государственности крымских та-

тар стало начало XXI в. В этот период в польской историографии появилось большое количество работ, посвященных отдельным аспектам военного дела Крымского ханства. В 2006 г. вышла книга Д. Скорупы об отношениях татар и Польши в 1595–1623 гг., в которой автор подробно описал татарское войско [822, s. 34–43].

Татарским военным делом (в первую очередь набегами) занимается А. Глива. В своих работах он пишет, что Крымское ханство эффективно реализовывало стратегию «непрямых действий», основанную на постоянном грабеже соседних государств. В военном плане крымские татары представляли собой серьезную силу, имея хорошо поставленную разведку и вертикаль командования [721; 720; 722; 398].

Военное дело Крымского ханства было рассмотрено в работах польских исследователей начала XXI в. М. Вагнера [838, s. 144–154] и Т. Гурского [729]. М. Гавенда приходит к выводу, что крымская конница делала ставку на подвижность и стремилась в боях (как мелких, так и крупных) к окружению противника. Хотя крымцы и были уязвимы к огнестрельному оружию, в ряде ситуаций они успешно наступали сквозь огонь. Автор считает, что важную роль в татарской тактике играл сабельный бой и приводит примеры атак с использованием холодного оружия. Атакуя противника, крымские татары отдавали предпочтение лучной стрельбе, но на направлениях главного удара активно использовали холодное оружие [716].

М. Рогович в книге об осаде крымско-казацкими войсками Збаража в 1649 г. посвятил IV раздел войску Крымского ханства, в котором предпринял попытку реанимировать традиционное представление о крымскотатарском войске как о громадных массах плохо вооруженных всадников, подавляющих небольшое польское войско своей численностью [814].

М. Франц, напротив, отмечал, «что татарская конница достойно противостояла любой кавалерии неприятеля, представляя для нее серьезную угрозу» [713, s. 63–67], и именно

ввиду того, что казаки имели своим противником «необычайно умелую и быстро действующую татарскую армию», они предпочитали воевать под прикрытием табора, делая ставку на разнообразные военные хитрости.

Тематика татарских набегов и противостояния им польских войск получила отображение в работах М. Плевчиньского (XV–XVI вв.) [799; 800; 801], Т. М. Новака (первая половина XVI в.) [785, s. 80–86], М. Вагнера (конец XVII в.) [837, s. 77–88], Я. Виммера (первая половина XVII в.) [843, s. 52–57].

Историография других стран.

Западная историография. Подробно описывает военное дело Крымского ханства и проблему османско-татарского военного сотрудничества венгерский историк М. Иванич [744]. По ее мнению, армия Гераев, участвующая в османских походах в Венгрию в XVI–XVII вв., насчитывала не более 25 тыс. человек в случае, если ею руководил сам хан, и вдвое меньше – если поход возглавлял калга-султан. Крымское войско характеризуется автором как боеспособное и дисциплинированное, однако уязвимое к ружейному огню. М. Иванич является также автором единственной на данный момент работы, посвященной крымскотатарской шпионской сети, где подробно изучается функционирование агентурной сети Крымского ханства и ее роль в походах крымцев [743]. Венгерский исследователь Ф. Тот обращался к теме продовольственного обеспечения татарских походов [832]. Канадский историк В. Остапчук реконструировал тактику и организацию армии Крыма в правление Сахиб-Герая I [531; 792]. Он указал на важную роль вагенбурга и пехотного войска в походах Сахиб-Герая, на стремление этого хана усилить свою власть в стране посредством создания личной армии, противопоставленной бейскому ополчению. Американский историк Б. Г. Вильямс занимается изучением военной организации крымских татар, их походов на всем пространстве от Дуная до Ирана [699; 362]. Отмечая важную роль крымской конницы в

османских войнах, исследователь пишет об обоюдовыгодном характере крымско-турецкого сотрудничества – ханские армии внесли значительный вклад в военные усилия османских войск, а взамен ханство приобрело защиту одной из наиболее могущественных империй мира.

Д. Шапира считал, что крымские татары использовались турецким командованием для террора населения и опустошения вражеских земель, а не для борьбы с регулярным противником [817, р. 132]. Отметим работу Б. Дэвиса о военно-политической истории Восточной Европы в 1500–1700 гг., в которой содержится описание войска крымских ханов и проводимых им набегов [700, р. 17–22]. К. О'Нейл писала о войске Крымского ханства и военной реформе Шахин-Герая [790, р. 128–130].

Турецкая историография. В работе Х. Инальджика о Крымском ханстве в правление Сахиб-Герая I автор рассматривает структуру крымских войск, подробно освещает организацию гвардии хана, основу которой составляли пешие ружейные стрелки и артиллерия [742]. М. Урекли, в монографии о Крымском ханстве и его взаимоотношениях с Османской империей в 1441–1569 гг. поместил раздел о военной организации ханства, продолжавшей, по мнению историка, золотоордынские традиции [835, р. 79–85]. Н. А. Курат писал о набегам крымских татар [477, с. 241–243]. Ю. Озтюрок описывал военные походы крымских ханов в контексте истории державы Гераев [795]. С. Аджар приводил данные по численности ханских войск в московском походе 1571 г. [682, р. 101–102].

В большинстве перечисленных нами работ мировой историографии военное дело крымцев рассматривается либо вскользь, в рамках военной истории, либо изучались лишь его отдельные аспекты. Самая яркая страница крымскотатарской истории – войско и войны Крымского ханства – все еще таит в себе много загадок и тайн, многие аспекты крымскотатарского военного искусства все еще ждут своего исследователя.

1.2. Источники

Для реконструкции организации и тактики крымскотатарских войск были использованы сообщения иностранных наблюдателей (путешественников, дипломатов, купцов), хроники и летописи, мемуары и военные дневники, делопроизводственная документация, посольские отчеты и дипломатические документы. Ввиду огромного числа источников, описывающих войско и войны Крымского ханства, мы ограничимся лишь их кратким обзором.

Европейские источники. Многочисленные европейские путешественники, побывавшие в странах Восточной Европы, в Крыму и на Кавказе в XV–XVIII вв., писали как про Крымское ханство в целом, так и про вооруженные силы этого государства. Ряд сочинений иностранцев пользуются особой популярностью ввиду их доступности и известности.

С. Герберштейн (1486–1566), бывший послом германского императора к великому князю московскому Василию III в 1517 и 1526 гг., дает ценное описание применявшейся татарами тактики, а также подробно описывает поход хана Мехмед-Герая I на Москву в 1521 г. [60].

Г. де Боплан (около 1600 – 1673) – французский военный инженер-фортификатор. С 1630 по 1648 гг. находился на польской службе, автор изданного в 1651 г. «Описания Украины», включавшего главы о Крыме и крымских татарах [44]. Бопланово описание татарского набега стало каноническим и повторяется во многих научных работах. Популярным является и его оценка численности крымского войска (40–50 тыс., в случае если поход возглавляет хан – 80 тыс.). Однако наряду с этими числами в «Описании Украины» встречаются совершенно неправдоподобные данные. Так, турецкий султан Осман II повел в 1621 г. на Польшу армию в 600 тысяч человек, потеряв под Хотином 80 тыс. [44, с. 204], а численность запорожских казаков доходила до 120 тыс. [44, с. 152]. Более того, 40–50 и 80 являются «классиче-

скими» числами, часто используемыми в восточных источниках. Ввиду чего считаем, что числовые данные Боплана о татарском войске восходят к информаторам-крымцам, однако каким образом к нему попали эти сведения, нам не известно. Известны также описания Крымского ханства и его войск за авторством французских консулов в Крыму Ф. де Тотта [93] и Ш. К. де Пейссонеля [92; 162].

Некоторые другие источники также известны историкам, хотя и менее содержательны. К таковым принадлежат произведения Д. Флетчера [213], Э. Лясоты [133], Ф. Руджиери [295], Д. Горсея [68], И. Массы [137], Ж. Маржерета [135], Д. Лукки [227], Э. П. д'Асколи [157], Н. Витсена [54], П. де Шевалье [218].

В то же время многие сочинения европейских современников ханства отличаются подробностью и информативностью, при этом являясь малоизвестными большинству исследователей. Приближенный жены Яна II Казимира, Марии Луизы Гонзаги, Г. де Тенде в своей «Исторической реляции о Польше» посвятил отдельную главу татарам, в том числе весьма оригинально описывал их войско [235, s. 63–70]. Французский военный инженер на службе у Я. Собеского (последняя четверть XVII в.) Филипп Дюпон описывал тактику и вооружение крымских татар [247]. Французский путешественник О. де ля Моттрэ побывал в Крыму в 1711–1712 гг., оставив интересное описание полуострова и вооруженных сил крымских монархов [178]. Упомянем дневник шотландца П. Гордона, воевавшего в рядах шведской, польской и русской армии и принявшего участие в важнейших войнах в Восточной Европе второй половины XVII в. [61; 62; 63; 64; 65; 66]. О крымских татарах писал современник Гордона немецкий офицер на шведской и польской службе И. Х. Хольстен [241].

Именно сочинения иностранцев – дипломатов, путешественников и купцов – являются одними из наиболее популярных источников о военном деле крымских татар. Вместе с тем источники эти зачастую использовались без критическо-

го осмысления их содержания. В глазах европейских авторов XV–XVIII вв. авторитетом были античные писатели. Это приводило к тому, что расхожие стереотипы о «восточных плохо вооруженных варварах», восходящие корнями к античности, воспроизводились писателями в средние века и раннее Новое время. Так, для Михалона Литвина при описании вооружения крымцев основой стало отображение германцев у Тацита [140, с. 114]. М. Бельский, считая татар скифами, позаимствовал построение татарского войска [309, s. 330] из описания строя скифской конницы по Арриану [32, с. 43]. Однако европеец, чье произведение получит достаточную популярность, сам становился образцом для подражания. Описание тактики татар, сделанное С. Герберштейном [60, с. 401–403], было позднее повторено Б. де Виженом [51, с. 81], П. П. де Ерлезундой [138, с. 207] и рядом других авторов.

Крымские и османские источники. Особенностью исторических сочинений, созданных в Крымском ханстве, является то, что они представляют собой разновидность дворцовой литературы. К большому сожалению, крымских источников, описывающих войны глазами их рядовых участников, практически нет. Исключение составляют документы личного происхождения – письма татарских воинов, написанные во время военных кампаний и адресованные собственным родным и близким. Как показывают источники, такая переписка являлась обыденным делом. Однако сохранившихся до нашего времени материалов подобного рода нам известно немного. Так, в декабре 1664 г. казаки перехватили корреспонденцию, включавшую в себя письма крымских татар своим родственникам и друзьям с сообщением о собственном положении и ходе военных действий. В 1867 г. содержание 15 из них было опубликовано в переводе на русский язык [15, с. 230–232]. В 1633 г. участник военной кампании против Польши Сулейман-эфенди отправил своей жене «фронтовое» письмо, где сообщал о ходе кампании и боях под Каменцом-Подольским [80, с. 686–687].

Другой тип крымских исторических источников – это победные реляции, отправляемые Гераями монархам соседних стран с целью убедить их в своей мощи и военном превосходстве крымских войск над противниками. Интерес представляют собой реляции о походе на Москву в 1571 г., отправленные Девлет-Гераем I в Варшаву, содержащие подробное описание боев и последующего пожара русской столицы [88, с. 909–911]. Дополняют известную историкам информацию о ходе 1659 г. донесения Мехмед-Герая IV и его везира Сефера Гази аги в Стамбул и Варшаву о битве с русской армией под Конотопом [142, с. 495] и т. д. Некоторые ярлыки и битики крымских ханов, отправляемые ко дворам иностранных монархов, содержат информацию о ходе военных действий. Далеко не все из них передавали приукрашенную информацию. Так, сведения о численности донских казаков, потерпевших поражение в Адахунской битве 1638 г., содержащиеся в ярлыке хана Бахадыр-Герая I русскому царю, совпадают с данными русских источников [80, с. 117–118].

Среди крымских источников можно выделить поэму о походах Тугай-бея, написанную зятем знаменитого военачальника Джанмухаммедом [27]. Определенный интерес представляет крымскотатарский фольклор, в том числе народные песни, в которых содержатся немногочисленные сведения о войске крымских ханов.

Кадийские сиджили XVII – первой половины XVIII вв. помимо всего прочего ценны тем, что фиксируют существовавшие в Крымском ханстве цены на предметы вооружения, одежду и коней. Это, в сравнении с ценами на другие товары, помогает представить (пусть и приблизительно) абсолютную и относительную стоимость экипировки ханских всадников и, следовательно, размеры материальных затрат населения на снаряжение ополчения. Информация о брачной структуре населения в различные годы дает возможность косвенно оценивать влияние войн на демографическое развитие Крымского ханства (рост числа вдов характерен для военного времени).

Ярлыки, выдаваемые Гераями своим подданным, показывают некоторые особенности социального положения крымскотатарских воинов.

Ряд источников (ярлыков, извлечений из кадийских сиджией, и т. д.) были изданы дореволюционными российскими исследователями И. В. Березиным [40], Ф. Ф. Лашковым [121; 122; 123; 126], М. Биарслановым [41; 42; 43]. На рубеже XX–XXI вв. появляются новые переводы турецких и крымских источников [1; 2; 81; 80; 114]. Переводы и издания кадийских сиджией, осуществленные Х. Инальджиком и О. Рустемовым, дают уникальную возможность увидеть внутреннюю жизнь Крымского ханства [100; 184].

Нельзя не упомянуть создаваемые Гераями и их придворными хроники об истории правления отдельных ханов или Крымского ханства в целом. Важнейшим источником о кампаниях Сахиб-Герая I является «История правления хана Сахиб-Герая», написанная ханским астрологом Мухаммедом Нидаи Кайсуни-заде, известным также как Реммаль Ходжа [3; 4; 5].

О военных кампаниях в эпоху Ислям-Герая III подробно писал хронист Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи [299; 116]. Одним из ценнейших источников является труд крымского историка XVIII в. Сейида Мухаммеда Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских». Эта работа стала основой для «Истории крымских ханов» Хурреми Челеби [433, с. 121–126] (часть ее была переведена А. Негри [154]). Произведение Абдулгаффара Кырыми – «Умдет ал-ахбар» – представляет собой подробную историю Крымского ханства [6]. Немало сведений преимущественно биографического характера содержит «Розовый куст ханов» Халим-Герая [214].

Из османских источников нами использовались извлечения из турецких хроник о взаимоотношениях Крыма и Турции с Польшей в XV–XVIII вв., переведенные О. И. Сенковским [300; 301]. Об участии крымских татар в ирано-турецкой войне 1578–1590 гг. сообщали Ибрахим Рахимизаде и Ибра-

гим Печеви [635]. Абдуллах ибн Ризван [310] и Мевкюфати эфенди [692, р. 733–736] писали об истории Крымского ханства, подробно касаясь событий 1620-х гг., эпохи борьбы братьев Мехмед-Герая и Шахин-Герая за власть в Крымском ханстве.

Уникальным источником является «Книга путешествий» Эвлии Челеби (познакомившегося с крымцами в 1641 г. и сопровождавшего их в ряде кампаний 1657–1666 гг.) [251; 222; 223; 224]. Эвлия Челеби не только описывал ход военных кампаний, но также оставил подробнейшее описание самого Крыма, его населенных пунктов и оборонительных сооружений. Интерес представляют османские и крымские источники о Венской кампании 1683 г., переведенные и опубликованные З. Абрахамовичем [259]. Хроника Мустафы Наимы, переведенная А. Галенко и А. Кульчицким, содержит немало сведений о походах и битвах крымских татар в 1594–1659 гг. [152].

Работы крымских и турецких авторов также следовали определенным канонам. Например, Эвлия Челеби при определении численности войск и потерь часто использовал числа 12, 40 (или 40–50), 80 (или 70–80), иногда с прибавкой 7 (47, 87). Наличие узкого круга чисел, привлекаемых автором чаще прочих чисел, заставляют усомниться, что Эвлия Челеби действительно хотел убедить читателя, что количество ружей в трансильванской армии, сражавшейся с крымцами в 1657 г., составляло 87 тыс., количество погибших затем в битве венгров также равнялось 87 тыс., а попавший в плен командующий трансильванской армии Я. Кемени был освобожден за выкуп в 87 тыс. алтынов [223, с. 63, 69, 71]. Предположим, что речь шла об использовании конкретных чисел для обозначения абстрактных понятий «немного», «много», «очень много», «крупная армия» и т. д.

Польско-литовские источники. Польская и литовская шляхта оставила огромное количество диариушей (дневников), описывающих военные действия против татар либо в союзе с ними. Их ценность в изучении военного дела крым-

ских татар трудно переоценить. Именно подробное изучение конкретных битв и боев, в которых участвовали крымские татары, дает возможность составить наиболее полное представление об их реальных тактических приемах и методах ведения войны. Ряд нарративных польских источников о боевых действиях против крымских татар были изданы в XIX–XXI вв. [250; 283; 237; 238; 255; 276; 279; 288; 254; 243; 289; 290; 297; 277; 246]. Важные сведения о войске и тактике крымских татар XVII в. содержат «хронички» П. Пясецкого [280; 281; 285], В. Коховского [262; 263; 264; 265], И. Ерлича [256; 257].

Большой интерес представляют личные документы и переписка военачальников и знати Речи Посполитой, труды военных теоретиков и писателей. Например, военный писатель второй половины XVI в. С. Сарницкий в своих «Гетманских книгах» подробно писал как о набегах татар, так и об особенностях их военного дела [298]. Наиболее подробную информацию содержат четвертая («О десяти актах, предшествующих битве») и восьмая книги («О вастации, о воевании земли»). Сведения, сообщаемые Сарницким, часто подтверждают информацию, известную из других источников, иной раз они являются уникальными. Писатель приводит ценные сведения об организации, тактике и вооружении татарской конницы, способах проведения набегов, шпионской деятельности и т. д.

Летописи, хроники и другие исторические произведения польско-литовских авторов являются важным источником по истории Восточной Европы. В числе них отметим труды Я. Длугоша [244], М. Бельского [230], М. Стрыйковского [203], М. Кромера [267]. Впрочем, и в этом случае наблюдаются заимствования, к примеру, М. Стрыйковский немало сведений позаимствовал у М. Бельского, а А. Гваньини, в свою очередь, у М. Стрыйковского. Следует упомянуть летописи Великого княжества Литовского – хроники Литовскую и Жмойтскую [166], Быховца [216], а также Баркулабовскую, Евреиновскую, Волынскую краткую [168] летописи.

Важную информацию сообщали польско-литовские послы в Крым. Следует отметить трактат Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и московитян» [140]. Михалон Литвин – псевдоним литовского посла в Крым Венцеслава Миколаевича. Его знаменитое произведение, написанное им в середине XVI в., богато ценными подробностями о крымских татарах, их социальном устройстве и военной организации. Вместе с тем не следует забывать, что это произведение публицистического жанра, и главной целью Литвина было показать испорченность нравов своего народа, сравнивая его с двумя соседними народами – русскими и крымскими татарами. В «Описание Татарии» М. Броневского, бывшего польским послом в Крым в 1578 и 1579 гг., автором рассмотрены численность татарских войск и их тактика [232].

Русские источники. Послы Русского государства в отчетах своему правительству писали о внутреннем положении в Крыму, военных действиях, сообщали ценные сведения касательно ханской армии. Немало дипломатической документации содержится в русских Посольских книгах по связям с Крымским ханством и Ногайской ордой [187; 188; 170; 171; 174; 172; 173].

Использовались также публикации отдельных статейных списков русских послов и посланников И. Судакова (1587–1588) [199], С. Безобразова (1593) [200], А. Лодыженского и П. Данилова (1613) [193], О. Прончищева и Р. Болдырева (1625) [210], С. Тарбеева (1626–1628) [185], В. Тяпкина и Н. Зотова (1680–1681) [202], В. Айтемирова (1692–1695) [50, с. 151–258]. О набегах крымских татар сообщают русские летописи (Никоновская летопись [165], Московский, Пискаревский летописцы [167], и т. д.). Большой интерес представляет 51-я глава «Политии» (книга начата в 1663 году) панслависта Ю. Крижанича (1617–1683), посвященная крымским татарам. Автор пишет об их тактике, сильных и слабых сторонах татарского войска, а также предлагает разработанный им план по завоеванию Крыма [347].

Ввиду того, что именно российская армия была основным противником крымских татар в XVIII в., русские источники чрезвычайно важны для реконструкции тактики и стратегии крымских войск этого периода. Отметим сборник документов, изданных Н. Ф. Дубровиным «Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения» [84; 85; 86; 87]. При изучении тактики крымских войск в XVIII в. использовались воспоминания и дневники офицеров и генералов русской армии XVIII в. М. де Бразе [94], Х. Г. Манштейна [134], анонимного автора «Записок о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах» [204], Г. фон Штрэндмана [220], А. А. Прозоровского [96].

Огромную ценность имеют сборники документов, содержащие информацию по истории взаимоотношений и военных конфликтов между Крымским ханством, Османской империей, Речью Посполитой, Россией, украинскими и донскими казаками. Укажем в числе прочих на «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России» [11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25], «Акты Московского государства» [7; 8; 9], «Воссоединение Украины с Россией» [55; 56; 57], «Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр.» [72; 73; 74; 75], и т. д.

К сожалению, нами использовано немного источников, созданных в Молдавском и Валашском княжествах. Молдавский хронист М. Костин являлся автором «Летописи Молдавской земли», бесценного источника о боевых действиях крымских татар на территории Молдавии в конце XVI–XVII вв. [113; 233]. Описание крымских кампаний содержат летописи казацкой Украины, такие как летописи Самовидца, Грабянки и Величко [131; 99].

ГЛАВА II. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

2.1. Структура войска в XV–XVIII вв.

Как и любая другая армия, войско Гераев состояло из различных компонентов, отличающихся между собой по способу комплектования, вооружению, выполняемым задачам и уровню боеспособности. Можно выделить следующие структурные составляющие крымскотатарского войска: ханская гвардия (отряды служилой аристократии и ездящая пехота); *нукеры* беев, мурз и султанов; ополченцы-*сеферлю*, рекрутируемые для похода из простого населения. Воинов также сопровождали слуги (*казанджи/кошчу*), а также волонтеры. Кроме жителей Крыма в походах принимали участие союзники и подданные крымских ханов: ногайцы, казаки, кавказцы и турки.

Ханская гвардия. Личные войска крымских ханов представляли собой конные, пехотные и артиллерийские части, имевшие собственную историю становления и развития.

Ханская конная гвардия (*ички беглери, ич огланы, капы-халкы*). С первых десятилетий существования ханства Гераи были заинтересованы в создании своего личного войска, которое служило бы противовесом огромному влиянию крымской знати на внутреннюю и внешнюю политику государства. Первоначально военной опорой центральной власти были аристократы, состоящие на службе у хана, – *ички беглери* (внутренние беки) и *ич огланы* (внутренние огланы). Влияние служилой знати постепенно росло, особенно в правление Мехмед-Герая I [775, р. 291].

Привлекали крымские ханы к подобной службе не толь-

ко мусульман. Первый крымский хан, Хаджи-Герай I (1441–1466) принимал на службу христиан, в том числе поляков [244, с. 443]. Традицию включения в состав ханских личных войск христиан продолжал его преемник, Менгли-Герай I (1466–1515), взявший на службу *френккардаши* (живших в Крыму христиан-черкесов) [157, с. 128]. Вероятно, в войске находились и генуэзцы. После падения Каффы в 1475 г. часть генуэзского населения бежала в пределы ханства [390, с. 12]. Знаменитый авантюрист З. де Гризольфи поселился со своими людьми в Сююрташе, чьи жители были обязаны сопровождать хана на войне [675, с. 162–163]. И в XVIII в. среди жителей Сююрташа «еще находятся потомки различных генуэзских родов, как Дория, Гримальди, Спинола и т. д. которым здесь после завоевания османами Каффы были предоставлены татарами места для поселения с большими привилегиями» [632, с. 36].

Подобная практика являлась широко распространенной в древних и средневековых государствах: монархи, не полагаясь лишь на лояльность племенных элит, искали опору для своей власти в чужеземцах. Служилая знать в Крыму была одной из наиболее «нетатарских» по происхождению частей войска. Традиция первых ханов была продолжена впоследствии их преемниками. Саадет-Герай I (1523–1532), Сахиб-Герай I (1532–1551) и Девлет-Герай I (1551–1577) прибывали в Крым в сопровождении турецкого эскорта, включавшего в себя пехоту, конницу и артиллерию.

Сахиб-Герай I положил начало крымскому корпусу *капы-кулу*, комплектуя его представителями иноэтничного населения (преимущественно черкесами). Именно кавказцы с течением времени составили основную массу *хан-кулу* (то есть крымских *капы-кулу*). По мнению С. Х. Хотко, походы хана против черкесов в 1539–1551 гг. с последующим захватом рабов «стали источником пополнения нового подразделения» [644, с. 49]. Попадая в Крым в юном возрасте, черкесские мальчики воспитывались в духе личной преданности хану,

что в долгосрочной перспективе позволяло заменить неизбежно уменьшающийся отряд турецких *янычар*. Эвлия Челеби отмечал, что *хан-кулу* состоят из «детей абхазцев, черкесов и грузин», считавших себя слугами не только крымского хана, но и османского султана [224, с. 202]. Они расселились в Бахчисарае и его окрестностях [224, с. 101].

Гераи активно привлекали на службу кавказскую знать, некоторые представители которой дослужились в ханстве до высоких государственных постов. Так, один из кумыкских князей был принят на службу Сахиб-Гераем I в 1543 г. и стал основоположником династии служилой знати Бораганских [586, с. 55]. То, что Бораганские продолжали службу и при преемниках Сахиб-Герая I показывает, что предавшие этого хана гвардейцы были приняты на службу Девлет-Гераем I с сохранением прежних прав и привилегий. Ряд представителей политической элиты ханства являлись по происхождению черкесами. «Старая» крымская аристократия даже жаловалась в Стамбул, что при Девлет-Герая I власть в Крыму перешла от крымцев к черкесам [646, с. 80]. Позиции черкесских мурз усиливались и в правление Гази-Герая II [377, с. 40].

Хан-кулу укомплектовывались преимущественно знатью кавказского происхождения, но не только ею. Следует отметить, что аристократы на службе хана были «надворным» войском, и потому слова *капы-халкы* (коим обозначали придворных слуг и свиту монарха) и *капы-кулу* (служилая знать) использовались, вероятно, как синонимы¹.

Капы-халкы происходили в основном «из Кабарды и Анатолии» [583, с. 81]. Ряды *хан-кулу* пополняли и крымские татары [584, с. 119], а также представители других национальностей. Среди упоминаемых И. Муфтийзаде родов служилой аристократии один происходил из Турции (Булгаковы), другой род (Крымтаевы) был туркменским [521]. Более того, на службу ханам поступали представители старой знати. Одна из ветвей знаменитого рода Мангытов, возводившая свою

¹ Благодарим И. В. Зайцева за данное уточнение.

родословную к самому Эдиге (мурзы Ногайские) состояла в рядах *капы-халкы* [586, с. 56]. Всего в Крымском ханстве существовало как минимум 48 родов *капы-кулу* [586, с. 56].

Полагаем, что *капы-кулу*, первоначально представляя собой и ружейных стрелков и конницу, с течением времени в силу своего высокого социального статуса превратились в исключительно конное войско. Им давали земельные наделы, они получали жалование из султанской казны, их воспитывали как ближайших соратников хана (*капы-кулу* были не только воинами, но и чиновниками, администраторами и т. д.). Предположим, что уже к правлению Гази-Герая II большая их часть стала конными воинами. Отсюда проистекала необходимость создания нового пешего войска, имеющего статус не служилой знати, а простолюдинов на постоянной службе, коими и стали сначала *тюфенкджи*, затем – *сеймены* (см. ниже).

Капы-кулу имели собственные политические взгляды, не всегда совпадавшие с интересами того или иного хана. Интересно отметить, что, когда Менгли-Герай II в первое свое правление (1724–1730) пытался покончить со своевольством известного ширинского мурзы Джан-Тимура, среди *капы-кулу* нашлись сторонники мурзы-оппозиционера [593, с. 40–41]. Среди приговоренных ханским советом к смерти по обвинению в мятеже Джан-Тимура были не только члены родов Ширин и Мансур, но и «Ногай-оглу из капы-халки» [593, с. 42].

О том, что *капы-кулу* (по крайней мере, большая их часть) в XVII в. были конным войском, а не ружейными стрелками, говорит ряд фактов. Так, Мехмед Сенаи упоминал *капы-кулу* отдельно от стрелков из ружей [116, с. 11]. Эвлия Челеби также перечислял их отдельно [224, с. 220–221] и при этом писал, что первоначально *капы-кулу* были стрелковой пехотой. Аналогично Пейссонель отделял пехоту (*сейменов*) от служилой аристократии (*капы-кулу*) [162, с. 28–29, 33]. Хотя *хан-кулу* часто упоминаются наряду с *сейменами* как часть ханской гвардии, в известных нам источниках XVII–XVIII вв., они, в отличие от

сейменов, никогда прямо не называются ружейными стрелками (хотя большая часть их была ими в XVI в.).

Ряд родов *хан-кулу* возвысились до того, что именовали себя бейскими (хотя и не признавались в качестве таковых старой аристократией). Согласно Пейссонелю, в середине XVIII в. существовали следующие влиятельные рода *капы-кулу*: Кудалак, Олан, Кемаль, Эл, Узик, Каиа, Собла, Авлан, Узме [162, с. 30]. Известны такие рода *капы-халкы*, как Апоракские, Даирские, Кайкубатские, Тайганские, Битакские, Булганские и Мерхатские, рода черкесских *капы-халкы* – Салгирские, Аратукские и Альминские [487, с. 1].

При этом далеко не все *капы-кулу* стали зажиточными людьми (это не должно удивлять – если бы каждому *капы-кулу* давали поместье, пришлось бы поделить между ними весь Крым). Эвлия Челеби отмечал: «при хане в Бахчисарае и в окрестностях Бахчисарая, в деревнях и *отарах* постоянно живут *капу-кулу*» [224, с. 101]. П. Н. Паллас писал, что среди «чиновного», придворного дворянства было немало музр-бедняков, «едва могших существовать», ибо, хотя земля и передавалась по наследству, отцы не всегда могли передать детям свое состояние [160, с. 350]. В ярлыке Девлет-Герая IV (1769–1770, 1775–1777), выданного сыновьям Усеина Хаджи, *капы-халкы* Али и Кутлушаху из деревни Усеин Хаджи, указывалось, чтобы они (а также другие жители деревни) не подвергались притеснениям со стороны Аратукских мирз и аг [122, с. 97–98]. Аратукские сами были *капы-халкы*, то есть перед нами наглядный пример расслоения среди служилой знати.

Хан-кулу в XVII–XVIII вв. представляли собой отборные конные части, сопровождавшие хана на войне, охоте и во время торжественных мероприятий. Согласно сообщению польского посла в Крыму Л. Пясечиньского, несколько сот конных пятигорцев сопровождали хана Гази-Герая II, посетившего Гезлев 20 сентября 1601 г. [294, с. 469]. Сопровождавшие хана Ислям-Герая III при встрече с союзным ка-

защитным командованием в 1651 г. всадники были, по словам Л. Кубали, «все одинаково одеты» (скорее всего, имеется в виду наличие схожего защитного снаряжения) [757, s. 264].

По данным источников, численность *капы-кулу* во второй половине XVI и в XVII вв. составляла 3 тыс. О численности ханского «двора» на 1569 г. мы можем судить по сообщению русских послов в Крыму А. Нагого и Ф. Писемского: «А в Кафу деи царь послал х Касыму, князю. А велел к себе прислати 1000 тегияев, да три тысени кафтанов, да три тысени сапогов – давати крымским татаром от Турского жалованье. А в Козлеве деи велел царь купити на себя [т]ри тысени ж кафтанов да три тысени сапогов, – а давати деи царю от себя дворовым крымским людем жалованье» [172, с. 225]. В 1590 г., по словам венецианского байло в Стамбуле Д. Моро, при хане служило 3 тыс. всадников-черкесов, получающих от него за службу земельные наделы и часть военной добычи [296, р. 345]. По мнению Эвлии Челеби, по состоянию на 1666 г. численность корпорации *капы-кулу* составляла 3 тыс. [224, с. 101]. Непосредственно в боевых действиях участвовала, вероятно, лишь часть их. В 1769 г. хан Крым-Герай I во время похода на Новосербию располагал 1600 отборными кавалеристами [520, с. 69]. Мы полагаем, что вооружение *капы-кулу* было значительно лучше, чем у основной массы крымских татар, хотя речь шла о тех же типах вооружения (преимущественно сабли и луки).

Тактика отборной крымской конницы не отличалась от тактики остального войска. В польско-литовских источниках «двор» хана сражается точно так же, как и прочие татары, выпуская во врага тучи стрел и затем рубясь саблями. По словам В. Коховского, в Зборовской битве 1649 г. «ханский двор под знаком трех зеленых конских хвостов напал на крыло Любомирского, по старому обычаю на левое крыло обратив натиск, для удобнейшей стрельбы из луков» [262, р. 72]. В анонимном источнике о приключениях князя М. Вишневецкого («Эпицидионе») сообщается, что в бою на Кельдишевой мо-

гиле (лето 1555?) войску князя противостоял «великий двор Довлеткирея, перекопского царя». Татары пошли в бой после игры на сурме, стреляя из луков, а потом ожесточенно бились с врагом в рукопашном бою («рубилась весьма храбро с обеих сторон саблями») [615, с. 181].

Помимо земельных пожалований от хана и султанского жалования *хан-кулу* могли рассчитывать на особую добычу, полагающуюся им как гвардейцам. Так, в 1648 г., после возвращения крымских войск из польского похода, *капы-кулу* получили от хана большую часть *хумса* (доли, причитающейся хану и составлявшей 20% захваченной воинами добычи), им была передана часть знатных польских пленнх и трофеев, в том числе оружия и доспехов [116, с. 31, 32, 35]. Кроме того, они не платили налогов и не несли повинностей [122, с. 92], кроме военной службы.

Капы-кулу не только бились под непосредственным командованием хана, но и входили в состав «дворов» крымских султанов, в том числе калга-султана. В сражении с поляками на берегах Прута в 1674 г. участвовали «два двора черкесов солтана галги и Аджи Герая, которые называются капикула» [261, с. 1456–1457]. Отметим, что с крымской стороны в деле участвовала конница [849, с. 299–300], то есть *хан-кулу* бились в конном строю.

Последним успехом ханской конной гвардии стала атака на три полка донских казаков в первой фазе битвы под Перекопом в 1771 г. Мощный натиск обратил донцев в бегство [95, с. 11], и лишь огонь русской пехоты остановил гвардейцев Селим-Герая III.

Капы-кулу также поставляли кадры для офицерского корпуса сейменской пехоты (о чем речь пойдет ниже).

Ружейная пехота (янычары, тюфенкджи, сеймены). В XVI в. крымские ханы постоянно прибегали к услугам вербованных и постоянных ружейных войск, однако такие формирования до поры до времени не имели долгой истории. Возможно, с каждым новым ханом процесс создания ружейных

частей приходилось начинать заново. Лишь с начала XVII в. появляется тип войск (*сеймены*), имевший стабильную структуру и историю и просуществовавший почти до самого конца существования Крымского ханства.

Большая часть ханской конной гвардии Мехмед-Герая I погибла вместе со своим ханом в результате нападения ногайской конницы под Астраханью в 1523 г. Назначенный османским султаном Сулейманом I на престол Крыма хан Саадет-Герай I прибыл на полуостров в сопровождении 200 *янычар* [432, с. 96], ставших опорой его власти [594, с. 49]. Вероятно, именно с этого началась история регулярной пехоты на ханской службе. Хотя еще Менгли-Герай I привлекал для проведения отдельных кампаний османские контингента, в том числе и *янычар*, мы не располагаем сведениями о постоянной службе турецкой пехоты при крымских ханах вплоть до 20-х гг. XVI в. Возможно, подобный шаг султана преследовал цель укрепить крымское войско перед лицом ногайской угрозы.

Саадет-Герай I первый стал принимать на службу в качестве стрелков местное крымское население. Ханский ярлык, раскрывающий некоторые подробности службы гвардейцев крымского властителя, демонстрирует привилегированное положение этих воинов. *Тюфенкджи*² Саадет-Герая I (имевшие тюркские имена) становились тарханами, то есть не несли повинностей и не платили налогов. Если один мужчина в семье служил в ханской гвардии, остальные освобождались от службы в феодальной войске (в ярлыке перечислено 11 мужчин, бывших кровными родственниками 3 тарханам, все 11 освобождались от воинской службы) [40, с. 21]. Также стоит отметить интересное предположение, высказанное О. В. Комаровым в частной беседе с нами, согласно которому данный ярлык (данный ханом в самом начале своего правления) мог представлять собой подтверждение ярлыка предшествующих ханов и, следовательно, первые стрелки на ханской службе набирались еще ранее.

² Благодарим И. А. Керима за указание на использованный в ярлыке оригинальный термин.

По-настоящему широкий (в крымских масштабах) размах формирования ружейных войск приобрело в правление Сахиб-Герая I (1532–1551). Он прибыл в Крым с турецким эскортом, включающим в себя «60 пушкарей, 300 латников, 1000 сейменов, 40 фурьеров, 30 чавушей и 60 зиаметчиков и тимариотов» [592, с. 404]. Это небольшое войско должно было не только укрепить власть хана, но и, по замыслу османского правительства, осуществлять надзор за деятельностью самого Сахиб-Герая. Полученные им от султана силы хан дополнял различными типами войск, комплектуемых из жителей Крымского полуострова.

Наиболее подробный источник по военной организации ханства эпохи Сахиб-Герая Реммаль Ходжа упоминает *тюфенкджи*, *тат тюфенкджи* (татские стрелки из ружей), *тюфенкджи куллар* (слуги/рабы с ружьями) и *тюфенк-эндаз* (стрелки из ружей). Вероятно, терминами *тюфенкджи* и *тюфенк-эндаз* обобщенно назывались все типы крымских ружейных стрелков. Командный состав этих формирований, возможно, подобному ханскому двору в целом, состоял из представителей разных этнических групп. В черкесской кампании 1551 г. отрядом в 200 *тюфенкджи* руководил Али Ходжа [644, с. 56], известны командиры-черкесы, командовавшие ханскими стрелками (см. ниже).

Тат тюфенкджи, судя по названию, комплектовались из числа татов, то есть *зимми* (христиан и иудеев, признававших власть мусульман) Горного и Южнобережного Крыма. Источники, относящиеся к правлению Девлет-Герая I, сообщают больше подробностей об этих войсках (см. ниже). Первое известное нам упоминание татских стрелков относится ко второй черкесской кампании 1545 г. [5, с. 163].

Тюфенкджи куллар, вероятно, занимали привилегированное положение в структуре крымских вооруженных сил. Так, во время второй черкесской кампании 1545 г. 300 *тюфенкджи куллар* располагались в лагере возле самого хана вместе с 200 ханских слуг (*хан куллари*) и *ич огланами*, в то время

как *ички беглери*, *янычары* и *тат тюфенкджи* находились снаружи. Всего в этом походе принимала участие 1 тыс. *тюфенкджи* [5, с. 158]. Первое упоминание *тюфенкджи куллар* относится к московскому походу 1541 г., в котором они участвовали совместно с прочим войском и *янычарами* [4, с. 222].

Полагаем, что ружейные стрелки начали наниматься на службу ханом с самого начала его правления. Уже в конце 1533 – начале 1534 г. крымская знать отправила коллективное письмо в Стамбул, в котором жаловалась на то, что хан «стал отовсюду собирать вокруг себя и делать аркебузирами негодяев, способных стать причиной разрушения государства, и множество смутьянов [и] мошенников» [81, с. 79]. Причина подобного отношения ясна – создание ханом личного боеспособного войска уменьшало его зависимость от беев и давало ему мощный рычаг давления на аристократию. Очевидно, речь не шла о войсках, призываемых лишь на время кампании (первым крупным походом при Сахиб-Герее стала экспедиция в Молдавию в 1538 г.). Полагаем, что речь шла о добровольцах-крымчанах, подобных тем, что набирал в свое время Саадет-Герей I. Вероятнее всего, эти «аркебузиры» были мусульманами: беи сурово критиковали хана за его внутреннюю политику, за то, что он не проводит набеги на христиан. При таком тоне немусульманская религиозная принадлежность «негодяев» на ханской службе (по крайней мере, большинства из них) практически неизбежно стала бы объектом критики.

О том, что у хана были солдаты на постоянной службе, говорит следующий факт: спустя несколько месяцев после московской экспедиции, в мирное время, зимой 1541/42 г., Сахиб-Герей I устраивает расправу над Баки-беем, имея при себе отряд численностью приблизительно в 100 *тюфенджи* и 4 пушки-*зарбузан* [4, с. 229–231].

Что касается *янычар*, то их численность в том или ином походе составляла, как правило, несколько сот человек. На-

пример, в первой черкесской кампании 1545 г. хана сопровождало 300 *янычар* [5, с. 148].

В походах Сахиб-Герая I пехота и пушки играли значимую роль в крымскотатарской тактике. Личные войска хана использовали вагенбург, что позволяло повысить устойчивость пеших частей, особенно при столкновении с кавалерией. Наиболее ярким примером новой тактики является битва под Перекопом 1548 г., где успешная поначалу атака ногайской конницы была остановлена ружейным и пушечным огнем [531, с. 406]. *Тюфенкджи* привлекались для проведения особых операций, представляя собой своеобразный ханский «спецназ». Например, в кампании 1551 г. именно они (1 тыс. бойцов), подкрепленные артиллерией (20 орудий), были отправлены на поимку черкесского князя Елюка [644, с. 55]. В 1546 г. хан со своими стрелками (1 тыс.) и 20 пушками атаковал и захватил Астрахань [5, с. 171].

При Девлет-Герее I сохранялось параллельное существование *капы-кулу* (по-прежнему состоявших из пехоты и конницы) и вербованных отрядов ружейных стрелков. Новый хан прибыл в Крым с традиционным турецким эскортом (300 *янычар*, 300 *кул-кариндаши* и 400 кавалеристов) [742, р. 459–460]. По мнению князя А. Курбского, именно стойкость *янычар* позволила переломить первоначально неудачный для крымских татар ход Судьбищенской битвы 1555 г. в пользу Девлет-Герая I [115, с. 44–45]. Хан также полагался на население Южного Крыма при проведении отдельных кампаний.

Тат тюфенкджи выступали в походы с согласия турецких властей. Для привлечения к участию в очередном походе тамошнего населения следовало пройти через ряд бюрократических процедур. Хан отправлял запрос в Стамбул, указывая количество стрелков, необходимое ему для похода. Султанская канцелярия слала указ местной администрации Кефинского санджака, Мангупского и Судакского кадылыков, сообщая, что хану нужно определенное число воинов, после чего

составлялись списки личного состава и передавались крымскому командованию. При этом задача обеспечения солдат конским составом и одеждой возлагалась на оставшееся население [1, с. 219]: наглядное указание на то, что эти бойцы представляли собой аналог драгун. В некоторых случаях специально оговаривалось, что в поход пойдут добровольцы-христиане, как, например, в 1552 г. [81, с. 124]. Количество *тат тюфенкджи* составляло обычно всего несколько сотен бойцов. В 1567 г. Девлет-Герай I запросил у османского правительства 200 стрелков, но в Стамбуле решили набрать для хана 500 пехотинцев. Возможно, число *тат тюфенкджи* в отдельных походах было еще большим, – германский посол в Стамбуле де Бусбек около 1560 г. записал, что из крымских готов «царёк татар, когда выступает в поход, набирает восемьсот мушкетёров-пехотинцев, главнейшую опору своих войск» [336, с. 245]. Но их численность могла быть и вовсе незначительной. Так, в 1578 г. среди прочих войск, выставленных Кефинским санджаком для крымского похода на Ширван, упоминалось 100 ружейных стрелков из Татского иля [794, р. 94]. Помимо участия в походах хана *тат тюфенкджи* использовались для сопровождения знатных особ. В конце 1571 г. Девлет-Герай I отпустил в Черкесию бесленевского князя К. Канокова, «а с ним отпустил провожати его Уруслана, черкашенина, до холопии тат послал с ним пятьдесят человек с ручницами для береженья» [173, с. 62], то есть черкес на ханской службе командовал татами.

Девлет-Герай I комплектовал пехоту и за счет кавказцев: по данным польского посла в Турции А. Тарановского, хан в Астраханской кампании 1569 г. имел при себе несколько сотен стрельцов-пятигорцев с рушницами [266, s. 55]. Хотя часть *капы-кулу* представляла собой конницу, наличие среди них столь необычных для раннего периода истории Крымского ханства солдат с огнестрельным оружием привело к тому, что *капы-кулу* остались в памяти последующих поколений именно как ружейные стрелки. Эвлия Челеби указывал, что

«они были доставлены от султана Баезида Вели Менгли Герай-хану из рабов Порога Счастья в качестве воинов-стрелков из ружей» [224, с. 101]. Можно предположить, что ружейные части к концу XVI в. были расформированы или потеряли свое значение из-за больших потерь в ходе династического кризиса в Крымском ханстве (1578–1588), сопровождавшегося военными действиями и смутой в государстве. И вскоре корпус *тюфенкджи* пришлось создавать заново.

В правление Гази-Герая II (1588–1608) в истории крымской пехоты начался новый этап, связанный с учреждением регулярного отряда ружейных стрелков. Хан обзавелся постоянным отрядом в 500 *тюфенкджи*. Для их снабжения был введен специальный налог в 12 тыс. баранов, собираемый ежегодно с крымского населения [592, с. 465]. Полагаем, что формирование этого подразделения началось вскоре после восшествия Гази-Герая на престол. Уже в 1590 г. венецианский байло в Стамбуле Д. Моро писал, что крымский правитель имеет при себе гвардию из 150 аркебузирова, набираемых им из собственных подданных [296, р. 345]. Впоследствии численность подразделения продолжала расти. Гетман польный коронный С. Жолкевский в письме польскому королю Сигизмунду III писал о подготовке Гази-Герая II похода в Венгрию в 1594 г.: «Паша кафинский, который имеет 2000 янычар, будет с ним, своих также тысячу стрельцов обучил» [314, с. 42]. Численность ханских стрелков (как и *янычар*) гетман преувеличил, вместе с тем интерес представляют его слова о том, что пехотинцы Гази-Герая II были обучены именно им, а не получены от предшественников. Вероятно, ко времени написания процитированного выше письма формирование нового регулярного отряда было завершено.

Как именно комплектовались *тюфенкджи*, сообщал польский посол в Крыму в 1601–1603 гг. Л. Пясечинский. Они являлись «ружейными стрелками, выбранцами из сел, как и в государствах Вашей Королевской милости пана нашего, которые были неплохо обучены старыми янычарами» [293,

s. 254]. Следовательно, ханские стрелки рекрутировались подобно выбранецкой пехоте в Речи Посполитой, где один пехотинец выставлялся с определенного числа крестьянских семей (из сообщения Пясечиньского следует, что городское население не призывали). Отметим также слова посла о том, что ханских стрельцов обучали *янычары*. С Гази-Гераем II (как и с его предшественниками) в Крым был послан османский эскорт, составлявший 300 *янычвар* [199, с. 69]. Возможно, именно они тренировали ханскую пехоту. Отметим, что одного из *тюфенкджи* на службе Селямет-Герая I (1608–1610) звали Аллахакмар [184, с. 112], и, судя по имени, он был мусульманином.

О наборе пехотинцев из крестьян ханского домена (*ерз мирие*) может говорить такой факт: в Крыму в правление Селима-Герая I проводилась «опись ружьям», которая должна была определить, кому непосредственно подчинялись жители ряда населенных пунктов – хану или беям [122, с. 114]. Из этого можно сделать вывод о том, что это было также связано с вопросом о возможности их привлечения на службу в ханскую гвардию.

В источниках начиная с первой половины XVII в. упоминается новый тип крымской пехоты – *сеймены*. Именно их называли чаще всего источники XVII–XVIII вв., когда речь шла о ружейных стрелках Гераев. Сейменскому корпусу было суждено просуществовать около полутора веков, вплоть до самого падения Крымского ханства. Вероятно, *сеймены* не сразу заменили собой *тюфенкджи*: те и другие иногда одновременно упоминались в источниках. Согласно сообщению русских посланников в Крыму П. Соковнина и Т. Голосова, в 1631 г. донские и запорожские казаки совершили набег на Гезлев, хан же послал против них отряд в 400 человек, в который входили «семени и тюфякчеи» [618, с. 228]. *Тюфенк-эндаз* и *сеймены* порознь упоминаются в хронике Мехмеда Сенаи при описании осады Збаража в 1649 г. [299, s. 121]. Бахадыр-Герай I посылал в Черкесию

для поимки черкесского бея Хакашмака 50 *секбанов* во главе с агой *тюфенкджи* Рамазаном [152, с. 146]. Тем не менее В. Д. Смирнов считал, что налог, взимаемый на содержание *тюфенкджи* Гази-Герая II, впоследствии шел на содержание *сейменов* [592, с. 465–466].

В источниках XVII–XVIII вв. для обозначения ханской пехоты чаще всего использовали термины *сеймены* и *секбаны*. Это один и тот же тип войск. Слово *секбан* («псарь») было позаимствовано турками из персидского языка. В Османской империи *секбаны* были частью янычарского корпуса. Турки и крымские татары произносили слово *секбан* как «сегмен», «сеймен». Поэтому в источниках, написанных на османском языке, сохранялся персизм *секбан*, но русские и поляки слышали это слово от самих крымцев и турок и записывали его как *сеймен* [299, с. 175].

В первой половине XVII в. происходит новое изменение – на этот раз в командной структуре сейменского корпуса. До 40-х гг. XVII в. командование ханской пехотой осуществляли *тюфенкджи агасы* (стрелецкий ага) и *экинджи тюфенкджи агасы* (второй стрелецкий ага) [80, с. 701]. С 40-х гг. XVII в. и вплоть до конца истории ханства командиры пехотных частей именовались *болюкбаши*. Первое известное нам упоминание *болюкбаши* относится к 1649 г. [299, с. 124]). Командующим всем сейменским корпусом был *баши болюкбаши* [162, с. 33]. Причины перемен в наименовании командных чинов мы склонны видеть в общеосманском тренде. С начала XVII в. в Турции появляется новый тип огнестрельной пехоты – *секбаны*, разделенные на болюки (50–100 бойцов), под командованием *болюкбаши*. Общее командование осуществлял *баши болюкбаши*. Эти *секбаны*, состоящие на службе у провинциальных пашей, не имели ничего общего, кроме названия, со старыми *секбанами-янычарами* [527, с. 69–70]. Военные системы Крымского ханства, Молдавии и Валахии находились под османским влиянием (по мнению Д. Колодзейчика, само создание сейменского корпуса было его следствием [750,

р. 16]), и поэтому с начала XVII в. регулярная пехота этих стран получила новое название и новую командную иерархию. Вероятно, и само формирование подразделений *сейменов* (постепенно вытеснивших *тюфенкджи*) также было вызвано новой «модой».

Сеймены делились на болюки, в XVII в. насчитывавшие по 50 человек. Эвлия Челеби, посетив Ферах-Керман в 1666 г., писал, что в башнях у крепости разметили по 50 крымских греков (румов) [447, с. 460] (в переводе Е. В. Бахревского они названы просто греками [224, с. 38]).

На протяжении большей части XVII в. *секбанов* было всего несколько сот человек, как правило, не более полутысячи. Джанибек-Герай I (1610–1623, 1628–1635) и Бахадыр-Герай I (1637–1641) имели по 500 пехотинцев [227, с. 481; 529, с. 286, 288], хотя есть информация о том, что к началу 30-х гг. XVII в. при хане находилась тысяча ружейных стрелков [157, с. 117]. Когда Адиль-Герай I (1666–1671) собрал войско для борьбы с Ширинами, те будто бы заявили, что «Татарские ханы никогда не собирали и пятисот стрелков» [224, с. 223].

Селим-Герай I в свое третье правление (1692–1699) резко увеличил численность пехоты. Об этом говорит рост расходов султанской казны на оплату крымских стрелков (с 1692 г. они выросли в четыре раза [741, р. 110–113]). В 1693 г. хан располагал уже 34 болюками *сейменов*, в каждом по штату было 50 человек (*болюкбаши*, *одабаши*, *чавуш*, *байрактар* и 46 рядовых), хотя были болюки как меньшей, так и большей численности [50, с. 193, 204]. Так, есть упоминание об отряде татар с *одабаши* и *байрактаром*, численностью в 60 человек [30, с. 33] или даже о «сотнике Одобаше» [339, с. 21] (хотя в данном случае наименование *одабаши* сотником, скорее всего, является следствием ошибки).

Мы полагаем, что в начале XVIII в. *сеймены*, ввиду трудностей их содержания казной и того, что часть их обеднела настолько, что не могла исправно нести службу, были раз-

делены на постоянных и запасных. Освобождение части *сейменов* от регулярной службы давало им время и силы для добывания себе пропитания иными путями.

По словам О. де ля Моттре, в 1711 г. на службе хана находилось 1200 *секбанов*, набираемых из татар и обучаемых с детства [178, с. 190]. Это может говорить о том, что дети *сейменов* готовились продолжать службу, которую несли их отцы. В середине XVIII в. насчитывалось 20 *байраков* (знамен) *секбанов*, по 30 человек в каждом, на случай войны на службу призывалось еще 20 *байраков* [162, с. 33], то есть общая численность на протяжении полувека оставалась стабильной. Впоследствии сейменский корпус был расширен, будучи доведен во второй половине XVIII в. до 20 *байраков* по 100 человек в каждом. В правление Шахин-Герая корпус был распущен, под предлогом обеднения воинов и их неспособности ввиду этого исправно нести воинскую службу [84, с. 710–711]. Вместо них хан набрал новое подразделение на добровольческих началах, комплектуемое воинами, также называемыми *сейменами*.

Естественным фактором, ограничивающим увеличение числа *секбанов*, были затраты на их содержание. Стоит согласиться с Б. В. Черкасом, что слабость ханской казны препятствовала созданию многочисленного регулярного войска [654, с. 36]. Если принять население Крыма в XVIII в. в 300 тыс., то *секбаны* составляли не более 1% населения. На первый взгляд это немного. Однако Франция в 1761 г. имела 290-тысячную армию, а на 1789 г. – 173-тысячную. В первом случае речь шла о 1,2% народонаселения Франции, во втором – 0,7% [423, с. 744]. Принимая во внимание, что размер семьи в Крыму составлял 5–6 человек [567, с. 60–62], следует признать, что, с учетом масштабов государства Гераев, численность корпуса была немалой.

Если *тюфенкджи* Гази-Герая II, по сообщению Пясечиньского, комплектовались подобно польско-литовским выбранцам, то *сейменов* первоначально вербовали среди доброволь-

цев. Впоследствии новых воинов набирали из семей, члены которых ранее служили в этом воинском формировании, при этом часть их постепенно обеднела (по-видимому, это было вызвано недостаточно высоким жалованием). Хан Шахин-Герай вспоминал, что «делается сей набор не по вызову, а по заведенному издревле обыкновению, наиболее из принуждения» [84, с. 711]. Известны примеры, когда человек определялся на сейменскую службу не по собственному желанию, а по приказу хана [25, с. 97]. Полагаем, что такие меры принимались в тех случаях, когда, из-за понесенных потерь, прежняя численность корпуса не могла быть восстановлена за счет одних лишь возмужавших детей *сейменов*.

Офицерство комплектовалось (по крайней мере, частично) из служилой знати (*капы-кулу*). Чинопроизводство в Крымском ханстве имело сходство с таковым в Российской империи: дети офицеров также могли рассчитывать на чин в ханской гвардии или придворном штате. Благодаря источникам мы можем проследить судьбы одной династии ханских офицеров.

В 1811 г. Мустафа-ага из рода Мачинских подал прошение в Таврическое дворянское депутатское собрание с просьбой причислить его к дворянам [502]. В этом документе изложена история его рода. Предок Мустафы-аги, Дервиш Мехмет-ага, уроженец турецкого города Амасья, в 1672 г. поступил на службу к крымскому хану Селим-Гераю I и переехал в Крым, где работал чиновником до своей смерти в 1693 г.

Его сын, Мустафа-ага, в 1699 г. поступил на службу к хану Девлет-Гераю II, получив высокий чин *баш болукбаши*. Он занимал эту должность вплоть до восшествия на трон Каплан-Герая I (1707). Сын Мустафы-аги, Муса-ага, стал *болукбаши* во второе правление Девлет-Герая II, то есть в 1708 г. и вплоть до своей смерти, наступившей в начале первого правления Менгли-Герая II (1724–1730). Сын Мусы-аги, Ильяс-ага, поступил на службу в 1736 г., при Каплан-Герее I, и получил чин «колджу буйлюк баши, т. е. городовым начальником

по военной и гражданской части» [502, с. 377]. «После хана Селим-Герая II Ильяс-ага продолжал службу при крымских ханах беспрерывно до 1184 г. х. = 1770/71 и награждался ханами и военным командованием чинами подобно чиновникам в российском войске, то есть предки просителя именовались «аджи-бек-таши-аджи-аги именуемые, что значит происхождение чиновных воинов» [502, с. 377–378]. Все трое сыновей Ильяса-аги, Джемиль-ага (отец просителя), Асан-ага и Абдул Фетла-ага, также были чиновниками (хотя *болюкбаши* никто из них не стал). Таким образом, между 1672 и 1783 гг. на службе крымских ханов находилось пять предков Мустафы аги Мачинского, трое из них были командирами *сейменов* (если предположить, что ими командовал и *колджу болюкбаши*).

Ввиду наследственного характера службы *секбаны* стали влиятельной корпорацией [592, с. 467], имевшей свои собственные интересы – и не всегда совпадавшие с интересами хана. Одним из наиболее ярких примеров расхождений в политических взглядах между ханскими гвардейцами и самим монархом стал мятеж против Хаджи-Герая II, поднятый крымцами в 1684 г. Мятежные мурзы, собравшись у Ак-Каи, не только решили сместить хана, но и пригласили к себе *капы-куду* и *секбанов*. Обе части ханской гвардии примкнули к мятежу, и Хаджи-Герая II пришлось бежать в Мангуп [259, с. 321]. Вместе с тем они были более верными правителю войсками, чем племенное ополчение, ввиду чего использовались для проведения репрессий и силового противостояния оппозиционно настроенной знати [593, с. 35, 41].

Сеймены были мусульманами, о чем говорит тот факт, что они маршировали в бой, декламируя аяты из Корана (по крайней мере, в XVIII в.) [6, с. 165]. По мнению Эвлии Челеби, *секбаны* состояли исключительно из приверженцев ислама: «вместе с самим его высочеством ханом было две тысячи греческих молодых, исповедующих праведную веру, т. е. секбанов, вооруженных ружьями» [223, с. 223]. Данные об их этнической принадлежности противоречивы. В источниках они

чаще всего называются татарами; например, отправленного в 1755 г. из Киева в Крым с дипломатической миссией секунд-майора М. Миронова сопровождал «татарин сеймен Измаил» [109, с. 350]. Однако Эвлия Челеби считал, что *секбаны* являются не татарами, а греками [224, с. 31]. Ввиду популярности «Книги путешествий» мнение турецкого путешественника (противоречащее ряду других источников) получило широкую известность, хотя оно является единственным известным нам категорическим утверждением об отсутствии в рядах *сейменов* крымских татар. Полагаем, что в сейменском корпусе служили представители различных национальностей. Скорее всего, среди *секбанов* (как лиц, приближенных к хану) процессы исламизации происходили быстрее, чем в Крыму в целом (греки или армяне, принимавшие ислам, ассимилировались среди крымских татар), ввиду чего это воинское формирование было мусульманским.

Согласно нашей реконструкции, *секбаны* делились на три категории: «столичные», «гарнизонные» и «полицейские». «Столичные» размещались во внутренней части полуострова: в Бахчисарае (при хане), Акмесджите (при калга-султানে) [224, с. 140]. Именно они составляли часть ханской гвардии (наряду со служилой знатью *капы-кулу*). Когда источники упоминают об участии *сейменов* в парадах и маневрах, то речь идет лишь о «столичных» воинах (бойцы, защищающие крепость, вряд ли будут оставлять ее ради торжественной церемонии встречи османского чауша, тем более в военное время).

«Гарнизонные» *сеймены* являлись военными поселенцами. Воин, определенный для службы в крепость, уезжал в нее на постоянное жительство [221, с. 88]. Согласно Эвлие Челеби, на 1666 г. в Перекопе размещалось 500 *секбанов* [224, с. 31], в Арабате – 150 [224, с. 198], в Ченишке – 280 [224, с. 199].

Кроме того, ввиду того, что чиновники и сераскер-султаны ногайских орд нуждались в некотором числе персонала для охраны, сопровождения важных лиц или других задач, небольшая часть *сейменов* («полицейские») находилась в их

распоряжении. Свои *секбаны* были у дубоссарского гетмана Якуба-аги. К примеру, он отправил 2 *сейменов* сопровождать запорожского делегата Галицкого в его поездке к гайдамакам в 1768 г. [58, с. 370], а ранее, в 1762 г., *секбаны* дубоссарского гетмана возили возы с сухарями к месту будущего ханского лагеря [76, с. 339]. *Сейменов* имел при себе эмин перекопских соляных озер, о чем писал Эвлия Челеби: «Эмин... дал нам превосходный фураж, товарищей, ехавших с нами, отправил назад и приготовил других секбанов. Эмин пообещал мне, что с этих пор на каждой стоянке таким вот образом нас будут снабжать фуражом и давать провожатых» [224, с. 20–21]. *Сеймены* состояли при некоторых военачальниках и вельможах. В статейном списке русского посла в Крыму Г. Михайлова при описании событий 1673 г. упоминается «ближней человек Супхам-Газы-ага семеня» [209, с. 69]. В начале 1764 г., согласно донесению российского ротмистра И. Мещерякова кизлярскому коменданту Н. А. Потапову, «живущей на Кубане Казы-Герай Солтан Батыгиреев (котораго ныне на Кубане сераскером сын) имеет при себе присланнаго от хана крымскаго войска крымцов и сейменов до 500» [104, с. 228]. Точная численность «полицейских» *секбанов* в рассматриваемое время нам неизвестна. В правление Шахин-Герая в Крыму их насчитывалось 126 человек, а вместе с *сейменами*, переданными в распоряжение сераскер-султанов ногайских орд, – около 200 [670, с. 66].

Полагаем, что в XVIII в. 1200–2000 ружейных стрелков находились при хане, около 1000–1200 служили в различных гарнизонах и до 150–200 состояли при чиновниках и вельможах.

Вооружение *секбанов* состояло из ружей, луков и сабель. Ферран в 1709 г. писал, что его «сопровождал отряд из 30-ти человек сейманов, гвардейской кавалерии хана, вооруженных ружьями, саблями и стрелами» [211, с. 42]. О. де ля Моттре отмечал, что *сеймены* обучены «с самой юности владению как холодным, так и огнестрельным оружием так же хорошо, как и стрельбе из лука». По мнению французского путеше-

ственника, *сеймены* были единственными в татарском войске, кто не боялся огнестрельного оружия [178, с. 190, 198]. В глазах современников именно это оружие было отличительной чертой, выделявшей их на фоне остального крымского войска. К примеру, самопровозглашенный гетман Петрик (П. Иваненко) в 1693 г. писал запорожцам, что хан придал своим людям для похода на Украину «огнистых людей всех своих *сейменов*» [221, с. 480].

Часто число выступавших в походы *секбанов* могло быть меньшим, чем их общая (и без того небольшая) численность. Так, во время набега на Новую Ссрбию в 1769 г. Крым-Герай I имел с собой 200 *сейменов* [590, с. 72], а в 1651 г., по данным, собранным русскими послами в Крыму, после ухода хана в поход на полуострове было оставлено всего 200 *секбанов* [56, с. 485]. В 1645 г. в набеге на московские земли участвовало, по словам взятых русскими пленных, 30 тыс. крымских и ногайских татар, в том числе лишь 20 *сейменов* [529, с. 349].

Хотя обыкновенно решающей силой Гераев на полях сражений была конница, крымские пехотинцы отличились в ряде боев. В 1626 г. при отступлении ханского войска за Днестр, по словам польского участника боев, «татары, как будто им глаза выкололи (т. е. игнорируя грозящую опасность. – Прим. А. Ш.), в Днестр вскочили, из янычарок по нам стреляли, защищая переправу» [237, с. 62]. В 1663 г. к северу от Перекопа калмыцкий отряд совершил внезапное нападение на ханский лагерь. Калмыкам удалось пробиться практически к самой ставке хана Мехмед-Герая IV, однако в бой вмешались *секбаны*: «царя и нурадын-царевича отстреляли, свалясь с лошадей, пеши *сеймены*, и только бы не *сеймены*, калмыки царя бы взяли» [618, с. 361]. В 1696 г. в 3-тысячный рейдовый отряд калга-султана Девлет-Герая, помимо личных воинов калги и 2 тыс. ногайцев яман-сайдаков, входили *сеймены*. Согласно османским источникам, строй крымских пехотинцев выпалил из мушкетов по авангарду атакующей калмыцкой конницы тайши Аюки (4 тыс.), после чего *секбаны* взяли за сабли и

бросились на врага. Передовой отряд Аюки обратился в бегство, отступили и остальные отряды [745, р. 130].

Несмотря на отдельные успешные операции *сейменов*, нам не известны случаи, когда крымская пехота в войнах XVII–XVIII вв. способствовала бы победе в крупной и значимой битве. Даже имея при себе пехотные части, крымское командование иногда предпочитало не использовать их. В битве в Черной долине в 1736 г., в то время как основная масса крымских войск атаковала русских, гвардия так и не вступила в бой из-за опасения командования, что она понесет большие потери [568, с. 79]. Полагаем, что причиной тому были ее сравнительно миниатюрные размеры и нежелание ханов рисковать верными лишь им войсками.

Секбаны были ездящей пехотой, передвигаясь вместе с прочим войском верхом на конях, перед боем они спешиливались [224, с. 41]. Слова Тунманна о том, что *сеймены* представляли собой 2-тысячный отряд кавалерии [632, с. 23], могут быть объяснены тем, что информатор Тунманна наблюдал их на марше. Однако нельзя исключать того, что иногда они сражались в конном строю. Вероятно, именно так было в битве у Ялныз-Агач в 1738 г. Согласно источникам, с русской стороны в этом сражении русские были атакованы только конницей, царскими солдатами было захвачено 9 знамен, в том числе 1 сейменское [91, с. 210–211]. В крымском источнике («Умдет ал-ахбар») подчеркивается, что на противника напали все *секбаны* и *капы-кулу* [6, с. 177]. Учитывая, что в этом бою крымские татары бились почти одним лишь холодным оружием и наличие пехотинцев с их стороны не зафиксировано (о чем сообщает, например, сопровождавший русскую армию врач И. Я. Лерхе [130, с. 134]), полагаем, что под Ялныз-Агач *сеймены* сражались саблями, верхом и без использования ружей.

Подобно регулярной пехоте других стран, *секбаны* проходили систематические тренировки с целью сохранения и повышения навыков владения оружием (в Бахчисарае суще-

ствовало сейменское стрельбище [202, с. 140]), а также собирались на смотры, устраиваемые ханом [50, с. 204]. Помимо непосредственного участия в боевых действиях *сеймены* выполняли иные функции, связанные с их статусом личных войск хана: фискальные [224, с. 222], курьерские [260, с. 365], полицейские [221, с. 876; 35, с. 768] и карательные [84, с. 351]. К примеру, в 1692 г. по приказу хана *секбаны* произвели казни нескольких человек в наказание за срыв мобилизационных мероприятий в Крыму [50, с. 181]. Во время похода в Новую Сербию в 1769 г. Крым-Герай I использовал *сейменов* для борьбы с мародерами [93, с. 174].

Долгая история сейменского корпуса отразилась на крымской топонимике и фольклоре ряда народов. В кавказских походах *секбаны* нередко были костяком экспедиционных сил (так как эти походы зачастую принимали характер частных войн ханов, предпринимаемых без участия бейских отрядов). Потому в черкесском фольклоре XIX в. о них сохранилась недобрая память: «Из преданий видно, что сеймены, во время владычества ханов над черкесскими племенами, вели себя у них чрезмерно грубо и жестоко; до сих пор людей грубых, строптивых черкесы называют сейменами» [215, с. 306]. В балкарской песне («Ачеева Ачемеца песня») поется о том, как жена богатыря Ачемеца Алабоюнчак стала «потехой для крымского сеймена» [107, с. 68]. В караимской легенде о Гюлюш-Тота мятежные *сеймены* (скорее всего, хана Шахин-Герая), «словно алчные гиены», собираются разграбить Чуфут-Кале, и лишь хитрость и гостеприимство главной героини спасают караимов [492, с. 13–16].

В крымскотатарском фольклоре, напротив, *секбаны*, как часть ханской армии, воспринимались, вероятнее всего, как положительные персонажи. В крымскотатарской народной песне «Боталы бийи» («Верблюдица») девушка поет, что вышла бы замуж за *сеймена*, так как они храбрецы и готовы на самопожертвование ради любимой [28, с. 234; 117, с. 35].

Некоторые географические объекты на Крымском полу-

острове получили названия, связанные с ханской пехотой. В Салачике существовал квартал *секбанов* [224, с. 87], являющийся, вероятно, одним из старейших в городе [318, с. 180]. В Бахчисарае находился квартал, названный Болюкбаши [680, с. 190]. В Крыму в честь *сейменов* были названы скала Сейменин-Кая [367, с. 206] и села Сеймен в Мангытском [366, с. 48], Сейменлеркой в Бахчисарайском [366, с. 34] и Сеймен-Джайла в Кефинском кадылыках [122, с. 110]. Возможно, село Сейменлеркой, судя по его названию («село сейменов») и расположению (неподалеку от Бахчисарая), было населено ханскими пехотинцами и их семьями.

Артиллерия (тончу). В числе прочих регулярных войск следует учитывать ханский полевой артиллерийский корпус, а также десятки орудий, размещенных в крепостях Крыма. По оценке Л. А. Боброва, общая численность артиллерийского парка Крымского ханства составляла около сотни стволов [356, с. 348].

Наибольшее число артиллерии использовал в походах Сахиб-Герай I, который задействовал в военных кампаниях 40–60 орудий [742, р. 459]. При его преемнике Девлет-Герая I количество пушек, используемых в походах, заметно уменьшилось. В 1551 г. этот хан подступил к Брацлаву с 8 (по другим данным 25) орудиями [788, с. 35], в 1552 г. он осаждал Тулу с 18 орудиями [536, с. 62]. В 1569 (в походе на Астрахань) [102, с. 484] и 1575 г. (в набеге на Волынь и Русь) [382, с. 78] крымские татары имели при себе по 10 пушек.

При следующих ханах артиллерийский корпус также насчитывал, как правило, около 10–20 орудий. В 1595 г. Гази-Герай II в походе на польское войско под Цецору имел при себе 11 пушек [330, с. 70], в 1683 г. Хаджи-Герай II в боях против казаков в Буджаке использовал 7 орудий (правда, взятых им из окрестных городов) [660, с. 341]. После победы в Канжальской битве 1708 г. кабардинцы захватили в качестве трофеев 14 орудий, сопровождавших ханскую армию [106, с. 80].

Должность начальника артиллерии появилась в правле-

ние Саадет-Герая I (по русским источникам – «большой и меньший пушечный ага») [619, с. 61], в перечне лиц, которые должны получить «поминки» (*тийиш*) из Москвы, хан Бахадыр-Герай I в 1638 г. называл *топчи баши* (командующего артиллерией) [80, с. 729]. В Бахчисарайском кадылыке существовало село Топчиной («пушкарское село»; после депортации крымских народов переименовано советскими властями в Долинное). Вероятно, его население было представлено артиллеристами и их семьями.

Дворцовая стража (капыджи). Отдельную категорию гвардии составляла дворцовая стража *капыджи*. По определению И. В. Зайцева, «капыджи («привратники») – особое придворное подразделение, существовавшее в Крымском ханстве по аналогии с Османской империей, обеспечивающее охрану ханского дворца, курьерские функции, обязанности охраны иностранных послов» [173, с. 301]. По предположению С. Ф. Фаизова, «копычейским головой» русских источников (иногда ошибочно принимаемым за командира *сейменов* [529, с. 109]) являлся *капыджи баши ага* – начальник дворцовой стражи [210, с. 209]. И действительно, русский посол в Крыму В. Айтемиров (1692–1695) четко различал между собой «копычеев» и «капы-кулов» [50, с. 180, 193].

Возможно, именно *капыджи* и их униформа были описаны немецким купцом Н. Клееманом, наблюдавшим в 1769 г. въезд хана Крым-Герая I в Каушаны: «высокого роста, у которых были большие колпаки, украшенные позолоченными гербами, изображающими ханское оружие. Кафтаны на них красные и опоясаны широким золоченым поясом, с бляхою на переди такого же металла, шаровары были тафтяные желтые и сапожки сафьянные такого ж цвета. Оружие их состояло в длинной сабле, у коей ножны были позолоченные, и в большем кинжале» [110, с. 63]. Этнически *капыджи* также были неоднородны, есть упоминания о «жидовском капычее», то есть караиме [50, с. 178], хотя, возможно, прилагательное «жидовский» означало

лишь, что данный *капыджи* служит в Чуфут-Кале («Еврейской крепости»).

К ханской гвардии стоит отнести *байрак челеби*, которых возглавлял ханский *силяхдар* (оруженосец) [162, с. 33]. Также крымский хан имел своих оружейников (*джебеджи*), возглавляемых *джебеджи баши* [80, с. 729].

Общая численность всех личных войск ханов составляла, на наш взгляд, около 3–5 тысяч.

Нукеры беев, мурз и султанов. В военной организации крымских татар на протяжении всего периода существования Крымского ханства важное место занимали дружины крымской знати. Уже с юных лет крымские аристократы (в том числе и члены правящей династии [232, s. 65]) собирали вокруг себя воинов-добровольцев как знатного, так и простого происхождения. *Нукеры* должны были всюду сопровождать своего господина и быть готовыми на любую жертву ради него [742, p. 451]. Патрон же должен был содержать их [232, s. 70]. Калга-султан Бахадыр-Герай в яркой речи обозначил свои обязанности перед нукерами – он всегда готов дать им коней; если они живут у него, пусть едят и пьют с его стола, а если наделают долгов хоть на 100 тыс. алтынов, он должен заплатить за них [619, с. 54]. В 1519 г. Алп-Герай просил у великого князя московского Василия III 50 тыс. алтынов, дабы возместить долги своих «слуг и товарищей» [619, с. 54]. Крымский татарин, взятый в плен поляками в Жванецкой кампании 1684 г., поведал польскому королю Яну III, что его прежний господин-мурза, умирая, завещал своему верному воину одежду и оружие. После смерти патрона татарин перешел на службу к его сыну [840, s. 204].

Для того чтобы снискать себе популярность среди людей и иметь большое количество *нукеров*, аристократу нужно было проявить себя в роли военачальника и организатора набегов. Братья Шахин-Герай и Мехмед-Герай, дабы прославиться среди татар, организовывали набеги на Польшу, и к 1614 г. Шахин-Герай имел 80 сородников [313, s. 223–224].

По мнению побывавшего в Крымском ханстве в начале XVII в. англичанина Д. Смита, именно надворные войска хана и аристократии составляли костяк военных сил ханства: «Те татары, которые состоят на службе хана или бея, получают от них пропитание и одежду. Остальные же кочевники, простые ордынцы, по природе своей грязные и ленивые люди, а на войне они выступают главным образом как мародеры» [176, с. 25]. Да и в глазах властей существовала четкая разница между профессиональными воинами и «призывниками» из числа простонародья. В 1542 г. Сахиб-Герай I предупредил карачи-беков, «чтобы они приводили только избранных («йарар ньокьор ве эрэнлэнден ихтияр») и не позволяли простым подданным («рэ'айя») вводить себя в заблуждение, присоединяясь к походу» [531, с. 402]. Согласно Пейссонелю, султаны содержали при себе свиту из мирз, «которые присоединяются к ним и разделяют их судьбу» [162, с. 18].

Примеры из военной истории Крымского ханства демонстрируют, что *нукеры* отличались высоким боевым духом и чувством воинского долга. Они часто сражались в первых рядах войска во время наступления, либо находились в арьергарде, прикрывая отход армии. В битве на Ольшанице в 1527 г., по словам хрониста Й. Деция, отборные воины, окружавшие крымского командующего и знавшие, что его судьба зависит от их усилий, предпочли сражаться за него до последнего, не сдаваясь в плен [52, с. 192]. В сражении под Межировым в 1612 г. командовавший татарским войском Батыр-бей, увидев, что в гарцах со стороны поляков участвуют «добрые воины», также со своим двором кинулся в бой, отбросив поляков к их лагерю [855, s. 17]. В битве под Калушем (Петранкой) в 1672 г. во время внезапного нападения польских войск именно дворы знати были единственными, кто не растерялся и построился для боя [724, s. 25–26].

Статус *нукеров* как личных войск знати и их содержание за счет патрона означали, что их кони, вооружение и защитное снаряжение в целом были лучшего качества, чем у простых

воинов. Вероятно, тактика надворных отрядов не отличалась от таковой у остальных крымских войск.

Как и среди прочих профессиональных военных ханства, среди *нукеров* было немало выходцев с Северо-Западного Кавказа. Вызвано это было тем, что многие Герая в юном возрасте отдавались черкесам на воспитание. Еще будучи юношами, они обзаводились свитой из местных джигитов, которые впоследствии сопровождали своих вождей в Крыму. Французский консул в Крыму К. Главани в начале XVIII в. писал про крымских султанов, воспитывавшихся в Черкесии: «Самый бедный из них имеет при себе 50 конных и хорошо вооруженных слуг» [156, с. 161]. *Нукеры* также входили в свиту крымских султанов, проживавших в Османской империи (в 1703 г. османское жалование-*сальяне* получало 70 Гераяв [711, р. 381]).

Самые влиятельные из беев и мурз могли иметь сотни *нукеров*, другие – лишь десятки. Один из могущественнейших беев Крымского ханства первой половины XVI в. Бақы-бей имел (в разное время) от 200 до 500–600 *нукеров* [742, р. 457]. Наместник Ислам-Кермана в правление Мехмед-Герая I Абдуррахман имел 200 воинов (во всяком случае, именно на столько человек ему было прислано коней, оружия и доспехов от польского короля) [619, с. 44]. В целом же отряды знати были немногочисленны. Размер «надворного отряда» напрямую зависел от статуса патрона [110, с. 200]. Реммаль Ходжа сообщал о крымской знати времен Сахиб-Герая I: «День, а то и два дня объезжали весь край с пятью-шестью нукерами. В крайних случаях в праздничные дни великие беи имели при себе до ста нукеров» [4, с. 195]. Молдавский господарь Петр IV в письме к каменецкому старосте в 1578 г. считал невозможным, чтобы один из крымских султанов (Алп-Герая) мог командовать 2 тыс. воинов [304, s. 150], а в кампании в Молдавии 1658 г. ширинский бей имел при себе лишь 300 человек [233, s. 239]. В январе 1777 г. по Крыму разъезжали султаны, имея при себе «вооруженных татар человек по тридцати и более» каждый

[84 с. 294]. Эмин-Герай отправился в 1570 г. из Крыма в Казыев улус для участия в набеге на черкесов в сопровождении отряда из 60 человек [646, с. 70]. В 1672 г. нуреддин-султан Сафа-Герай на смотре татарских войск перед османским султаном Мехмедом IV появился со свитой в несколько десятков всадников [261, s. 1118].

Кроме профессиональных бойцов высшую знать (как и хана) в походах сопровождали муллы, повара, конюшие, ловчие и прочие члены свиты, которые во время боя брались за сабли и вставали в строй с остальными воинами [261, s. 1457; 685, s. 206].

Мы полагаем, что общая численность *нукеров* султанов, Ширинов, Мансуров, Аргынов и других знатных родов не превышала 2 тыс. человек (но нужно также учитывать, что часть «дворов» султанов комплектовалась за счет *капы-кулу*).

Ополчение (*сеферлю*). В Крымском ханстве существовало военное сословие – *аскеры*. По фирману Саадета-Герая IV (1724) ими являлись *капы-кулу*, рядовые *секбаны* и их командиры, *имельдеши* (*нукеры*?) и несколько малочисленных групп населения [695, р. 75]. По мнению Н. Круликовской-Едлиньской, нельзя точно сказать, насколько соответствовало деление крымского общества на *аскеро*в (не плативших налоги) и *рейя* (налогоплательщиков) османской модели, позаимствованной крымскими ханами [756, р. 114]. Как бы то ни было, вряд ли *аскеро*в насчитывалось более нескольких тысяч, что было явно недостаточно для ведения полномасштабных войн. Поэтому ханы прибегали к мобилизациям мужского населения полуострова. Разумеется, частью военного сословия ополченцы-простолюдины не являлись.

В историографии традиционно считалось, что в ханстве на случай похода призывалась большая часть взрослых мужчин. Отметим, что в исторических работах это утверждение встречается чаще, чем в источниках. Но с этой точкой зрения трудно согласиться. Всеобщая мобилизация, повторяемая из года в год, подорвала бы экономику ханства. Полагаем, что

призыву подлежала лишь часть мужского населения, притом, как правило, меньшая.

Современники Крымского ханства нередко отмечали частичный, а не тотальный характер мобилизаций. Боплан считал, что далеко не все крымские татары выступают на войну: «Те, которые совсем не ходят на войну, питаются сообразно времени года» [44, с. 225]. По мнению Эвлии Челеби обычно в походы шло 40 тыс. крымских татар, 80 тыс. шло по желанию хана, всего же крымскотатарское войско насчитывало 126 тыс. [224, с. 100]. Пейссонель утверждал, что крымские татары выставляли 1 воина от 2–5 домов: «Вассалы, свободные или вольноотпущенные, обязаны идти на войну с их господином, который берет по желанию одного человека с двух, трех, четырех или пяти домов, сообразно требованиям случая и постановлению частного совещания хана. Оставшиеся вассалы обязаны одевать, снаряжать, вооружать и давать лошадь на их счет обязанным идти на войну» [162, с. 31]. Хусейн Хезарфен отмечал: «Если его величеству хану нужно послать войско в какое-то место, то каждые семь человек выставляют одного и выделяют пару лошадей. Знают, сколько пар лошадей поставляют от каждой деревни, и в соответствии с этим собирают сога» [159, с. 268].

Русские источники также различали всеобщее ополчение крымских татар и собственно войско. Согласно статейному списку В. Айтемирова в 1693 г., мобилизация происходила следующим образом: «салтаны, ханские дети, взяв с собой, кто при них служат и с сеименями не со многими людьми побежали к Перекопи.

А в Бакчисарае по базару кликали делялы, и во все стороны Крыма розослано, чтоб все мурзы и татаровя ехали для обороны Казыкерменской, и не токмо военные, но и все и кто имеет коней и руже, но и безконные б и безоружные все бежали к Перекопи» [50, с. 203].

Осенью 1694 г. в Крыму была объявлена мобилизация, проходившая в несколько этапов. 18–19 сентября в Бахчи-

сарай был оглашен приказ, «чтобы все воинские люди шли наскоро к нурадыну салтану в Перекоп». Через некоторое время, 3 октября, «прислано из Перекопи от нурадына в Бахчисарай для высылки татар, которые есть и пятнадцать лет и ниже, чтоб только смог кто хотя по нужде конем владеть» [50, с. 247]. Из приведенных цитат следует, что существовало деление крымских татар на «военных», «ратных» людей, мобилизованных первыми и «всех, кто может сесть на коня».

Согласно данным, приведенным крымскотатарским хронистом Хурреми Челеби и обобщенным Н. С. Сейтягьевым, «накануне сбора войск в стране проводилась перепись населения (тахрир). Набор производился с условием, что те дома (хане), с которых набор не производился, должны будут помогать воину (сеферлю), который был призван в войско. Например, если один воин призывался с пяти домов, то 4 дома, в которых мужчины остались, должны были помогать ему» [567, с. 59].

По всей видимости, мобилизации 1 человека от 5 домов были частым явлением. Для участия в ирано-турецкой войне в Крыму в 1744 г. «сперва предполагалось сделать набор по одному человеку с пятнадцати домов; а усердный Селим-Герарай собрал по человеку с пяти домов» [593, с. 72]. В 1754 г. «зо всего Крыму приказаль хань от пяти хать одному человеку оружейному и конному по пароконно въ походъ на Черкеси готовится» [35, с. 768]. В 1761 г. хан Крым-Герарай I планировал нападение на черкесов «и для того походу с пятого дому по одному человеку уже и наряд учинил» [553, с. 316].

Есть также сообщения и об иных нормах призыва. В 1695 г., в ответ на угрозу казацкого вторжения в Крым, калга-султан Саадет-Герарай приказал набрать по 1 человеку с дома для обороны Перекопа [592, с. 653]. Позже, в августе того же года, он велел собрать по 2 человека с дома для защиты Азак-кале [592, с. 659]. В 1708 г. хан Каплан-Герарай I приказал собрать по 1 человеку с дома [593, с. 9]. В 1744 г., после ухода войск на иранский фронт, калга-султан Шахин-Герарай провел набор

по 1 человеку с 3 домов и с собранными силами пошел за ясырем в Черкесию [593, с. 72]. В 1761 г. Крым-Герай I приказал ногайцам выставить по 1 воину от 2 семей (казанов) [162, с. 77]. В 1769 г. он же собирал для похода на Новую Сербию по 3 человека от 8 домов [93, с. 155].

В то же время в некоторых случаях мобилизации имели более ограниченный характер. Ведь для решения задач, которые должны были выполнять крымские войска, не всегда требовались крупные призывы. Весной 1733 г. для похода на Кавказ собирали «со всего Крыма с мечета по одному человеку» [189, с. 409], а для похода к Белграду в 1698 г. – лишь 1 человека от 20 семей [566, с. 60]. В обоих случаях войско предназначалось для поддержки османской армии, следовательно, оно должно было играть вспомогательную роль.

«Плотная» мобилизация для действий на второстепенном театре военных действий практиковалась редко. Показательно, что крымскому населению показался чрезмерным сбор по 1 человеку с дома для черкесского похода 1708 г., так как Черкесия считалась окраинной провинцией ханства. Громадную армию, с точки зрения крымчан, следовало собирать для похода против мощного противника [6, с. 133].

Вполне логично, что войско формировалось благодаря делению мужской части общества на «снаряжающих» и «воюющих», так как не все жители ханства были столь богаты, чтобы содержать коней и иметь оружие, каждый год оставлять семью и хозяйство на длительное время и брать с собой запас провизии на несколько месяцев. Одежда могла прийти в негодность, конь – ранен или убит, оружие – выйти из строя. Постоянное несение таких расходов (а они были в любом случае, в отличие от добычи) привело бы к обнищанию населения [462, с. 27]. Известно, что частые походы крупных сил приводили к обеднению крымских татар [619, с. 42]. Кадийские сиджили начала XVII в. содержат ценную информацию о стоимости вооружения и коней в Крыму. Например, среди имущества покойного истабля Мурадбека значились

лук с саадаком и стрелами стоимостью в 6 хасене 1 гуруш, две сабли стоимостью 5 и 30 акче [184, с. 55, 57]. После смерти некоего Бека из села Битак его сыну Зурабу в 1607 г. остался среди прочего наследство саадак со стрелами стоимостью 1 хасене, всего сыну передали имущества на 218 хасене [184, с. 167–168]. За 1608 г. известен колчан со стрелами из имущества Кенан-бея и «шестигранное ружье, украшенно костью», стоившие по 240 османи [41, с. 42], то есть по 2 хасене [349, с. 158]. За середину XVIII в. есть сведения о сабле ценою с барана или овцу [127, с. 178].

Кони были, вероятно, самой дорогой частью экипировки и стоили от 10 до 30 хасене (в зависимости от возраста и породы), что эквивалентно цене 10–30 овец или 2–4 быков [184, с. 195]. Полагаем, что в начале XVII в. для сбора одного воина в поход следовало израсходовать 30–50 хасене. Таким образом, при мобилизации 10 тыс. ополченцев крымскотатарское население тратило бы от 300 до 500 тыс. хасене (1 хасене соответствовало 60 акче), то есть от 18 до 30 млн. акче, не считая трат на одежду, еду, денежные и натуральные повинности, взимавшиеся властями на военные нужды. Несомненно, часть снаряжения у ополченцев уже была, но и половина от полученных чисел весьма внушительна. Ввиду вышесказанного кажется более вероятным, что лишь часть мужчин участвовала в военных кампаниях. При этом власти, учитывая численность населения, знали (хотя бы приблизительно), сколько человек выходит на войну из того или иного населенного пункта, в случае же гибели или ранения жители села выбирали из своей среды замену выбывшему.

Всеобщее ополчение (в отличие от воинов) собиралось лишь в экстремальных условиях неприятельского вторжения. Например, в 1770 г., при угрозе русского похода на Крым, калга-султан Ислям-Герай велел «всех крымских жителей мужеска полу, кои совершених лет, сколко в семьи ни есть, в службу позаписывано» [410, с. 267]. В массе своей подобное войско было плохо вооружено. Когда в 1657 г. донские казаки

грабили побережье Крыма, для борьбы с ними «Муртазе-бею с трудом удалось собрать 150–200 человек, многие оказались без оружия, на три-четыре человека имелась только одна сабля или лук» [563, с. 223]. Восставшие против Шахин-Герая в 1782 г. крымские татары были вооружены топорами, косами, пиками, сабля же была редкостью [87, с. 524]. Значительная часть мужского населения не имела коней: в 70-е гг. XVIII в. отряды крымского всеобщего ополчения нередко на 30–40% состояли из пехоты [96, с. 586, 606].

Об ограниченности мобилизаций свидетельствует то, что при вражеских рейдах на крымские владения неприятелю удавалось захватывать в плен взрослых мужчин. К примеру, когда Девлет-Герай I совершил свой знаменитый поход на Москву в 1571 г., польское войско, стремившееся перехватить хана на обратном пути, у Днепра напало на татарских чабанов, захватив их в плен [801, s. 267]. Это свидетельствует о том, что хозяйственная жизнь не прерывалась и в случае проведения масштабных военных кампаний. В 1667 г., в то время как крымская армия совместно с казаками гетмана П. Дорошенко осаждала поляков в Подгайцах, запорожцы совершили набег на Крым. Им удалось захватить 1,5 тыс. женщин и детей и 2 тыс. мужчин [17, с. 1]: а ведь их набег охватил лишь небольшую часть полуострова. По данным русских послов, в 1657 г., после ухода ханского войска в поход на венгров, «в Крыму оставалось около 20 тыс. мужчин, которые не смогли пойти в поход либо по старости, либо по болезни, либо, наконец, не имели коней и оружия» [563, с. 218].

В пользу нашей точки зрения говорит также сравнение крымской военной организации с военными системами других народов. В степных государствах тотальные призывы мужского населения не были обыденностью. В Монгольской империи, согласно Ясе Чингисхана, все мужчины в возрасте 15–70 лет считались воинами [647, с. 138], но реально для участия в походе отбирали лишь часть их, обычно от 1/5 до 1/3 всех военнообязанных [570, с. 164]. Например, в 1251 г. для

похода Хулагу на Иран и Ирак собрали по 2 воина с десятка [647, с. 179]. В Золотой Орде мобилизации имели ограниченный характер: «В источниках неоднократно встречаются упоминания о ханских приказах выставить в войско по одному или два человека от каждого десятка» [631, с. 215]. В Халхе (Северной Монголии) в XVII в. на военную службу призывали 10–40% взрослых мужчин [351, с. 554]. В конце XVII в., на пике военной мощи Джунгарского ханства, «судя по данным письменных источников, джунгарские правители практически не прибегали к тотальной мобилизации мужского населения» [351, с. 571]. В Калмыцком ханстве была стандартной мобилизация 1 всадника от 2 семей, после 1771 г., по причине обеднения населения, призывали 1 от 3 или даже 5 семей [341, с. 167]. Юрюки (кочевники, расселяемые османскими властями на Балканах) делились на эшкинджи (уходящих) и ямаков (помощников), снаряжающих воина-эшкинджи [429, с. 27]. Главной задачей юрюков в глазах турецких властей было отбывание военной службы, и все же их не призывали поголовно, считаясь с объективными обстоятельствами.

Трудно представить себе, чтобы крымское ополчение обладало уникальными возможностями для самообеспечения, превосходящими возможности любой армии в мире. Да и зачем крымским военачальникам, сведущим в военном деле людям, собирать для далекого похода, в том числе с целью дать бой врагу, большие плохо вооруженные толпы вместо меньшего численно «выборного» доброконного воинства, лучше управляемого и более опытного? Разумеется, это было бы непрактично.

Вместе с тем отметим, что в крымских источниках действительно упоминается всеобщее выступление в поход. В «Кадияскерских книгах» содержится такая фраза: «Мухаммед Герай-султан призвал всех седлать коней в поход» [184, с. 74]. Однако и это не может служить свидетельством о настоящем масштабе мобилизационных мероприятий, являясь скорее устоявшимся канцелярским оборотом. Полагаем, что

указание на «поголовность» мобилизации в источниках не обязательно отражало реальность. В сентябре 1779 г. ногайские мурзы на Кубани постановили собрать по 1 человеку с кибитки для борьбы с черкесами, причем они объявили российскому командованию, что были вынуждены «поголовно вооружиться» [579, с. 370]. То есть с точки зрения ногайской знати подобный сбор был «поголовным», хотя, разумеется, это еще не был настоящий призыв вообще всех взрослых мужчин. Однако это дает нам повод задаться вопросом: если в источнике прямо не указана норма призыва, а лишь сообщается, что «весь Крым вышел» или «в Крыму остался лишь стар и млад», можем ли мы доверять подобным выражениям и понимать их буквально?

В Крымском ханстве мобилизации не были поголовными. Призывали, как правило, одного ополченца-*сеферлю* от нескольких семей (реже, в случае крупных походов – 1 человека от одного дома). Тотальные мобилизации были редкостью и вызывались экстраординарными обстоятельствами (угроза неприятельского нашествия). Такой характер мобилизационных мероприятий был неизбежным ввиду обременительности продолжительного несения военной службы. Именно поэтому как в государстве Гераев, так и в других степных политиях существовало разделение на «воюющих» и «снаряжающих», являющееся оптимальной моделью организации войска, позволяющей обществу нести груз расходов, связанных с затяжными войнами.

Чтобы определить вероятную численность ополчения, попробуем приблизительно оценить мобилизационные возможности Крыма. Статистические данные на сей счет можно найти в источниках конца XVIII в. Согласно «Камеральному описанию Крыма» на 1783 г. территория полуострова делилась на 6 каймакамств и 44 кадылыка с 6 городами и 1474 селами [119, с. 41]. Крымскотатарское мужское население составляло 54,5 тыс. [119, с. 42], с женщинами – около 120 тыс. Однако между 1771 и 1783 гг. территория Крымского

полуострова была ареной постоянных боевых действий. Ввиду этого предположим, что на середину XVIII в. население Крыма было более значительным – около 300 тыс. Хотя есть и другие оценки – 400 тыс. [632, с. 24] или даже 450 тыс. в 60–70-е гг. XVIII в. [452, с. 122]. Известно, что в 1777 г. в Крыму планировали мобилизовать 5 тыс. воинов, собранных по 1 воину от 5 дворов [212, с. 103–104]. Следовательно, по мнению властей, к тому времени в Крыму жило не менее 125–150 тыс. человек в 25 тыс. семействах (учитывая, что в одной семье жило в среднем по 5–6 человек [567, с. 60–62]). В то же время в Стамбуле полагали, что в Крыму и на Кубани на 1777 г. жило более 300 тыс. татар обоего пола [85, с. 360]. Ф. Ф. Лашков доказывал, что «Камеральное описание» занизило общую численность крымского народонаселения, обращая внимание на то, что в 1796 г. в Крыму проживало 99 195 крымскотатарских крестьян. Исследователь определял население полуострова перед присоединением к России в 300 тыс. [490, с. 159–160].

Источники постоянно отмечают, что в масштабных кампаниях XVIII в. крымские армии во главе с ханом насчитывали около 20 тыс. [667, с. 329], скорее всего собранные при рекрутировании 1 воина от дома. К примеру, в 1735 г. Каплан-Герай I сосредоточил у Керчи 23 тыс. войска для наступления на Ширван, при этом ногайцы в это войско не входили [33, с. 86–87]. По оценке Мустафы Кесби, секретаря главного султанского казначея, к началу русско-турецкой войны 1768–1774 гг. крымские татары могли собрать 26 тыс. воинов, из них 2 тыс. *сейменов*, прочие же были крымским племенным ополчением и бойцами черкесских и кабардинских князей [373, с. 139].

Напротив, в раннюю историю ханства его население и войско были немногочисленными. Ряд источников показывает, что ханское войско в 30–50-е гг. XV в. составляло от 3 до 6 тыс. воинов [38, с. 154; 460, с. 123; 571, с. 196]. В 1468 г. крымские беи во главе с Мамаком Ширином привели под сте-

ны Каффы 3 тыс. всадников [582, с. 313]. Заботы Хаджи-Герая I об увеличении народонаселения полуострова привели к тому, что «во время правления его значительное число народа переселилось с Волги в Крым. Это дало ему возможность иметь сильное войско» [154, с. 381]. Впрочем, население не только прикочевало в ханство, но и покидало его в результате вражеских нашествий [643, с. 92].

В числе причин, по которым польское правительство считало нецелесообразным привлекать татар к антиосманскому союзу, организуемому Венецией в последней четверти XV в., называлась малочисленность татар [431, с. 86–87]. Собранное в 1476 г. барынским карачи-беем Абдаллахом и братом ширинского карачи-бея Эминека Хаджике войско составляло 1 тыс. челоавек [419, с. 7]. Объясняя великому князю московскому Ивану III, почему он вынужден был занять в Кефе деньги на строительство Очакова, Менгли-Герай I сообщал, что его владения малолюдны и потому он не может собрать со своих подданных денег для подобного мероприятия [187, с. 152]. Малолюдство же (возможно, вызванное эпидемиями начала 20-х гг.) стало причиной, по которой Мехмед-Герай I хотел перевести в Крым астраханцев в 1522 г. [432, с. 91].

Численность крымских войск, фигурирующих в дипломатической переписке между Москвой и Крымом на рубеже XV–XVI вв., была незначительной. В 1493 г. Менгли-Герай I сообщал, что отправил в набег на Литву 500 человек [187, с. 182–183], в 1494 г. хан выслал с этой же целью своих военачальников, «сколко у нас конные силы было им давши», причем из похода вернулось 2 тыс. человек [187, с. 209]. В 1498 г. Менгли-Герай I возглавил 4-тысячную армию [187, с. 256; 208, с. 155], его сын, Мехмед-Герай, командовал отрядом в 1 тыс. воинов [187, с. 256; 504, с. 228]. В 1500 г. в погону за казаками хан выслал 800 воинов [187, с. 322]. В том же году он отправил в набег на Литву неслыханное до сих пор число войск – 15 тыс. [187, с. 329]. В 1501 г. Менгли-Герай I собрал громадную армию (25 тыс. человек [187, с. 368]), хотя

для ее сбора пришлось объявить мобилизацию всех, кто только мог сесть на коня и достиг 15-летнего возраста.

Стратегию насыщения полуострова населением продолжали преемники первого хана. Менгли-Герай I особенно преуспел в демографической политике – ему удалось в 1502 г. разгромить Орду и перевести в Крым бывших подданных ордынских ханов. Рост населения ханства за счет миграции продолжался и позднее. Так, в 1509 г. после победы над ногайцами тысячи пленных были поселены на полуострове. Их было так много, что они будто бы проходили через Перекоп 20 дней [629, с. 184].

Даже после разгрома Орды силы, которыми оперировали крымские командующие в своих походах, насчитывали, как правило, всего несколько тысяч человек. Войско Фетих-Герая, вторгшееся в пределы Великого княжества Литовского в 1506 г., насчитывало, по подсчетам С. Хербста, 4 тыс. человек, из них две трети (то есть 2,5–3 тыс.) сражалось с литовско-польским войском (7 тыс.) у Клецка [736, s. 23; 289, s. 118]. По мнению А. Блинца, в битве под Клецком 10–12 тыс. литовцев противостояло 4–5 тыс. татар [350; с. 39–40]. Под Лопушной в 1512 г. поляки и литовцы (6 тыс.) захватили в крымском *коше* 10 тыс. коней [737, s. 225]. Это дало бы 5 тыс. [289, s. 126; 802, s. 30] (3 коня на человека) или даже 10 тыс. [737, s. 220] (2 коня на человека) крымских татар.

В 1527 г. литовская армия (3,5–5 тыс.) одержала победу над крымским войском в битве на Ольшанице. По мнению Б. В. Черкаса, крымцев под Ольшаницей было 40 тыс. [654, с. 175]. Однако подобное число вызывает недоверие. Как известно, в 1523 г. крымская армия была разгромлена ногайцами, а сам полуостров опустошался ими на протяжении целого месяца. После этих событий, по словам русского посла в Крыму И. Колычева, все крымское войско составляло не более 15 тыс. [432, с. 97]. Соперник хана Саадет-Герая I в борьбе за власть калга-султан Ислям-Герай на 1527 г. еще сохранял контроль над частью крымских войск («татарские

воины разделились на два лагеря», – писал крымскотатарский хронист Абдулгаффар Кырыми [191, с. 213]), удерживая за собой Перекоп [653, с. 104]. В начале того же года Ислям-Герая совершил набег на Москву, но был остановлен после перестрелки с русскими через Оку, при этом, вероятно, в распоряжении калга-султана было не более 10 тыс. воинов [542, с. 349]. Словом, вряд ли армия под командованием самого Саадет-Герая I могла насчитывать более 10 тыс. человек (этой же точки зрения придерживался В. В. Пенской применимо к осаде ханом Черкасс в 1532 г. [540, с. 307–308]). Лишь часть их (возможно, 2–3 тыс.) участвовала в набеге на Великое княжество Литовское зимой 1526/27 гг. Скорее всего, и в данном случае численный перевес был за литовской стороной.

Битвы под Клецком, Лопушной и Ольшаницей были крупнейшими польско-литовскими победами над крымскими татарами за весь XVI в., однако во всех трех польско-литовские армии (от 6 до 7 тыс.), по нашему мнению, имели серьезный перевес в силах. Отметим, что ни в одной из трех вышеперечисленных битв крымским войском не командовали хан или калга-султан.

Под Сокалем в 1519 г., согласно распространенному предположению, крымцы имели значительный численный перевес над польско-литовской армией (насчитывавшей до 7 тыс.). Б. В. Черкас оценивает крымское войско в 40 тыс. [656, с. 111]. Реалистичнее выглядит оценка Я. В. Пилипчука: под Сокалем сражалось около 20 тыс. крымских татар [550, с. 480]. Однако сам факт поражения поляков и литовцев еще не говорит о том, что они имели меньше воинов, – крымское командование лучше распорядилось имевшимися силами и умело использовало особенности рельефа.

Мы приходим к выводу, что даже в крупнейших кампаниях конца XV – начала XVI вв. крымскотатарские войска насчитывали всего несколько тысяч человек (включая не только ополчение, но и дворы знати), армии же числом более 10 тыс. могли быть собраны лишь при значительном напряжении

сил всего государства, и подобные мобилизации были редкостью. Учитывая, что даже в нескольких наиболее масштабных битвах с обеих сторон участвовало всего по несколько тысяч человек, то можно предположить, что в подавляющем большинстве боестолкновений сражались десятки или сотни воинов.

Если при Хаджи-Герге I и Менгли-Герге I крымское войско даже при полном напряжении сил составляло вряд ли более 10–20 тыс. человек, то в XVI–XVII вв. ситуация кардинально меняется. Михалон Литвин писал: «Ведь настолько выросла численность татар в Таврике, что они выставляют на войну почти тридцатитысячное войско, но собранное принудительно, так как должны [идти] все как один, кто только способен сесть на коня, и [даже] пастухи и не владеющие оружием. Поскольку, когда я был там, и когда царь послал половину их и сына своего на помощь туркам, ходившим недавно в Венгрию (в 1543 г. – Прим. А. Ш.), то их насчитывалось тогда пятнадцать тысяч» [140, с. 65–66]. Таубе и Крузе считали, что хан «весьма силен, если соберет всех взрослых мужчин, всех, кто только может владеть саблей, числом 40 000 человек» [169, с. 57]. В 1565 г. папский нунций Ф. Руджиери оценивал численность конницы «перекопского царя» в 40 тыс., три года спустя он писал о 30 тыс. коней, которых хан мог отправить на войну [295, s. 149, 208]. Один из казацких вождей в 1584 г. заявил, что татар не может быть больше 50 тыс. [495, с. 151]. В 1649 г., по словам секретаря молдавского господаря, татар «из всех орд не могло быть более 30 тысяч» [728, s. 267]. В 1651 г. шведский посол считал, что Ислям-Герай III сможет собрать не более 40 тыс. [73, с. 188], согласно некоторым польским источникам этот хан привел под Берестечко от 28 до 40 тыс. воинов [565, с. 98–99; 53, с. 64, 84]. В 1657 г. на переговорах с поляками, пугавшими его подходом ханской армии, трансильванский князь Дьердь II Ракоци заявил: «Татары не так страшны, как говорят господа поляки. Имею ведомость от Шебеши (трансильванско-

го посла в Чигирине. – Прим. А. Ш.), что их не может быть более 24 тысяч» [760, s. 177]. В 1658 г. овручский полковник В. Выговский сообщил русским, что, когда он был в Крыму в плену, хан собирал для войны не более 40 тыс. воинов [25, с. 265].

Количество крымских воинов, требуемых османскими властями от хана для участия в турецких военных кампаниях, как правило, варьировалось в пределах 10–25 тыс. [728, s. 281–282]. Польский посол в Бахчисарае Ф. Олешко в 1620 г. писал, что в Крыму переписали татар, подлежащих военной службе. Их оказалось 30 тыс., не считая тех, кто не представлял военной ценности, в 30 тыс. оценивал численность крымского войска молдавский господарь Каспар Грациани [822, s. 36]. По сведениям одного из шведских дипломатов в середине XVII в., точная численность собранного крымскими татарами войска составляла 31,9 тыс. человек [822, s. 36–37]. Ф. Дюпон считал, что Крымский полуостров составляет 24–25 тыс. всадников, ногайцы Буджака и Бессарабии – 18–20 тыс. [247, s. 331]. О. де ля Моттре оценивал армию Крыма в 30 тыс., ногайцев Буджака и степей между Очаковым и Азовом – в 20 тыс. [178, с. 190]. В 1713 г. Ф. Дюбан писал, что «перекопские татары» выставляют на войну 20–30 тыс. человек [463, с. 119]. Подобного рода примеров можно привести множество.

Из вышесказанного следует, что правящие элиты соседних с Крымом стран отдавали себе отчет о реальных мобилизационных возможностях ханства. В XVI–XVII вв. европейские дипломаты, военные и чиновники в переписке друг с другом указывали численность крымских войск преимущественно в диапазоне от 20 до 50 тыс., чаще всего – около 30–40 тыс. (но следует учитывать, что большинство 40-тысячных армий – это, скорее всего, символические числа).

Руководство России также осознавало реальные размеры крымского войска. Поясняя ногайскому бию Исмаилу желание царя Ивана IV Грозного посылать многочисленную

рать на Крымское ханство, русский посол должен был передать слова своего царя: «И таким ратем великим как возможно будет прокормится? А Крым – место невеликое, яз сам гораздо знаю» [174, с. 170]. Весьма любопытно, что в 1771 г. русское командование выделило для крымского похода всего 27 тыс. солдат и офицеров, так как большую армию было бы трудно прокормить на маленьком полуострове [507, с. 36–38]. В 1627 г. вышла «Книга Большому чертежу», где указаны размеры Крыма [111, с. 65]; например, расстояние от Бахчисарая до Перекопа, согласно «Книге», составляло 90 верст. Трудно представить, чтобы московское правительство считало, будто с такой территории было возможным набирать «тьмочисленные полчища».

Впрочем, в отдельных походах численность крымских войск была значительно меньше. Московский посол в Крыму И. Судаков сообщал, что в 1588 г. для похода на украинские земли хан Ислям-Герай II собрал 17–18 тыс. воинов, к которым присоединилось 500 *янычар* [199, с. 68]. В 1617 г., согласно письму бискупа А. Любинецкого польскому королю Зигмунту III, число крымскотатарских воинов достигало 15 тыс. [822, с. 35–36].

Взросшая мощь позволяла командованию решаться на куда более масштабные битвы, чем столетием раньше. В 1571 г. Девлет-Герай I атакует сильную русскую армию у самой Москвы [128, с. 214–219; 541, с. 190–192; 88, с. 886–888]. В 1649 г. Ислям-Герай III успешно наступает на польскую армию (15 тыс., не считая лужной челяди [761, с. 103–104]) во главе с королем Яном II Казимиром под Зборовым.

Приведенная выше информация позволяет представить себе размеры полевого ханского войска, наиболее многочисленную часть которого составляло ополчение. Ополченцев, в свою очередь, вели на войну крымские беи. Их контингенты заметно различались по численности. Согласно Реммалю Ходже, для черкесского похода в 1545 г. было собрано 10–тысячное войско, из них 5 тыс. Ширинов, 2 тыс. Мангы-

тов, 3 тыс. Барынов и Кипчаков [742, р. 448]. Что соотношение между двумя могущественнейшими родами Крымского ханства было приблизительно таковым, можно судить по тому, что на 1666 г. в Крыму проживало 300 ширинских и 140 мансурских мурз [224, с. 100]. Седжеуты, Барыны, Аргыны и Яшлавы намного уступали Ширинам и Мансурам. Барыны, бывшие сильнейшей после Ширинов фамилией в первые десятилетия истории Крымского ханства [619, с. 29], впоследствии утратили прежнее влияние. Большинство крымских бейских родов для кампании против Польши в 1649 г. выставило от 500 до 1000 всадников [72, с. 220–221] (согласно источнику неизвестного происхождения под названием «Вся мощь из Крыма, Ногая, белгородцев, очаковцев и добруджан», содержащему роспись ханского войска). Орский иль (владение орбея) на 1666 г. включал в себя 300 сел. Этот иль выставял, по Эвлие Челеби, 3 тыс. воинов [224, с. 39].

О численном превосходстве вооруженных сил Ширинов и Мансуров над войсками других родов говорят такие факты. В крымском варианте Зборовского договора перечислены «Ширин-бей с мурзами, Мангыт-бей с мурзами», остальные же рода отдельно не упомянуты [557, с. 309]. Согласно сообщению анонимного польского источника, в 1675 г. нуреддин-султан Сафа-Герай готовил наступление, имея при себе «Шерина и Кая беев (карачи-бека Мансуров. – Прим. А. Ш.), с которыми сильнейшие орды» [307, с. 225]. Когда в 1777 г. «хан намеревался собрать войско и призывал для того мансурскую фамилию и ширинских мурз, но как они все от того отказались, то он не находя иных образов к собранию оного, назначил себе долг уехать» [84, с. 172–173]. То есть для срыва мобилизации в Крыму достаточно было саботажа со стороны лишь двух родов.

Полагаем, что крымские ополченцы-*сеферлю* в XVIII в. давали в войско 4–5 тыс. конницы при рекрутировании 1 воина от 5 дворов, 10–12 тыс. – от 2 дворов, около 20 тыс. и более – от 1 двора (в случае проведения крупных походов) и значительно меньшее количество – в XV–XVI вв.

Слуги и волонтеры. Слуги были обязательной составляющей всех региональных армий. Крымскотатарское войско не было исключением. Помимо воинов, имевших надлежащее вооружение, в походах участвовало большее количество людей, не несущих непосредственно боевой службы и выполняющих вспомогательные задачи при армии, а также волонтеров, выступавших на войну ради добычи. Мы признаем, что сведение слуг и волонтеров в одну категорию довольно условно, однако, ввиду того, что в источниках они часто вместе противопоставляются воинам (как профессиональным, так и ополченцам), и по той причине, что в боях волонтеры и слуги участвовали реже, чем воины, мы считаем возможным рассматривать их вместе.

В эпоху Крымского ханства для людей было характерным придание большого значения сословным различиям. Источники в первую очередь подробно освещали жизнь представителей высшей знати. Слуги, набранные из низших социальных слоев, несмотря на свою немалую численность, упоминались, как правило, лишь вскользь. Несмотря на частые указания на наличие обслуживающего элемента при крымском войске, известные нам источники почти никогда не сообщают о том, как комплектовались слуги и делились ли они между собой по выполняемым ими задачам. Стоит признать правдоподобной точку зрения Е. Теодорчука, считавшего, что роль слуг выполняли хуже всего экипированные участники татарских походов [853, s. 466]. Полагаем, что слуги отбирались из общей массы призванных мужчин. Именно так обстояли дела у казахов, а также киданей, чжурчжэней и маньчжуров [485, с. 144–145, 170, 223]. В 1552 г., во время похода хана Девлет-Герая I на Тулу *кош* был размещен «близко тулские украины, которые люди истомные собою и конми, и те люди остались на Ишине реке меж Донца и Оскола» [26, с. 44; 544, с. 539]. То есть «кошевые» в данном случае были отобраны по своему физическому состоянию.

Современники ханства четко различали воинов и обозную

прислугу. Разделение татар на «добрых воинов» и «мотлох» (motloch) встречается во многих польско-литовских источниках. «Мотлохом» (т. е. толпой, чернью) они называли войска с низкой боеспособностью или сопровождавших войска обозников.

Во время вторжения крымских татар в Польшу в 1458 г. поляки «обнаружили сначала, что татары стоят двумя отрядами: в одном, большем, мотлох, а в другом, меньшем, лучшее войско» [59, с. 338]. Королевские войска атаковали больший отряд, думая, что он представляет собой основные силы неприятеля, и легко победили его, но затем сами были разгромлены в столкновении с меньшим войском. Выразительно подчеркивал разницу при описании боевых действий в 1458 г. Я. Длугош, упоминая среди татар «рыцарей» и «джур» [244, s. 256].

В набеге на литовские земли в 1498–1500 гг. участвовали «люди посполитый, добрый и теж подлейший» [370, с. 133], то есть как воины, так и «чернь». «Весьма многие люди в татарском войске не имеют никакого оружия и не используются в боях», – отмечал М. Броневский [232, s. 83]. Д. Флетчер сообщал следующее: «Рядовые не обязаны стеречь пленных и другую добычу, дабы не отвлекаться от военных занятий; но у них есть особые отряды в войске, которые определены нарочно для того, чтобы принимать и стеречь пленных и другую добычу» [213, с. 92–93]. С. Сарницкий писал про татар: «много между ними сброда на поле» [298, s. 430], что можно понимать как упоминание небоевого элемента армии.

Большой интерес представляет описание крымского войска, оставленное П. Пясецким в 1595 г. [254, s. 249]. Высоко оценивая ханских воинов, которых он описывает как «множество вышколенных людей», не отличающихся от поляков «обличьем и повадками», Пясецкий вместе с тем мельком отмечал, что при том войске находилось «большое количество мотлоха».

В 1644 г., по данным М. Остроорога, вторгшееся в Польшу татарское войско насчитывало 30 тыс. «добрых воинов» и

10 тыс. «поспольства», то есть простолюдинов [718, s. 73]. В 1651 г. «по смете де было с крымским ханом и с нурадыном самого доброго конного бойца с 80 000, oprичь их детей и чур, которые на добычу ездили, а было де тех добыточников с 100 000» [56, с. 133]. Согласно «Диариушу войны с Шереметом» в Чудновской кампании 1660 г. на помощь полякам «султан с ордами пришел, которых насчитывалось 40 тысяч сабель, не считая кошевых людей» [237, s. 144]. По другим данным, в той кампании принимало участие «отборной орды 40 000, а черни до 20 000» [257, s. 31].

Поляки прекрасно осознавали разницу между воинами и «мотлохом». А. М. Фредро писал, что лишь в случае поголовной мобилизации, когда в армию призовут пастухов, «даже с теми, кто без сабель, а только кистени имеет», крымские, буджацкие и ногайские татары могут собрать 100 тыс. человек [287, s. 233]. В данном случае мы видим представление о «полноценном» крымском воине как о воине с саблей.

Описывая присоединение к хану отрядов султанов в кампании 1660 г., Эвлия Челеби писал, что те пришли в сопровождении своих слуг: «всего подошло колоннами и рядами десять тысяч человек из карачеев и из племени бадрак, Сафа-Герай-султан и Хаджи-Герай-султан и еще двадцать семь султанов с сагайдаками в сопровождении своих личных воинов, слуг и секбанов» [223, с. 223].

Ряд историков XIX в. также отделяли небоевую часть крымской армии от бойцов. А. Барсуков писал о Чудновской кампании: «сверх этих сорока тысяч воинских людей, с султанами пришло целое полчище татар, на обязанности коих лежало оберегание добычи, пастьба лошадей и вообще служба при обозе» [339, с. 312]. О. И. Сенковский отмечал: «Крымчане, вторгаясь в Польшу, высылали вперед своих отборных воинов... лужная же голота, плохо вооруженная и непригодная к бою, позади воинов разбегалась кучами, с арканом в руке и с конем для перевозки добычи; если первые терпели поражение, вторые бежали на родину» [301, s. 146].

В Крымском ханстве не питали иллюзий по поводу боевых качеств «мотлоха». Так, в 1612 г. ввиду грядущей битвы с поляками Батыр-бей отправил вперед обозников и ясырь, а сам с воинами готовился к бою [855, s. 16]. Согласно С. Освенциму, в набеге на Польшу зимой 1643/44 гг. крымские военачальники повели в поход 20 тыс. отборной конницы, тех же, кто не имел хороших коней и вооружения, отправили обратно в Крым [279, s. 45]. В 1675 г. нуреддин-султан Сафа Герай вторгся в Польшу с армией, которая, согласно польским источникам, состояла из 60 тыс. человек, однако непосредственно для сражения с поляками нуреддин-султан взял с собой лишь часть войска, притом самую боеспособную («20 тысяч отборной орды»), оставив остальных в тылу [848, s. 208, 213].

С. Хмелецкий, со слов пленных татар, оценивал стоявшее под Белой Церковью в 1626 г. крымско-ногайское войско в 40 тыс. конницы, не считая такого же количества «kazandziów, to jest motłochu» [31, с. 257]. К сожалению, это единственное известное нам использование слова «казандзий» в источниках. Ввиду своей уникальности и несомненной аутентичности оно привлекало к себе внимание историков.

Польский исследователь З. Жигульский считал, что «kazandziowie» представляли собой охрану *коша* и были вооружены хуже всадников, принимавших участие в загонах [856, s. 21]. По предположению украинского историка Д. С. Вирского, «казандзий» – это татарское слово «казанчи», то есть тот, кто находится при котлах, и могло означать «едок, соержанец» [379, с. 159]. Действительно, нетрудно увидеть связь между «казанджием» и крымскотатарским словом *казанджи* (аффикс «-чи/джи» в крымскотатарском языке означает род деятельности).

Считаем вероятным, что слово *казанджи* в данном случае использовалось в значении «повар». В казахском войске в XVII–XVIII вв. повара именовались *казанши*, на каждое подразделение-*кос*, питавшееся из одного котла, командира-

ми из общей массы призванных назначался один повар [483, с. 95]. Учитывая, что крымские татары на войне делились на группы по 5–7 человек (*кош*), также питавшихся с одного казана, предположим, что на каждую такую группу приходился 1 повар-казанджи.

Вместе с тем нельзя исключать того, что словом *казанджи* татары называли вообще всех, кто не относился к полноценным воинам (именно так это слово использовали пленные татары, согласно С. Хмелецкому). По мнению З. Абрахамовича, обслуживающий персонал в крымскотатарском войске обозначался словом *кошчу*. Это слово упоминалось в «Тарих-и Ислям Герай-хан» и «Тарих-и Мехмед-Герай» (в этих источниках оно явно означало участников похода низшего ранга) [299, s. 116, 179].

Из источников известно, что одной из задач крымских обозников была пастьба коней. Эвлия Челеби писал о крымцах на марше: «Как только они сходят с лошадей, они отпускают их в степь с мальчиками. Кони там валяются, играют в траве и пасутся» [224, с. 102]. Ногаец, взятый в плен поляками под Берестечком, показал на допросе, что «не знает, какова численность орды с ханом, так как стережет казан и лошадей» [79 с. 536]. Про татарских «кошевых», оставляемых в тылу для надзора за конями и едой, писал П. Гордон в своем дневнике 20 сентября 1697 г.: «62 из крымских и ногайских татар пришли к Тору; 73 донских казака и калмыка, будучи в разъезде, сперва напали на их кош – стоянку, где те оставляют запасных лошадей и снесь, – и взяли 4 татар и 66 лошадей» [66, с. 108].

Армию в некоторых походах сопровождали стада скота, используемого для пропитания войск [102, с. 484]. Число это, вероятно, было значительным. Известно, что ногайский бий Юсуф в 1553 г. перед планировавшимся им походом на Москву повелел «лутчим людем имати на голову по три верблюды, а иным по два, а худым людем имати двема верблюд. А запасу с собою имали всякой человек по три овцы старых да

круту на всякую голову, как мочно человеку поднять» [174, с. 130]. Эвлия Челеби сообщал о переправе крымских татар через Днестр: «Аги этой крепости Очаков приготовили для хана сто судов и плотов, и хан и всё войско погрузились на суда. И все переправились на другую сторону, причём за переправу скота, принадлежавшего войску, была взята плата: за каждую лошадь и каждого вола – по одному с четвертью акче и за каждого барана – по одному акче» [224, с. 20–21].

Из дневника Хотинского похода П. Збигневского мы узнаем, что в ночь с 21 на 22 сентября 1621 г. лисовчики захватили 3 татарских чабанов, коней и немного волов [282, с. 55]. Во время кампании 1617 г. поляки поймали несколько татар-возниц, неосторожно выехавших за сеном [313, с. 274]. Переволоченский и городской сотники писали полтавскому полковнику 5 февраля 1675 г., что они, наблюдая татарское войско из камышей, вышли после прохода войска и напали на группу из 20 татар, гнавших стадо в 1000 голов: «Войско на то стадо нашли и все стадо отбили и крестьян для языка поймали, потому что немного их было за стадом, всего с двадцать человек» [22, с. 46].

Из вышеизложенного следует, что при войске находились чабаны, ответственные за выпас и фуражировку скота, однако сколько их было, неизвестно. По всей видимости, немного, ибо для ухода за скотом не требовалось большого количества человек. Так, в 1755 г. хан отправил из Карасубазара в запорожские степи 40 «ватаг», состоящих из «татар, в том числе и греков» для выпаса скота, каждая «ватага» включала в себя 7 человек и имела 1 кибитку и была ответственной за 1500–2000 овец и 50–70 голов рогатого скота [36, с. 48].

Служба при войске не ограничивалась пастьбой лошадей и скота. Нужно было охранять пленных и имущество в то время, когда воины отправлялись в бой. Считаем, что число выделенных для охраны ясыря воинов зависело от соотношения численности участников похода и невольников. В 1690 г. войска калга-султана Девлет-Герая возвращались в Крым из дунай-

ского похода: «перейшовши Кочубей и инніе небеспечные места, сами zostалися назад с голнейшими и военнойшими татаремаи, а кош с ясиром при невеликой купе татар наперед от Очакова отправили» [221, с. 304–305].

Непосредственно в боях слуги участвовали редко. В битве под Лопушной крымские воины атаковали польско-литовские войска, однако, ввиду сильного сопротивления со стороны противника, «встали в один строй вместе с теми, кто был при полоне, оставив при имуществе немного подлейших» [230, s. 965]. В данном конкретном случае обозники все же были брошены в бой, однако это произошло лишь тогда, когда участия самих бойцов было недостаточно для победы.

Какой же была общая численность обслуживающего элемента при армии? Источники часто сообщают, что «черни» при крымском войске могло быть значительно больше, чем воинов. Предположим, что такая диспропорция достигалась при присоединении к войску добровольцев, выступавших на войну ради грабежа.

Польский историк Р. Сикора полагал, что внушительные числа татарского войска в источниках могут быть объяснены тем, что некоторые современники ханства считали «не только хорошо вооруженных воинов, но и тех, кто в польском войске именовался лужной челядью» [820]. Понимали ли современники под указанными ими числовыми данными о крымском войске лишь полноценных воинов или же считали вместе со слугами? Однозначный ответ мы дать не можем, хотя в ряде случаев в источниках прямо указывалось, включаются ли «кошешые» в «общий итог» или нет. Например, согласно письму русского участника Азовских походов, численность «степных магометан» «с теми, которые на кошу остаютца, с 10 000 стоят кошеш от обозов наших в 10 верстах» [37, с. 7].

Изучение вспомогательного компонента крымского войска позволяет дать ответ на вопрос, почему одни источники пишут о вполне хорошем (хотя и легком) вооружении крымских татар, а другие, напротив, пишут, что крымцы име-

ли «одну саблю на троих». Если в европейской армии можно было легко различить, скажем, мушкетера или пикинера от маркитанта, то в случае с крымскими татарами ситуация была сложнее. И воин, и слуга ездили на бахматах, носили меховые шапки и кожухи. Посторонний наблюдатель, увидевший крымское войско на марше, мог сделать вывод, что часть татарских всадников имеет оружие, часть же была безоружна.

Невзирая на периодические упоминания ряда современников ханства о небольшом количестве сабель и луков и преобладании импровизированного оружия, в самом бою, согласно источникам, татарами использовались именно луки и сабли. К примеру, в битве под Конотопом 28 июня 1659 г. воины полков А. Н. Трубецкого и Ф. Ф. Куракина получили 670 ранений, из которых 227 ран были причинены стрелами (41%), 321 – саблями (48%) и лишь 1 (0,15%) – маслом [333, с. 342–344]. Это говорит о том, что обладатели маслаков к бою допускались нечасто, хотя и могли участвовать в завершающих фазах боя – грабеже лагеря и преследовании бегущих – либо в решающих эпизодах битвы, когда требовалась любая посильная помощь.

Помимо слуг, в походы шли волонтеры, отправляющиеся в поход ради грабежа. Тот факт, что помимо призываемых властями ополченцев оставались мужчины, шедшие на войну добровольно, показывает, что поголовных мобилизаций в ханстве, как правило, не было. Вероятно, волонтеры были в целом вооружены хуже воинов, так как снаряжали себя сами.

Так как слуги не являлись полноценными воинами, но в некоторых случаях могли принимать участие в боевых действиях, мы считаем возможным предложить при подсчете численности крымского войска делить его на воинов и слуг, как это делают исследователи в отношении армии Речи Посполитой. Считаем, что не менее трети ханской армии представляло собой обслуживающий персонал.

Представленная нами информация позволяет разделить крымскотатарское войско на следующие категории:

– гвардия хана: *капы-кулу*, *тюфенкджи*, *секбаны* (*сеймены*), *топчу* и *капыджи* (3–5 тыс.);

– *нукеры* (*имельдеши*) крымской знати (2 тыс.);

– *сеферлю* (ополченцы), рекрутируемые из простых крымчан и число которых колеблется в зависимости от нормы призыва от 5 до 20 тыс.;

– слуги-*казанджи/кошчу* (конюхи, чабаны, повара, охранники ясыря, присутствовали в каждой из вышеприведенных категорий войска).

2.2. Организация войск

Организация крымского войска является одной из наименее разработанных в историографии тем. Даже в специальных исследованиях о военной системе Крымского ханства вопрос о том, какие подразделения составляли крымскую армию, освещался историками лишь в общих чертах либо не освещался вовсе. В источниках (в том числе и крымско-османских) в большинстве случаев перед читателем предстает лишь однообразная масса крымских татар с мурзами и агами в качестве командиров, без деления на какие-либо определенные подразделения.

В российской, советской и украинской историографии утвердилось представление о десятичной организации крымского войска (подобная организация действительно была характерна для степных армий [484, с. 43–46]). В. Х. Кондраки писал, что ханская армия состояла из отрядов в 10, 100, 1000 и 10 000 человек, под руководством, соответственно, он-баши, юз-баши, миник-баши и туман-баши [462, с. 48]. Н. П. Василенко полагал, что у крымских татар «оглох – главный начальник соединенных сил в набеге; туман – начальник 10-тыс. войска, лишних – тысячи, юз (баши) – сотни, он (баши) – десятка. В ярлыках, напечатанных Новиковым

в «Российской Вивлиофике», упоминаются затем: вельможа, начальник (даруга), волостной городской, сельский» [369, с. 179]. Однако в шестой части «Древней Российской вивлиофики», на которую ссылался Н. П. Василенко, все эти чины и звания упоминаются в ярлыке жены золотоордынского хана Узбека Тайдулы митрополиту Киевскому и всея Руси Алексею, относящемуся к 1357 г. [83, с. 25]. Следовательно, они не имеют никакого отношения к вооруженным силам крымских Гераев. Тем не менее вслед за В. Х. Кондараки В. В. Панашенко писала, что «10-тысячным корпусом командовал туман-баши, 1-тысячным – миник-баши или бинлик-баши, сотней – юз-баши, десятком – он-баши. Каждый отряд имел свой бунчук и байрак» [534, с. 59]. В ряде исследований российских и украинских историков начала XXI в. мы также видим мнение о десятичной организации крымского войска [539, с. 705; 342, с. 11; 363, с. 83].

Подобная реконструкция вызывает у нас сомнения. Источники (как крымские и турецкие, так и польские, русские или казацкие) не фиксируют деления крымскотатарских войск в бою на сотни и тысячи. В материалах допросов пленных называют мурзами, агами или просто татарами. Но нам не известны примеры допроса «пленного татарского сотника» и т. д., в то же время казацкие сотники в источниках упоминаются часто. Описание маршей ханских войск в крымских источниках также не содержит никаких упоминаний десятичной структуры. Например, Реммаль Ходжа сообщает о выходе крымского войска в поход на Москву в 1541 г.: «Гордо распахнувшие грудь удальцы ехали частями, группами, волна за волной» («bölük-bölük, fevc-fevc, mevc-mevc yügüdiler») [4, с. 223], но не «десятками, сотнями, тысячами».

Аргументом в пользу десятичной организации могло бы быть то, что крымские ханы сами не раз упоминали о ней в своих документах. В ханских ярлыках упоминаются десятники, сотники, тысячники и темники, как, к примеру, в ярлыках Хаджи-Герая I (1453) [114, с. 111–114] и Саадет-Герая I (1524)

[40, с. 21]. В письме польского короля Сигизмунда I Мехмед-Герая I говорится, что хан присягнул на верность союзу с Польшей «со своими детьми и внуками, и с младшими братьями и с тысячниками и с сотниками» [811, s. 893]. В письме Инайет-Герая I польскому королю Владиславу IV (1635) хан называет себя «ханом десятков, сотен, тысяч, туменов» [749, р. 905]. Впрочем, это не должно вводить нас в заблуждение. Гераи в делопроизводстве и дипломатической переписке следовали золотоордынским традициям. Уже само перечисление тысячников и сотников наряду с членами правящей династии в качестве политической элиты страны указывает, что перед нами лишь отображение реалий Золотой Орды, где не только иерархия воинских подразделений, но и государственное устройство строилось на десятичном принципе.

Отметим, что в ярлыке Хаджи-Герая 1453 г. не просто упоминаются сотники, но и называется их предводитель – Халиль, что было бы странным, если бы сотники подчинялись напрямую тысячникам. Сотники, скорее всего, были лишь своего рода главами районной администрации и имели своего начальника. Десятниками (*онбаши*) еще в XIX в. называли старост в крымскотатарских селах [461, с. 13] и ногайских аулах [408, с. 131]. Разумеется, «десятичность» административной системы ничего не говорит о делении войск. К примеру, И. О. Ворончук отмечала, что в XVI–XVII вв. «вольные города имели сотенно-десятичную систему, по которой население селилось десятками (во главе с десятниками), которые объединялось в сотни, возглавляемые сотниками» [388, с. 285], однако из этого нельзя сделать вывод, что войска Речи Посполитой делились на десятки и сотни.

Мехмед Сенаи упоминает сотников (*юзбаши*) лишь, когда речь идет об украинских казаках [299, s. 178], но никогда – применительно к ханскому войску (коим у него командуют не сотники или тысяцкие, а мурзы и аги). Русский посланник в Украине в 1653 г. В. Бутурлин писал: «От Чернигова де мили с 4, в местечке в Девине, стоят мурзы: крымской, нагайской,

очаковской, белгородской, а с ними их татарских 3 знамени, по 100-у человек у знамени» [57, с. 439]. Но и это сообщение не может служить доказательством деления татар на сотни. Ведь Бутурлин регулярно упоминал и отряды казаков по 100 человек [57, с. 447–452], хотя очевидно, что их не могло быть постоянно ровно по сотне. Скорее всего, посланник просто округлял число увиденных им войск.

В польской и западной историографии отряды крымских войск чаще всего называли *чамбулами* [716, s. 130; 699, p. 7], при этом «чамбулом» поляки называли также и «загонные» действия татар, то есть грабеж и захват ясыря. Слово *чапул* в Крыму обозначало рейдовую группу, формируемую для набега [299, s. 147] (командира такой группы называли *чапулбаши* [116, с. 29]). Таким образом, употребление этого термина для обозначения постоянных организационных единиц крымского войска не представляется нам корректным.

Проблемным для реконструкции организации войска является то, что польские и русские источники применительно к крымскотатарским соединениям часто употребляли слова, используемые ими для обозначения собственных подразделений, такие как «хоругвь» или «полк». И. Ерлич писал, что в бою под Тайкурами в 1654 г. поляки заступили дорогу какому-то татарскому полку и разбили несколько хоругвей из его состава, но потом все же были побеждены [256, s. 153]. При этом «полк» не обязательно были крупными соединениями. В «Гербах польского рыцарства» Б. Папроцкого фигурируют татарские полки по 50–60 всадников [283, s. 436–437]. Автор «Реляции войны под Берестечком» называл всадников «двора» Ислям-Герая III «надворной хоругвью хана» [73, с. 235, 238]. М. Бельский определял отряды татар, идущие в загоны, как роты или *сувалки* (причем под *сувалками* он подразумевал и их тактику – *танец*) [309, s. 330].

Оригинальным на общем фоне является употребление слова *торхак* для обозначения подразделений крымских татар, встреченное нами в ряде польских источников. Так, в уни-

версале гетмана польного коронного Я. Собеского от 4 июня 1666 г. сообщается: «В тех днях торхак орды от Батырши мурзы впал на чамбул к Вишневицу и Збаражу», то есть отряд отправился грабить окрестности вышеупомянутых городов [260, s. 264]. В письме к подканцлеру коронному от 22 июля 1671 г. Собеский писал: «Торхак однако один татарский, под Каменцом стоявший на пастбище, подстерегли хоругви» [260, s. 658]. В анонимном польском «Диариуше битвы под Берестечком» также упоминаются татарские *торхаки* («татары торхаками подскакивали к нашему лагерю» [288, s. 116]). *Торхак* как название части употреблял К. Сарнецкий [297, s. 351].

Каково же происхождение этого слова? Российский филолог Н. Е. Ананьева отмечала, что «в XVII в. в польском языке существовал не связанный генетически с *tor* тюркизм *torhak / torak* «дорога» [323, с. 21]. В седьмом томе «Словаря польского языка» (изданного в 1919 г.) приводится такой пример употребления слова «*torak*»: «*Bita droga przez pole, jakie więc toraki czynią ordy tatarskie, po naszymu szlaki*» («Грунтовая дорога через поле, каковы торакы создают татарские орды, по-нашему шляхи») [303, s. 82]. Ввиду этимологии слова можно предположить, что его использование в качестве названия отряда является ошибочным.

Тем не менее упоминание *торхака* как подразделения положило начало историографической традиции, существующей и в наши дни. Т. Корзон называл *торхак* татарским отрядом [753, s. 10]. Такое же мнение разделял О. Лясковский [766, s. 280]. А. Глива делил крымское войско на *чамбулы* и более мелкие единицы (*торхаки*), причем *торхак* мог насчитывать всего несколько десятков человек [721, s. 100]. Слово *торхак*, первоначально обозначавшее дорогу или татарский шлях, со временем стало обозначением татарского отряда. Однако как именно произошла данная трансформация, мы сказать затрудняемся. И все же, в отличие от российской и украинской историографий, польские историки используют

реально употребляемые источниками термины, не придавая существенного значения теории о десятичной организации.

Итак, принятая в русской и украинской историографии традиция деления крымского войска по десятичному принципу (десятки, сотни, тысячи) равно как и польская традиция (*торхаки* и *чамбулы*) представляются нам не отражающими существовавшие реалии. Учитывая имеющиеся в нашем распоряжении сведения, предпримем попытку реконструировать организацию крымскотатарского войска.

Кош. Наименьшая единица крымскотатарского войска насчитывала всего несколько человек. В источниках и историографии она имеет разные названия – *казан* (то есть воины, питающиеся с одного казана), *десяток* (указание на численность) и *кош* (что можно перевести как «соединение»; слово *кош* имело много значений, наиболее известным из которых является «лагерь»). *Десяток* – это название, употребляемое рядом иностранных источников. Боплан писал о крымских татарах: «Они составляют товарищества по 10 человек» [44, с. 233]. Д. Лукка отмечал, что «татары делятся на десятки. У каждого десятника есть котел для варенья мяса, малый барабанчик, который возят на луке седла» [227, с. 480]. В 1675 г., во время наступления на Львов, крымцы «оставили в коше при ясыре по одному с каждого десятка» [311, s. 479]. Калга-султан Саадет-Герай обвинялся татарами в том, что он держал их под контролем, «поставив над каждым десятком по одному притеснителю-начальнику» [592, с. 701]. На охоту крымцы выезжали, делясь на группы по 10 всадников [385, с. 460]. Анонимный турецкий автор описания Северного Причерноморья писал о буджацких татарах: «При выступлении на войну идут группами, называемыми *казан*, под командой мирзы» [69, с. 143]. О. Сенковский полагал, что у крымских татар десяток воинов назывался казаном [301, s. 144].

Учитывая, что сельский глава (*онбаши*) возглавлял отряд своих односельчан [162, с. 42], выдвинем предположение, что

ополченцы из одной деревни именовались «десятком», хотя в реальности из одного села могло выйти и больше, и меньше десяти воинов. Если воинов было больше, «десяток» дробился на отдельные *коши*.

По словам Эвлии Челеби, «сколько бы врагов не покушалось на Крым, они придут со стороны Ора. Поэтому постоянно здесь наготове двенадцать тысяч *кошей* конных удалых воинов в полном вооружении» [224, с. 39]. Как следует понимать эту фразу? Разумеется, под *кошем* имеются в виду воинские соединения. Но вместе с тем, учитывая масштабы крымского войска (даже в представлении Эвлии Челеби), можно сделать вывод, что речь идет о явно небольших отрядах. По мнению турецкого путешественника, крымских воинов всего 126 тыс., однако часть их в походы не идет, ибо должна охранять свои дома. Поэтому в поле хан мог вывести 80 тыс. [224, с. 100–101]. Ввиду этого мы предположим, что под 12 тыс. *кошей* подразумевалось полевое крымское войско. Тогда один *кош* Эвлии Челеби (точнее, его крымских информаторов) – это 6–7 человек.

Схожие сведения приводит Реммаль Ходжа. Согласно приводимым им данным, в 1539 г. для продвижения через горы во время похода на черкесов хан «выбрал особое войско: из каждого соединения («кош») двух человек с лошастью для каждого, тогда как остальная армия должна была находиться в лагере там, где она находилась. С этим особым войском, которое, по словам Реммаля Ходжи достигало одиннадцати тысяч человек, хан вступил в высокие горы» [531, с. 408]. Таким образом, всего *кошей* было 5,5 тыс. При этом крымское войско, по словам хрониста, в том походе насчитывало 40 тыс. человек [531, с. 405]. Следовательно, *кош* во времена Сахиб-Герая I насчитывал в среднем 7 человек.

С. Ожельский сообщал, что во время набега на Польшу в 1574 г. татары настолько не боялись опасности, что напали на села группами по 5–7 человек [228, с. 50]. В 1632 г. татары возвращались с ясырем после набега на русские земли

группами по 3 и по 6 человек [529, с. 217]. Л. Ф. Марсильи отмечал, что татарские всадники делятся на отряды по 5–7 человек, питавшихся с одного казана. Он указывал, что войско татар считали по казанам и если командирам нужно доложить вышестоящему командованию о числе их войск, они указывают число казанов [273, р. 101]. Это подтверждается вышеприведенными цифрами, указанными Реммалем Ходжой и Эвлией Челеби, также оперировавшими *кошами* как некими соединениями, имеющими определенную, штатную численность, а Эвлия Челеби считал возможным вместо указания общей численности крымского войска просто указать число *кошей*. О связи котлов с воинскими частями писал С. Сарницкий: «И кто определит у них число котлов с варевом, тот легко число их в войске обнаружит. Ибо так делятся, к одному котлу одна рота принадлежит» [298, s. 430]. *Кошами* крымцы исчисляли не только свои войска. В мае 1663 г. крымско-ногайский отряд разгромил на Торе лагерь калмыков, состоящий из 200 «кошей», то есть в нем было до 1400 человек [622, с. 354].

Впрочем, *казаны* в реальных походных условиях могли быть как меньше, так и больше указанных выше размеров. Так, в 1642 г. русские напали на кош, где находилось 200 татар, и захватили там 50 казанов [529, с. 315]. Согласно реляции Я. Доброцесьского о битве под Белой Церковью в 1626 г. в набеге участвовало 100 тыс. татар, а в качестве трофеев после разгрома татарского войска поляками было захвачено 10 тыс. казанов [245, s. 242, 247]. Доброцесьский в разы завысил реальную численность крымско-ногайских войск, однако представляет интерес его мнение, что соотношение между казанами и людьми составляло 1 к 10.

Отдавая приказ о мобилизации армии в 1501 г., Менгли-Герай I требовал, чтобы «межи бы пяти человек телега была» [187, с. 354]. В 1569 г. Девлет-Герай I отдал аналогичный приказ [172, с. 225]. Но само по себе это еще не говорит о делении крымских татар на «пятерки». Скорее всего, речь шла о том,

что на определенное количество людей должно приходиться столько-то телег, двигающихся вместе с войском в обозе.

В масштабном крымско-ногайском вторжении в Речь Посполитую в 1575 г. татары оставили в коше каждого пятого (и всех ружейных стрелков), а прочие пошли в набег [381, с. 72]. Любопытный факт – русские купцы, торговавшие в Крыму на рубеже XV–XVI вв., также делились на котлы по 5–6 человек [187, с. 162–163] (по мнению В. Е. Сыроечковского, купеческий котел насчитывал 3–4 человека [619, с. 65]). Возможно, это было обусловлено татарским влиянием.

Кош был единственным подразделением в крымском войске, имевшим более-менее установленную численность. В пользу этого говорит то, что Эвлия Челеби, Марсилли и Боплан не писали о том, что крымские татары состоят из отрядов по 5–7, и далее, к примеру, 100 и 1000 человек. Упомянув лишь о делении войска на группы по несколько (или десять) человек, они косвенно показывали этим, что более крупные подразделения установленной численности не имели.

Болюк. Пешие войска крымских ханов (*секбань*) состояли из *болюков*, насчитывавших по штату 50 человек. Предположим, что прочие подразделения крымского войска также состояли из отрядов сходной численности. По мнению побывавшего в Речи Посполитой во второй половине XVI в. немецкого путешественника Л. Мюллера, нападавшие на украинские земли татары действовали отрядами по 50–60 и более человек [145, с. 58]. В 1677 г., во время первой Чигиринской кампании, крымские татары разъезжали по берегу Днепра напротив позиций русских войск отрядами по 50–100 человек [23, с. 291]. В 1692 г. буджацкие татары вторгались в пределы Польши отрядами по 40–50 воинов [50, с. 185].

Впрочем, никаких штатов в ополчении, разумеется, не было. Три астраханских отряда, в 1521 г. совершившие набег на Крым, насчитывали 300, 200 и 80 человек [432, с. 91]. В 1758 г. Крым-Герай I собирал войско, в состав которого входили отряды по 200–300 человек [554, с. 163] (вероятно,

они, в свою очередь, состояли из подразделений еще меньшей численности). Запорожский казак Г. Орищенко в июне 1733 г. по дороге из Бахчисарая в Гезлев видел «много татарского войска, которое стороною шло, человек по 50, по 100 и по 150» [189, с. 409]. В 1774 г. подполковник А. Я. Леванидов писал А. А. Прозоровскому, что «видел на высотах карас-базарских собирающихся от 50 и до 100 человек вооруженных в толпу и таких толп множество» [96, с. 590].

По мнению ряда польских историков, татары действовали небольшими отрядами. В. Маевский писал, что в битве под Львовом в 1695 г. крымские всадники, обошедшие поляков с тыла, действовали мелкими группами по несколько десятков человек [772, s. 171]. Д. Орловский считал, что крымское войско состоит из хоругвей по 40 человек в каждой. В свою очередь, 20 хоругвей сводились в *кош* под командованием бея [791, s. 48]. По мнению С. Аугусевича, татарские чамбулы состояли из 30–40 всадников каждый [684, s. 101].

«Дворы» крымских султанов в 70-е гг. XVIII в. насчитывали по 30 и более бойцов. В 1758 г. крымские татары разъезжали вдоль Днепра отрядами по 40 и более человек [76, с. 304]. В набеге на Новую Сербию в 1769 г., помимо прочих войск, участвовало 40 «эскадронов» отборной ханской конницы, в каждом из которых было по 40 человек [520, с. 69].

Число 40 у тюркских народов (впрочем, не только у них) имело важное символическое значение, означая полноту, завершенность (отсюда и постоянные упоминания о 40-тысячных татарских армиях). Это число упоминается в крымско-татарском фольклоре. Например, именно 40 батыров послал Кара-хан против Чора-батыра в эпосе «Чора-батыр». 40 всадников сопровождали врага Чора-батыра – Али-бея. В более ранних произведениях тюркского эпоса мы также видим отряды по 40 всадников (к примеру, в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута»). У калмыков рода (анги) делились на сотни (зун), а те, в свою очередь, на «сорока» [153, с. 8].

Возможно, крымские татары сознательно именовали под-

разделения, включавшие в себя несколько *кошей*, *кырками* (то есть «сороками»), следуя традиции. Конечно, мы не думаем, будто бы в родоплеменном ополчении подобные части-*кырки* насчитывали непременно по 40 человек. Скорее всего, реальная численность могла сильно варьироваться как в большую, так и в меньшую сторону.

Байрак. Пейссонель сообщал о структуре крымского войска следующее: «Каждый род организует один отряд или байрак, различающийся по цвету знамени, являющегося признаком дома. Самый старший дворянин в семействе командует байраком, и остальные мурзы того же рода идут под его начальством. В очень обширных родах и обладающих многочисленными землями каждая ветвь рода иногда образует байрак. В этих отрядах бывает только два офицера: дворянин, или управляющий, и байракадар, или прапорщик, на место которого назначают, обыкновенно, самого сильного и крепкого из солдат» [162, с. 33]. Ф. Ф. Лашков считал, что «у одного и того же бея число людей, вышедших на войну и составлявших байрак, не всегда было одинаково. Одним словом байрак не составлял какой-либо точно определенной единицы в ханском войске, а просто обозначал отряд, доставляемый тем или другим беем» [122, с. 86–87]. *Байраками* могли называть не только бейские отряды, но и другие соединения (в том числе секбанские). Так, конное подразделение, патрулировавшее в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Арабатскую стрелку, носило название *кара байрак* (черное знамя) [98, с. 196].

В среднем *байраки* насчитывали, как правило, от нескольких сот до нескольких тысяч человек [447, с. 458]. Польский автор «Виршованной хроники» писал: «Татары, идут сначала с тыла, во фланги рассеянной тысячей» [73, с. 507]. Этот же автор пишет о построении крымских татар: «под каждым знаком или значком несколько сот и несколько тысяч» [146, с. 88]. В 1648 г. в битве под Корсунем войска Тугай-бея наступали тремя соединениями, в двух из них было по 500–600

человек [276, с. 22]. Де ля Невилль писал, что начало битве в Черной долине 1689 г. было положено атакой трех-четырёх татарских отрядов численностью по тысяче человек в каждом [71, с. 147]. В битве под Подгайцами 9 сентября 1698 г. польский источник упоминал тысячу татар, двигавшихся под двумя белыми знаменами [846, с. 166].

После ногайского вторжения в Крым в 1523 г. «зиму всю стерегли крымцы на поле, розставяс(ь) по дорогам, пят(ь) сот человек, переменяяс(ь) по месяцем» [428, с. 61]. По Боплану, во время набега татары делятся на группы по 500–600 человек каждый [44, с. 233]. В самом Крыму «на охоту уходили многие эскадроны конных лучников, общей численностью в 500–600 человек» [385, с. 460]. В битве в Черной долине (1736) на левом фланге крымскотатарского войска «стоял нуреддин Арслан Герай с эмирами четырех ширинских санджак» [214, с. 128]. Слово *санджак*, как и *байрак*, означало знамя, и можно предположить, что силы Ширинов в этом бою состояли из 4 *байраков*. Мы полагаем, что лишь ширинский и мансурский «полки» (как выставленные наиболее могущественными родами) состояли из нескольких *байраков*, в остальных же родах все ополчение включалось в один *байрак*.

Алай. Наиболее крупная единица крымскотатарского войска носила название *алай* (полк). Существовали полк хана («царский полк» в русских источниках), куда входили все личные войска хана, полк *ор-бея* (составленного из жителей Орского иля) и полки прочих крымских беев. Полк Ширинов в битве под Черной долиной, как уже упоминалось выше, состоял из четырех *байраков*. По всей видимости, полк Тугайбея в битве под Корсунем 1648 г. состоял из трех *байраков*. Во время проведения военных кампаний для самостоятельных действий на отдельных направлениях формировались сводные полки, нередко составленные из войск разных родов. Часто руководство такими формированиями осуществляли члены ханской фамилии, по именам и титулам которых по-

добные подразделения и были известны в источниках («полк калги», «полк нурадина», «царевичев полк»).

Предпринятая нами реконструкция организации крымскотатарского войска включает в себя:

- *кош (казан)* (5–10 человек);
- *болюк* (40–50 воинов в ханской гвардии, от нескольких десятков до более чем сотни в остальном войске);
- *байрак* (от несколько сот до тысячи и более воинов);
- *алай* (от нескольких сот до нескольких тысяч воинов).

2.3. Инонациональный компонент

Помимо крымских татар в армии Крымского ханства воевали представители самых разных народностей. Бок о бок с крымцами сражались ногайцы, казаки, черкесы, лезгины, греки, армяне, караимы, потурченцы из славянских народов. Численность иноэтничной части войска в некоторых походах не уступала численности собственно крымскотатарских воинов.

Некрымскотатарское население Крыма. Помимо живших на полуострове на протяжении многих поколений крымских татар, греков, армян, черкесов и караимов среди населения Крыма было немало выходцев из соседних стран. Среди них были ясыри (невольники), вольноотпущенники (ясыри, проработавшие несколько лет и получавшие вслед за тем свободу), дети-потурченцы (забранные во время набегов и воспитывавшиеся в крымскотатарских семьях) и беглецы, ушедшие в Крым по религиозным, политическим или иным мотивам. Эти люди служили в крымском войске на общих основаниях, не составляя отдельных подразделений.

Представители крымских народов. Помимо крымских татар в армию призывались и представители прочих крымских национальностей. Слова И. В. Зайцева о том, что «в истории средневекового Крыма чрезвычайно важное место занимали представители этнических и религиозных мень-

шинств» [434, с. 109]. в полной мере относятся и к военной организации крымскотатарского государства. Мы не можем согласиться с М. Кизиловым, утверждающим, что немусульмане в Крымском ханстве были лишены права ношения оружия [746, с. 59]: есть достаточно источников, убедительно показывающих обратное. Согласно М. Броневскому, в армию призывали как крымских татар, так и христиан [232, с. 76]. В 1661 г., ввиду угрозы калмыцкого нападения, хан Мехмед-Герай IV приказал «переписать во всех крымских городах гречан, тарханов, армян и «жидов» и велел им всем иметь пицали» [530, с. 96]. В ханских походах должно было принимать участие черкесское население Крыма (возможно, именно его имел в виду Эвлия Челеби, говоря о войсках *беш-тавли*, то есть пятигорцах [224, с. 240]).

При сборе всеобщего ополчения (созываемого на случай вражеского вторжения) христиане, как и крымские татары, должны были призываться поголовно. В 1657 г., когда возникла угроза нападения казаков, калга-султан Гази-Герай приказал наместнику Бахчисарая Муртазе-аге собрать крымских татар, армян и караимов и отправить их к Перекопу. Для этой цели Муртаза-ага отправил *капы-кулу* по селам для проведения мобилизационных мероприятий [563, с. 226]. В 1735 г., при подходе русской армии к Крыму (крымское войско в это время было на Кавказе), в Крыму было собрано ополчение из немусульман и крымских татар (бедняков и стариков) [568, с. 78].

Цыгане занимали особое положение в военной организации Крымского ханства. Руководитель ханского оркестра (*мехтера*) *мехтер-баши* получал подушную подать от цыган, «которые ему всецело подчинены» [162, с. 26], и из них же отбирал музыкантов, служивших в оркестре, в том числе и во время войны. Оркестры из цыган были и у *сейменов* хана Шахин-Герая. При встрече им турецкого посланца в 1779 г. «при сейменах была музыка, из 6-ти цыган состоявшая» [86, с. 441].

Невзирая на различия в вероисповедании и этнической принадлежности, крымчане воспринимали ханство как свое государство и сообща защищали его от врагов. Подтверждением этому является то, что представители национальных меньшинств не демонстрировали какой-либо тяги к сдаче в плен, сражаясь также самоотверженно, как и крымские татары.

Бывшие ясыри. Часть детей, захваченных крымцами в набегах, не продавалась в рабство, а оставлялась на воспитание в крымских семьях, где их обращали в ислам. Они считались крымскими татарами полноправными членами своего общества. В конце XVI в. польский публицист П. Грабовский писал: «Приплод братьев наших имени польского, который мог бы занять крупную часть мира, который мог бы нам сильную помощь в бою против наших неприятелей оказать, они забрали и в турок и татар превратили» [239, с. 7]. Согласно летописи С. Величко, в 1675 г. запорожский атаман И. Серко приказал убить 3 тыс. христиан и *тумов* (детей, рожденных от невольницы и татарина) из числа «освобожденных» в ходе казацкого набега и пожелавших вернуться в Крым. Атаман будто бы аргументировал это тем, что лучше им умереть, «чем размножаться в Крыму между басурманами на наши христианские молодецкие головы» [99, с. 567]. Эти слова Серко, даже если они вымышлены, показывают ясное понимание казацким летописцем того факта, что ясыри и их потомки ассимилировались в крымской среде и пополняли ряды ханских войск.

Выросшие в новом окружении дети принимали участие в крымскотатарских военных кампаниях. К примеру, в 1646 г. донские казаки взяли в плен крымского воина по имени Мартышко, которого ребенком угнали с Украины в Крым [181, с. 46]. В 1695 г., во время первой осады Азова, русские в одной из стычек взяли в плен двух татар, один из которых оказался «родом русский, захваченный юным и обрезанный» [65, с. 393]. 26 мая 1711 г. на сторону русских перешел «пере-

метчик от крымцев, сказался отец его был волошенин, а мать русская, а имя ему Деншура» [151, с. 116]. Известна история жизни одного из таких «потурченцов», поляка Фомы Кречнева. Будучи захваченным крымцами в Польше ребенком, он был увезен на полуостров, обращен в ислам и впоследствии женился на крымской татарке. Кречнев участвовал в походах крымских татар, в частности в составе ханского войска сражался с русскими в битве у Конотопа в 1659 г. и ходил вместе со своими новыми соотечественниками на московские «украины» [209, с. 68–69]. Подобная судьба ждала не только славян, а детей любых национальностей. Черкес Мустафа, увезенный с Кавказа ребенком, в 1660 г. был взят в плен казаками, воюя в составе крымских войск [9, с. 103].

Некоторые дети, выросшие в Крыму, добивались там значительных успехов по части карьерного роста. Поляк Белоскорский стал приближенным калга-султана Девлет-Герая и руководил успешным набегом на Польшу в 1617 г. [285, с. 258].

Ассимиляция детей в ханстве получила отображение в русском и украинском фольклоре. В одной из русских народных песен во время дележа татарами захваченных русских полоняников «брат узнает сестру» и отпускает ее на свободу [108, с. 193]. В украинской народной песне поется: «Как много поганцев из наших же бранцев, деток малых, из них неприятелей, из них теперь татар видим смелых» [206, с. 398].

Согласно крымскому законодательству раб, отработавший на хозяина несколько лет (условия службы и ее срок устанавливались в договоре между хозяином и его рабом – *китабете*), получал свободу. После получения «вольного листа» бывший ясырь мог вести самостоятельное хозяйство. Обретя свободу, он вместе с тем становился военнообязанным. Вольноотпущенники и «отработавшиеся» наряду с крымскими татарами должны были выставлять воинов и снаряжать их для похода [162, с. 33]. Бывший житель Каширы принял в Крыму

ислам и имя Юсуп, а два его сына вместе со своими крымскими соотечественниками участвовали в 1648 г. в походе на поляков [8, с. 201]. Взятый в плен в 1617 г. шляхтич Каменский служил в Крыму конюхом, а в 1629 г., во время очередного набега, был взят в плен уже поляками, будучи проводником крымских татар [720, с. 708].

Ногайцы. Регулярно участвуя в крымскотатарских походах, располагая тысячами и даже десятками тысяч всадников, нередко выставляя войск больше, чем сами крымцы, причерноморские и приазовские ногайцы внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности Крымского государства. Подчиняясь власти крымских ханов, они не создали своего государства и не имели собственной правящей династии. В силу этих причин у них отсутствовали гвардейские части, аналогичные ханским *капы-куду* и *сейменам*. Ногайские воины представляли собой по большей части легковооруженных всадников, чья тактика на поле боя не отличалась от тактики, используемой крымцами. В результате постоянных перемещений населения часть ногайцев осела в Крыму, оказав влияние на этногенез крымскотатарского народа.

Наиболее распространенным оружием ногайских воинов были луки и сабли, а со второй половины XVII в. – и копья. В XVII в. получает определенное распространение огнестрельное оружие. Один из влиятельнейших буджакских мурз первой трети XVII в. Салман-шах имел среди прочего оружия пистолет [292, с. 5]. В бою с буджакцами под Межировым в 1612 г. товарищ одной из польских хоругвей был ранен в руку из мушкета [855, с. 17]. По данным Б. Барановского лидер буджакских ногайцев Кантемир весьма активно закупал огнестрельное оружие в Трансильвании и Молдавии, и в 30-е гг. XVII в. уровень оснащенности им у буджакцев был значительно выше, чем у крымцев [688, с. 281]. По предположению Л. А. Боброва, помимо османских ружей буджакцы использовали также трофейные польские, захваченные во время набегов на территорию Речи Посполитой [356, с. 294].

Кантемир осознавал, какую важную роль играла артиллерия на поле боя. Обзаведшись в ходе Цецорской кампании 1620 г. польскими пушками, он использовал 12 трофейных орудий против запорожцев в боях на Альме в 1628 г. [415, с. 44–45]. После потери этих пушек Кантемир продолжал использовать артиллерию, на этот раз турецкую, умело комбинируя действия своей конницы с турецкими *янычарами* и *топчу* в боях на Каланчаке в 1628 г. [415, с. 55] и в Топракской битве (1629) [89, с. 342]. В битве под Брацлавом в 1671 г. буджакцы были вооружены ружьями, луками и саблями [425, с. 359]. «В XVIII в. ногайцы стали шире использовать огнестрельное оружие. Довольно часто они использовали «ружейный бой» во время набегов на запорожское приграничье. Так, напав на запорожский Гард в ноябре 1747 г., едисанцы Джамум-мурзы наряду с луками и копьями использовали и ружья», – отмечал В. Грибовский [408, с. 142].

Военная организация причерноморских ногайцев была схожей с крымскотатарской. На войну ногайцы шли за главой своего аула, часть жителей оставалась дома, их задачей было слежение за имуществом и семьями воинов, за что они получали половину добычи. Как и крымцы, ногайцы каждой из орд делились на *байраки* [92, с. 14].

Что на войну выступала лишь часть ногайцев, известно из истории буджакца Халила, взятого в плен поляками в 1671 г. Он сообщил своим пленителям, что, когда ак-керманский паша объявил мобилизацию среди буджакских татар, из села Халила на войну вышло 4 человека, всего же было выставлено 4 тыс. воинов. Однако часть призванных позже вернулась домой, так как имела слабых коней [260, с. 636]. В некоторых случаях за оружие приходилось браться и тем, кто остался дома. В реляции российского генерала А. Фенина (1739) сообщается, что буджакцам «противу их, донине бывшего, обыкновения – старым и молодым силою на конь сесть велено» [136, с. 88]. В 1683 г., в то время, когда войско буджакских ногайцев ушло вместе с крымским ханом в поход на Австрию,

казаки вторглись в Буджак. Оставшиеся дома буджакцы сумели собрать 3 тыс. плохо вооруженных человек [301, с. 184].

Ногайцы, живущие к западу от Днепра: Буджак, Добруджа и Очаковская степь. После поражения Молдавии в войне с Османской империей и Крымским ханством в 1484 г. молдавские господа лишились контроля над территорией южной Бессарабии, получившей татарское название Буджак. Буджак управлялся турецкими властями, но татарское население региона находилось под юрисдикцией ханского представителя, носившего титул *ялы агасы* (прибрежного аги). Также хану принадлежали налоговые поступления с северо-западной части Буджака (юрта Халила-паши). На территории Буджака ханы поселяли подчиненных себе кочевников. Немало новоприобретенных ханских подданных было переселено в Буджак после поражения Великой Орды в 1502 г. [621, с. 167]. К 1521 г. в Буджаке и Добрудже жило до 20 тыс. татар (включая членов их семей) [188, с. 678]. Приток переселенцев вырос после поражения Молдавии в 1538 г. в войне с Турцией и Крымом и расширения территории Буджака на северо-запад [621, с. 167], хотя, по мнению С. В. Паламарчук, постоянное татарское население появилось в Буджаке лишь во второй половине этого же века [532, с. 107]. Буджакцы весьма активно участвовали в набегах и походах как совместно с крымскими татарами и турками, так и самостоятельно. Например, во время масштабного набега на Польшу в 1575 г. они составляли авангард объединенной армии [59, с. 221].

В 1584 г., согласно османским источникам, в Буджаке находилось 2500 татарских домохозяйств. Всего в то время в Буджаке находилось 10 тыс. домохозяйств, из них 1,5 тыс. немусульманских [344, с. 70]. Принимая размер 1 семьи в 5–6 человек, мы оцениваем численность буджацких татар в то время в 12,5–15 тыс. человек.

Население Буджака резко выросло в начале XVII в. за счет притока ногайцев с берегов Волги. Массовое переселение татар в Буджак было отмечено рядом современников и привело

к существенному увеличению их влияния в регионе. Польский посол в Турции К. Збаражский писал: «Этот Кантемир многие пустующие земли заселил ногайскими татарами, к которым он сам принадлежит, сильно укрепился и продолжает укрепляться. Если сперва их было 5–6 тысяч, то сейчас наберется до 20 [тысяч]» [158, с. 160]. Предположим, что в первой половине XVII в. ногайское население Буджака выросло до 50–60 тыс. По информации епископа Ф. Станиславова, в 1659 г. на всем протяжении от Ак-Кермана до устья Дуная находилось 15 тыс. домов, включая татарские [725, s. 190], то есть 75–90 тыс. жителей. При этом часть населения могла покинуть Буджак по тем или иным причинам. Так, в начале XVII в., по польским сведениям, 2 тыс. буджакцев переселилось в Речь Посполитую [697, s. 154].

В XVII в. численность буджацких войск вряд ли превышала 10 тыс. В 1624 и 1628 гг. калга-султан Шахин-Герай ходил в Буджак с армиями соответственно в 12 [572, с. 181] и 6 тыс. [778, s. 195] человек, видимо, полагая, что этого достаточно для победы над Кантемиром. Сам Кантемир, по данным ханских придворных, в ноябре 1627 г. собирал в Ак-Кермане до 10 тыс. ногайцев для похода на Крым [185, с. 17]. Молдавский господарь Василий Лупу считал, что в 1651 г. нуреддин-султан мог рассчитывать не более чем на 10 тыс. буджакцев и ногайцев [149, с. 348]. По оценке польских историков, в первой половине XVII в. буджакцы выставляли 5–6 тыс. воинов, а во второй половине того же века – до 10 тыс. [822, s. 37–38].

В источниках второй половины XVII в. постоянно упоминаются 4-тысячные буджацкие армии. В 1671 г. по приказу османских властей 4 тыс. буджацких всадников отправились в поход на Польшу [260, s. 636]. В 1677 г. общая численность татарских войск в Чигиринском походе составляла, по П. Гордону, 19 тыс. (из них 4 тыс. были буджакцами) [63, с. 22]. В 1689 г. Селим-Герай I отправился в Крым с 4 тыс. воинов из Буджака [64, с. 195]. 4-тысячное войско повел с собой из Буджака в 1694 г. к Каменцу Шехбаз-Герай [301,

s. 191–192]. Столько же буджакцев Гази-Герая в следующем 1695 г. опустошало Правобережье [31, с. 270]. В 1755 г. для крымского похода на черкесов буджакцы вновь собрали 4 тыс. [36, с. 78]. Вполне возможно, что 4 тыс. – это размер «выборного» войска, выставляемого обычно буджакскими татарами для военных экспедиций (при призыве всеобщего ополчения оно могло быть значительно увеличено).

Число буджакских селений во второй половине XVII в., согласно различным источникам, составляло от 200 в середине XVII в. до 300 в конце того же века [551, с. 175]. Постоянные казацкие набеги второй половины XVII в. оказывали дестабилизирующее влияние на Буджак [533, с. 76] и, следовательно, негативно отражались на демографии региона. Вместе с тем постоянный рост татарского населения побуждал крымских ханов обращаться в Стамбул с просьбой расширить территорию Буджака за счет Молдавии. В 1672–1673 и 1713 гг. Молдавия была вынуждена уступить часть южных земель в пользу ногайцев [581, с. 80–81]. По оценке А. Башера, к началу XVIII в. численность буджакцев составляла 80–120 тыс. [344, с. 70]. По другим данным, в это время число татарских семей в Буджаке составляло 6 тыс., живших в 200 селах [822, с. 25]. К 1770 г. население Буджака выросло столь значительно, что на его территории находилось около 500 населенных пунктов, из них 29 – к востоку от Днестра [86, с. 91; 661, с. 115]. Во второй половине XVIII – начале XIX вв., по причине того, что Буджак стал ареной русско-турецких войн, его население стремительно сокращалось, в первую очередь из-за миграции. В начале XIX в. число буджакских селений доходило до 198 [661, с. 116].

Численность татарского населения Добруджи установить намного труднее. Есть данные, что в конце XVI в. в этой области проживало 6 тыс. татарских семей [822, с. 25]. В дневнике польского посла в Турции Я. Гнинского от 14 июля 1677 г. сообщается, что «в Добрудже есть 200 татарских сел, среди которых 130 тимаров, из которых должны выходить на войну

по одному коню, впрочем, и добровольцев по несколько тысяч выступает» [312, с. 21]. По всей видимости, добруджцы были малочисленнее буджацких татар. Это видно по тому, что в источниках они, как правило, упоминаются как часть буджацких или крымских войск, а не как самостоятельная сила (на войну добруджцы выступали с согласия турецких властей).

В отличие от буджаццев, ногайцы, расселявшиеся в окрестностях Очакова, не составляли собой отдельного политического объединения, находясь в непосредственном подчинении турецких властей. По мнению Д. Лукки, на войну они могли выставить почти 2 тыс. человек [227, с. 488].

Всего ногайцы, живущие к западу от Днепра, в XVII в. составляли, по нашему мнению, до 10–12 тыс. воинов. Вклад их в военные усилия ханства был значителен. Именно буджаццы и добруджцы нередко были основной ударной силой армий Гераев в походах на Молдавию, Валахию или Речь Посполитую.

Ногайцы, живущие к востоку от Днепра: Улус Гази (Малые ногаи), Дивеев улус и азовские ногайцы. Внутренние противоречия в Ногайской орде привели к тому, что с 50-х гг. XVI в. часть ногайцев во главе с Гази бием («казыевцы» в русских источниках) откочевала от берегов Волги и поселилась в северокавказских степях [630, с. 278–280]. В начале XVII в. улус Гази (называемый также Малой Ногайской ордой) занял территорию Кубани. Начиная с 60-х гг. XVI в. казыевцы участвуют в военных предприятиях, проводимых крымскими и османскими властями. В частности, Гази в сопровождении 1 тыс. всадников принял участие в Астраханском походе 1569 г. [198, с. 66]. Малые ногаи принимали активное участие в крымских набегах на Россию, в том числе в знаменитых походах Девлет-Герая I на Москву в 1571 и 1572 гг. По мнению В. В. Пенского, Большие и Малые ногаи выставили для московского похода 1572 г. несколько тысяч воинов [538, с. 231–233]. Многие набеги были организованы ими самосто-

ятельно или совместно с крымцами и азовцами.

Военный потенциал кубанских татар («кем неприятелей своих крымские ханы побеждали» [22, с. 146]) был значителен. Недаром в Крыму называли Гази бия «каменной стеной Крымского юрта и Азова» и говорили, что «на всякой войне первые люди – Казыевы» [630, с. 286–287]. «Казыевцы» составляли значительную часть армии в походах на Кавказе. Так, в 1627 г. ханское войско в черкесском походе составляло 5 тыс. человек, из которых 2 тыс. были малоногайцами [7, с. 210].

Отдельные ногайские кочевья находились в окрестностях Азова. Они подчинялись турецкой администрации города и получали от османских властей жалование за службу подобно очаковским ногайцам. При этом азовцы часто ходили в набегии вопреки приказам османских властей, что иногда даже вызывало карательные меры со стороны последних [620, с. 206]. Часть тамошних татар входила в состав гарнизона Азова. Например, в 1661 г. в крепостном гарнизоне было 1 тыс. *янычар* и 400 азовских татар [182, с. 906]. Численность азовских татар нам не известна.

В отличие от Кубани или Буджака в степях между Доном и Днепром в XVI–XVII вв. не существовало постоянного населения. Причиной этому было то, что причерноморские степи были более уязвимы для казацких нападений [407, с. 173]. После великого голода, охватившего Ногайскую орду в 50-х гг. XVI в., большое количество ногаев бежало в пределы Крымского ханства, расселившись в степях к северу от Азовского моря. Их лидером был Дивей-мурза [629, с. 305–306]. Численность населения «Дивеева улуса» В. В. Трепавлов оценивает на основании нарративных источников в 75–150 тыс. человек, а число воинов – от 15 до 30 тыс. [629, с. 363–364]. В начале XVII в. часть населения улуса ушла в Буджак, часть – в Крым.

Какая-то часть ногайцев продолжала кочевать в степях к северу от Перекопа. Согласно «Книге Большому черте-

жу» (1627), на Молочных водах «кочуют нагаи» [111, с. 65]. Д. Лукка в 1625 г. писал, что к северу от Перекопа кочуют ногайцы, способные выставить 12 тыс. воинов [227, с. 488]. Однако это были лишь отдельные кочевья. В 30-е гг. XVII в. в причерноморских степях на короткое время поселились великоногайцы, но вскоре основная масса их вернулась за Дон, в подданство русскому царю. Однако и позднее отдельные ногайские улусы откочевывали в заперекопские степи, а их воины участвовали в крымских походах. Тем не менее вплоть до 20-х гг. XVIII в. в степях к северу от Крыма более не было постоянного населения в сколько-нибудь значительном числе.

Едисанская, Едичкульская и Джамбуйлуцкая орды. В 20–50-х гг. XVIII в. в пределы Крымского ханства переходит множество ногайцев, ранее проживавших в приволжских степях под властью калмыков. Едисанская орда расположилась в Буго-Днестровском междуречье (Очаковской степи), границей между едисанцами и буджакцами (населявшими западную часть междуречья) стали реки Малый Куяльник и Кучурган, ее административным центром было село Хантуран [581, с. 83]. К 1779 г. на этой территории располагалось 48 сел едисанцев [86, с. 91–92]. Едисанцы являлись наиболее многочисленной и влиятельной из трех переселившихся орд. Джамбуйлуцкая орда поселилась в степях к северу от Перекопа, Едичкульцы – на северо-западе Буджака, однако в 1759 г. они были поселены на землях к северу от кочевий джамбуйлуков.

Численность населения трех орд определить трудно. По мнению В. М. Кабузана, к 60-м гг. XVIII в. в Очаковской степи жило 12 тыс. ногайских татар [451, с. 98]. Д. И. Хайдарлы, опираясь на данные письменных источников о численности едисанских войск в 40–50-е гг. XVIII в., полагал, что «общее количество ногайцев Едисанской орды могло в этот период превышать 200–300 тыс. человек обоего пола» [639, с. 63]. В. В. Грибовский на основании нарративных источников оценивал все ногайское население Крымского ханства к началу XVIII в. в 300 тыс. [403, с. 288].

Более вероятными нам кажутся числа, указанные А. А. Скальковским, оценивавшим количество семей буджакцев и едичкульцев в 9 тыс., едисанцев – 10 тыс., джамбуйлуков – 2 тыс., всего – 21 тыс. семей [588, с. 47–49]. Принимая 5–6 человек на семью, получается 105–126 тыс. человек. В другой работе А. А. Скальковский оценивал ногайское население Причерноморья и Кубани в 15 тыс. семей (50–60 тыс. жителей), способных выставить 15 тыс. всадников [590, с. 71–72], но эти числа выглядят слишком незначительными. О мобилизационных возможностях причерноморских орд можно также судить по приказу Крым-Герая I о подготовке к походу в 1760 г. Он требовал выставить от буджакцев и едисанцев по 7 тыс., едичкульцев – 2,5 тыс., джамбуйлукцев – 3 тыс. воинов [162, с. 77]. Эти данные весьма правдоподобны и, вероятно, отражают действительные мобилизационные возможности ногайских орд. Что Едисанская орда могла выставить лишь несколько тысяч воинов, видно на примере битвы в Черной долине 1736 г. Во время нее едисанцы входили в состав левого фланга крымского войска [568, с. 79], оцениваемого Х. Г. Манштейном в 20 тыс. [134, с. 74]. Численность переселившейся к Днепру в 1759 г. Едичкульской орды русские источники оценивали в 7500 человек [192, с. 119] (по всей вероятности, учитывались лишь взрослые мужчины). По нашему мнению, Едисанская, Едичкульская и Джамбуйлуцкая орды были способны совокупно выставить до 12–15 тыс. всадников.

Что касается удельного веса ногайской кавалерии в крымских походах, то на этот вопрос трудно ответить однозначно. Как показывают источники, процентное соотношение между крымскими и ногайскими контингентами могло существенно отличаться в различных кампаниях. По словам взятых поляками пленными, в зимнем набеге на Польшу 1643/44 гг. участвовало 20 тыс. человек. Из них 1100 были ногайцами (в том числе 800 малоногайцев и 300 буджакцев) [279, с. 46], остальные – крымскими татарами. Но в 1693 г. в составе 30-тысяч-

ной армии во главе с самим ханом, собираемой для действий в Венгрии, должно было быть лишь 2–3 тыс. крымских татар, остальная часть войска должна была быть составлена из ногайцев и черкесов [50, с. 166]. Таким образом, ногайцы могли составлять до 90% всей армии, либо, напротив, считанные проценты от ее численности. Численность ногайских войск зависела от различных факторов. В числе их: заинтересованность в походе, степень влияния ханской власти на племенные элиты, географический фактор (малонагайские войска чаще ходили на Кавказ, буджакцы – на Польшу или Венгрию), положение самих ногайцев (в случае существования угрозы их кочевьям они проявляли меньше желания участвовать в далеких походах).

Казаки. Казачество известно в первую очередь как традиционный противник крымских татар. Вместе с тем есть немало примеров совместных крымскотатарско-казацких военных предприятий. Наиболее известным примером сотрудничества является союз братьев Мехмед-Герая и Шахин-Герая с запорожцами в 1624–1629 гг., а также участие крымских войск в войне с Польшей во время восстания Б. Хмельницкого. Взамен украинские казаки должны были помогать крымским татарам. Так, в 1652 г. «был крымской царевич с крымскими людьми в Бисленях да с ним же де было запорожских черкас 400 человек» [103, с. 310]. Более того, известны случаи, когда казаки переходили в подданство крымских ханов, входя таким образом в состав вооруженных сил державы Гераев.

В тактическом плане украинские казаки XVI–XVII вв. представляли собой преимущественно стрелковую пехоту, опирающуюся на вагенбург [44, с. 158–159]. И. Верещинский писал: «Каждый казак никогда на коне в бою с неприятелем не сходитя, а если на коне, тогда с коня сошедши, табор себе устраивает или из-за табора бой с неприятелем ведет» [493, с. 105]. Поляки считали, что казацкие войска неспособны к эффективному бою вне табора. Комментируя неудачный приступ казаков к Острогу в 1648 г., В. Мясковский язвительно

замечал: «Такие их войска в поле без табора» [276, s. 384]. Популярность табора объяснялась тем, что основным врагом казаков была татарская конница, численность и время нападения которой нельзя было предусмотреть [616, с. 35]. Казацкая конница не могла противостоять в крупном сражении кавалерии крымской, польской или русской. По мнению поляков (приписываемому пленному казаку), «один добрый молодец прогонит десять конных казаков» [79, с. 449]. Тем не менее хорошо обороняемый казацкий табор был опасным противником для любой региональной армии.

Казаки Ханской Украины. Наряду с поддержкой во время событий Руины гетманов и претендентов на гетманскую булаву, заявлявших о своей лояльности Бахчисараю (таких как С. Опара или П. Суховиенко), крымские власти с 80-х гг. XVII в. стремились создать собственное Войско Запорожское, существующее на подконтрольной ханам территории [657, с. 216]. Бахчисарай проводил политику привлечения на эти земли украинского, русского, польского и молдавского крестьянства, что позволило заселить Ханскую Украину христианским населением [29, с. 94–95; 194, с. 102].

Начало Ханской Украине положил курьезный случай: «татары, перехватив казака Сулимку с 300 доброконными людьми, не только отпустили его и их, но и объявили гетманом с условием, что он сдаст [хану] Немиров» [64, с. 37]. Сулимка принял предложение и со своим отрядом участвовал в осаде Немировского замка и ряде других военных операций. В 1685 г. силы Сулимки насчитывали 1200 казаков, однако после того, как ханский гетман был разбит недалеко от своей резиденции Ягорлика пропольским гетманом Могилой, его казаки перешли на сторону противника [657, с. 220]. В 1693 г. новый ханский гетман Стецик (1685–1695) имел уже 3 тыс. воинов (русинов и молдаван) [657, с. 222] и с переменным успехом воевал с казацкими вождями Правобережья Палием и Самусем. В 1695 г. отряды Стецика сражались вместо с буджакцами Гази-Герая против казаков Палия во время боев за Фастов: «пришел... крымского

хана сын со многою ордой да изменник Стець с казаками». В окрестностях города «татары и казаки многих людей в полон побрали, а иных побили» [549, с. 371].

Казаки Ханской Украины сыграли значимую роль в татарских и турецких операциях на Правобережье в 80–90-е гг. XVII в., как принимая участие в наступательных действиях, так и обороняя Ханскую Украину от нападений правобережных казаков. При этом они также защищали и сам Крым. В 1698 г. ханский гетман И. Багатый вместе с буджакцами был призван калга-султаном Девлет-Гераем для обороны полуострова [78, с. 663]. В 1693 г. в Ханской Украине был также поселен самопровозглашенный гетман Петрик, который в 1692 г. с крымским войском и 500 присоединившимися к нему запорожцами предпринял поход на Левобережье. После поселения в Ханской Украине 30 казаков Петрика бежало от него к Стецику [50, с. 213].

Раскольники и некрасовцы. Во второй половине XVII в. нарастание противоречий в среде донского казачества, вызванное политикой Москвы по усилению контроля над Доном и репрессиями против старообрядцев (занимавших крепкие позиции среди донцев), вызвало миграцию части казаков в пределы Крымского ханства. Один из лидеров старообрядцев на Дону атаман К. Чурносов открыто говорил перед донскими казаками: «лучше де ныне крымской (хан), нежели наши цари на Москве» [427, с. 140–141]. В конце 90-х гг. XVII в. на Кубани возникают первые колонии старообрядцев. Отряды новоприбывших казаков принимали совместно с турками и ногайцами участие в набегах на донские и русские земли [576, с. 20–23]. Численность кубанских казаков на протяжении 90-х гг. XVII в. заметно выросла – от нескольких десятков до сотен человек [575, с. 280; 577, с. 199].

После подавления восстания К. Булавина (1707–1708) уцелевшие мятежники во главе с атаманом И. Некрасовым бежали на Кубань, положив начало Кубанскому казачьему войску Игнатовому. Некрасовцы получали жалование из хан-

ской казны, принимали участие в походах на Кавказ и русско-турецких войнах XVIII в. на стороне Крымского ханства и Османской империи, «при случаях при сераскере в поход из оных наряжается 400 человек» [104, с. 281]. При Менгли-Герае II (1737–1740) в Бахчисарае на постоянной основе находилась сотня некрасовцев. Можно согласиться с Д. В. Сенем, считавшим, что некрасовские «казаки в полной мере воспользовались всеми преимуществами нового подданства, в массе своей верой и правдой служа правящим династиям Гераев и Османов» [573, с. 37].

Запорожское Войско Низовое (1711–1734). Наступление царизма в Украине в начале XVIII в. вызывало недовольство значительной части запорожцев. В Запорожской Сечи усиливаются позиции сторонников союза с Крымом. В мае 1701 г. 3 тыс. запорожцев с 4 пушками участвовали в ханском походе против черкесов [614, с. 6]. Незадолго до открытого разрыва с Россией в 1708 г. кошевой атаман К. Гордиенко говорил ханским послам, что запорожцам лучше «держаться при хане, чем к царскому величеству идти» [659, с. 22]. После поражения шведского короля Карла XII под Полтавой и уничтожения Сечи русскими войсками в 1709 г. тысячи уцелевших казаков бежали в низовья Днепра, где они основали Олешковскую Сечь и в качестве султанских подданных участвовали в боевых действиях против российских войск в 1711 г.

В том же году сечевики перебрались в крымские владения, при этом «за участие в военных походах крымских ханов запорожцам было обещано невмешательство в их внутренние дела, дарованы налоговые льготы и право заниматься их традиционными промыслами на всей территории Крымского ханства» [513, с. 588]. В 1714–1732 гг. они принимали участие в крымских кампаниях на Кавказе. В 1731 г. для похода на черкесов Сечь выделила 391 казака (по 10 с каждого из 38 куреней плюс старшина), в 1732 г. – 1 тыс. (каждый седьмой) [513, с. 597]. Потери, которые несли сечевики в кавказских походах, были чрезвычайно велики. К примеру, в 1731 г. из

похода вернулось лишь 60 казаков. Отдельные запорожцы и гайдамаки с крымской и турецкой территории совершали набеги на русские и польские земли [514, с. 41, 42]. В 1734 г. запорожцы вернулись в российское подданство, хотя часть сечевиков предпочла остаться в Крыму. Число их было немалым. В 1754 г. хан отправил против черкесов 6-тысячное войско, в которое входили 280 запорожцев. Последнее упоминание о «крымских запорожцах» относится к 1758 г. – сечевики, жившие на Кубани среди некрасовцев, просили разрешения переселиться на Крымский полуостров [515, с. 28–32]. Некоторые казаки поступали в частном порядке на службу к представителям крымской знати. Например, некий Иван Вовк в середине XVIII в. жил «в услужении» у Мехмед-бея в селе Яшлав [195, с. 150].

Перебежчики на крымской службе. В крымскотатарских кампаниях принимали участие перебежчики и наемники. Ими были люди различных национальностей, социального и имущественного положения: украинские казаки, польские шляхтичи, немецкие солдаты, русские крестьяне.

Перебежчики и наемники. Хотя Крым и имел в глазах европейцев мрачную репутацию места, куда лучше не попадать, примеры добровольного бегства к крымским татарам во время военных кампаний имеются. Летом 1648 г. от поляков «ушел капитан и сто драгунов к орде» [72, с. 41], к татарам перебежали отдельные военнотатарские и в других кампаниях, например во время польской кампании против татар в 1633 г. «какой-то волох из хоругви Конецпольского убежал к татарам и предупредил их об опасности» [804, с. 39]. Именно благодаря перебежчику воины Тугай-бея узнали об уходе поляков из-под Желтых Вод к Княжим Байракам в 1648 г. [694, с. 119]. В 1594 г. армию Гази-Герая II через Карпаты вели 4 проводника – беглый польский шляхтич, валах, еврей и русин [706, с. 9]. В набеге Гази-Герая на Польшу в 1699 г. участвовал бывший ротмистр валашской хоругви польской армии Давыденко [723, с. 69]. В одном из мелких набегов,

произошедших в 1695 г., принимало участие 48 человек: 46 татар, 1 турок и 1 русский [221, с. 597]. Дезертировавший из царской армии М. Афанасьев проводил войско Бахты-Герая во время знаменитого «Кубанского погрома» 1717 г. «известными только ему дорогами между Доном и Волгой» [409, с. 117]. Подобного рода случаев было немало.

Известна история шляхтича Белецкого, который в возрасте 7 лет был угнан крымскими татарами во время очередного набега и продан в Турцию, где принял ислам. Возмужав, он вернулся в Польшу, однако то, что Белецкий отказался отречься от ислама, весьма осложняло ему жизнь. Белецкий покинул Польшу и уехал в Крым. Впоследствии он вместе с крымскими татарами принимал участие в набегах на польские земли [229, с. 104–105].

Наиболее масштабным примером перехода европейских солдат на службу к крымскому хану стала судьба кирасирского полка Калькопфа. Во время польско-шведской войны 1655–1660 гг. полк оставил службу в бранденбургской армии и перешел на службу к хану Мехмед-Герая IV. Калькопф не только командовал своим подразделением, но и руководил целой разведывательной сетью во владениях Габсбургов. В начале 1663 г. он отправил партию из 40 шпионов (среди которых был даже ирландец) в Моравию. Шпионы с вымышленными именами и биографиями путешествовали по региону, собирали информацию о состоянии крепостей, наличии войск и т. д. Имелись конспиративные квартиры: агенты полковника принимали у себя шпионов, кормили и давали ночлег, получали письма от него и передали ему свои. Впоследствии шпионы вернулись к крымским татарам и служили проводниками во время набега Ахмед-Герая на Моравию во время австро-турецкой войны 1663–1664 гг. В этом же набеге с крымцами участвовали кирасиры Калькопфа [743].

Казаки-перевальчики и гайдамаки. В условиях перманентных степных войн XVI–XVIII вв. известно множество примеров бегства как отдельных казаков, так и целых казац-

ких ватаг в пределы Крымского ханства и Османской империи. Такие беглецы нередко принимали ислам и были в крымском войске проводниками и инструкторами.

Личные обстоятельства, такие как бегство от наказания на родине, желание мести или авантюризм, приводили запорожцев под крымские и османские знамена. Гетман великий коронный С. Конецпольский в инструкции к польскому послу в Турции В. Мясковскому (1640) писал о них: «Остерегаться нужно и того, чтобы перебежчиков не принимали, ибо кто от кола к ним (туркам) бежит, а таких множество в Очакове, вместо того, чтобы их наказать, поступают дерзко; они становятся султанскими наемниками» [144, с. 22]. В первой половине XVII в. подобные побегі являлись обыкновенным явлением [364, с. 112–114]. В гарнизоне Азова находилось несколько десятков запорожцев-ахреян (ахреянами казаки называли христиан, перешедших в ислам) [618, с. 578]. Иногда такие перебежчики позволяли одерживать победы благодаря сообщаемым ими сведениям. В 1617 г. запорожец, бежавший к крымцам, тайно провел их к расположению своих бывших товарищей, планировавших набег на Крым, что привело к поражению отряда сечевиков [82, с. 82].

Переход на крымскую службу казацких ватаг имел место и во второй половине XVII в., в эпоху Руины. Так, в 1655 г. к крымскому войску, находившемуся на Подолье, поступило на службу 90–100 казаков, получивших от крымского командования знамя, подобная картина повторилась год спустя, когда казаки примыкали к ханскому войску, отправленному на помощь Польше в войне со шведами [416, с. 1040, 1192]. В 1675 г. 3 тыс. правобережных казаков пришли к калгасултану Селямет-Гераю и выразили желание поступить под его командование, чтобы он «послал их, куда пожелает» [22, с. 45]. В 1689 г. в войске Селима-Герая находилось несколько донских казаков [634, с. 325]. Перебежчики-казаки встречались в рядах крымских войск вплоть до самого конца русско-турецкой войны 1686–1700 гг. Например, в начале 1699 г. в

числе пленных, захваченных казаками Полтавского полка в низовьях Днепра, было 6 татар и казак-дезертир из Харьковско-го слободского полка [197, с. 506–507].

В 1714–1715 гг. польские войска согнали с Правобережья казак-ов, часть из которых ушла в Россию, часть – в Крым и Тур-цию [327, с. 150]. Украинец В. Колесников, служивший ранее гетману П. Орлику, был проводником войск Фетих-Герая II во время набега на Левобережную Украину в 1737 г. [136, с. 48]. После возвращения Запорожского Войска Низового в рос-сийское подданство среди части сечевиков распространялись ностальгические представления об их проживании в Крыму. Это вылилось в бегство целых групп казаков в пределы полу-острова. В 1755 г. 119 запорожцев оставили Сечь и ушли в Крымское ханство [324, с. 100].

Угнетенное положение украинского крестьянства на зем-лях Речи Посполитой вызвало в XVIII в. возникновение гай-дамачества. Гайдамаки нередко принимали участие в набегах и походах совместно с крымскими татарами и ногайцами. В 1760 г. Крым-Герай I собирал армию, куда, помимо крымских татар и ногаев, входили также гайдамаки [404, с. 156]. В 1752 г. 400 гайдамаков участвовали совместно с буджакцами в на-беге на черкесов [58, с. 218]. В известном походе Крым-Герая I на Новую Сербию в 1769 г. принимало участие 1420 гайда-маков [545, с. 134].

Кавказцы. Представители кавказских народов и их по-томки составляли значительную часть отборных войск Крым-ского ханства – *капы-кулу* и *нукеров*. Помимо этого, племена адыгов, признававшие власть ханов, выставляли воинские контингенты для крымских походов.

Адыги. Экспансия Крымского ханства в кавказском на-правлении началась еще при Хаджи-Герая I [420, с. 223–224]. В правление Мехмед-Герая I западные адыги становятся дан-никами Крыма [524, с. 88]. Дань выплачивалась ясырем, до-спехами и конями [529, с. 137; 482, с. 202]. Черкесские князья со своими дружинами присоединялись к крымским войскам

во время военных походов. Например, в 1616 г. в несостоявшемся походе крымского хана в Персию должны были участвовать «бесленейские, кумиргинские, абазинские, жанские, хантунские и кабардинские Шолоховых и Казыевых кабаков и все черкесские князи и мурзы со всеми своими черкесскими людьми» [482, с. 152]. Однако численность этих отрядов зачастую была небольшой. В 1646 г. к крымскотатарскому войску присоединилось 100 черкесов [181, с. 636–637], а в 1659 г. – 200 [530, с. 64]. Столь малое число объясняется тем, что к хану присоединялись в первую очередь темрюкские черкесы, жившие на Тамани. Когда же Гераи воевали в самой Черкесии, то к ним присоединялись отряды местных владетелей. В указе российской Коллегии иностранных дел премьер-майору А. Никофорову от 19 мая 1763 г. сообщалось, что темиргоевцы крымскими ханами «иногда и в службу их употреблялись, однако ж не иначе как в тамошних ближних местах» [104, с. 226]. Вплоть до конца истории ханства горцы оказывали содействие крымским войскам, так, в 1774 г. Девлет-Герай IV получал военную помощь от бесленеевцев, темиргоевцев и кабардинцев [680, с. 139–140].

Численность войск, которые могли выставить черкесы, была небольшой. Большая Кабарда в 30-х гг. XVIII в. располагала 15 тыс. воинов, поровну конницы и пехоты [104, с. 60]. По другим данным, к 1711 г. Кабарда могла выставить 30-тысячное войско [443, с. 82–83]. Есть сведения, что по состоянию на 1743 г. Большая Кабарда располагала 6-тысячным, а Малая Кабарда – 3-тысячным войском [358, с. 732]. Следует признать завышенными оценки К. Ф. Дзамихова, определявшего население Черкесии в 1 млн. человек, а Кабарды – в 350 тыс. [422, с. 7]. По данным К. Главани к 1724 г. в Черкесии насчитывалось всего 10,6 тыс. дворов [156, с. 138]. Ферран полагал, что черкесы могут собрать до 5 тыс. воинов [211, с. 51]. В XVII в. в Кабарде насчитывалось 2 тыс. узденей (дворян, составлявших основу кабардинских войск) [103, с. 384–387]. Полагаем, что в большинстве случаев контингенты черкесов

на крымской службе не превышали нескольких сот человек, общее число адыгейских войск, которыми могли располагать крымские ханы в своих походах, составляло не более 3–4 тыс.

Народы Восточного Кавказа. Во время кампаний на Восточном Кавказе к крымским войскам присоединялись войска местных народов. В 1578 г. против кызылбашей вместе с крымскими татарами действовали ширванцы, караберки и лезгины (4–5 тыс. человек) [676, с. 159]. С помощью ширванцев, оказавших незаменимую помощь в качестве проводников, Гази-Герай в 1580 г. сумел незаметно подойти к иранскому войску и нанести ему сокрушительное поражение [676, с. 177]. Широкую поддержку крымским татарам оказывали дагестанцы.

Будучи мусульманскими монархами, крымские ханы опирались на помощь кавказских мусульман в борьбе с российскими войсками. В 1733 г. воевавший против русских чеченский князь Айтемир Турлоев присягнул на верность Крыму и присоединился к войскам Фетих-Герая. Чеченское войско, примкнувшее к крымцам, российский историк Л. А. Богуславский определял в несколько тысяч [361, с. 7], хотя, возможно, оно было еще меньше, так как в Чечне в конце XVIII в. было всего 6–8 тыс. дворов [331, с. 226]. При прохождении Фетих-Герая через Дагестан к нему присоединялись местные жители. Несмотря на противодействие пророссийски настроенных дагестанских владетелей их подданные убегали к крымским татарам [183, с. 67]. Во время похода Каплан-Герая I в Ширван в 1735 г. известный дагестанский владетель Сурхай отдал своего сына с 1500 лезгинскими воинами на службу к хану [337, с. 143], а анdereевские владетели Айдемир и Алиш Хамзин и кайтагский умций Ахмед-хан провели ханское войско к Дербенту [613, с. 92]. В своих восточнокавказских походах крымские ханы могли рассчитывать на несколько тысяч местных воинов.

Турецкие отряды. После установления османской власти на территории бывшего княжества Феодоро и генуэз-

ских колоний в Причерноморье в 1475 г. турки разместили в новоприсоединенных землях свои гарнизоны, воины которых не раз сопровождали крымских татар в их кампаниях. Турецкие войска обладали тем, чего не хватало крымцам, – значительным количеством огнестрельного оружия и артиллерии и потому были желанным дополнением в крымскотатарских походах.

Османские войска в Крыму и Приазовье были немногочисленны. В начале XVI в. в Кефе находился гарнизон в 234 человека (включая вспомогательный персонал), в Тамани – 128, в Керчи – 35, в Темрюке – 149, в Азаке – 307 человек. Прочие гарнизоны были столь незначительны, что скорее обозначали османское присутствие в регионе. Так, в Судаке было 11 человек, Инкермане – 19, Балыклагу – 21, Мангубе – 37. Всего в Кефинском санджаке в начале XVI в. находилась 1 тыс. турецких воинов [693, р. 398–399]. В 1574–1575 гг. численность османских воинов составляла уже 1,1 тыс., из них 223 в Кефе, 122 в Тамани, 428 в Азаке, 134 в Темрюке [794, р. 178].

В XVII–XVIII вв. в Крыму также располагалось небольшое число османских войск. В Судаке по состоянию на 1666 г. находилось 50 человек гарнизона [224, с. 152], в Мангупе – 15 [224, с. 75]. В 1648–1683 гг. в Кефе находилась одна орта *янычар* числом в 260 человек, в 1723 г. – 203 *янычара* [728, с. 234]. К концу 1711 г. в Перекопе была одна орта («рота») *янычар* [178, с. 184]. В 1750 г. число *янычар* в Кефе было доведено до 810 человек [728, с. 234], одна орта *янычар* располагалась в Перекопе [587, с. 394]. В начале XVIII в. турки соорудили неподалеку от Керчи крепость Еникале с 2-тысячным гарнизоном [345, с. 48]. В 60-е гг. XVII в. кефинский паша мог выставить до 3 тыс. воинов [224, с. 176]. Эти войска принимали участие в османских военных кампаниях. Так, в 1621 г. из 55–60 тыс. войск, собранных Стамбулом для войны с Польшей, 2,5 тыс. были из Кефе [806, с. 90].

В целом численность османских контингентов была небольшой. В 1578 и 1588 гг. к крымскотатарскому войску при-

соединялось по 500 кефинских *янычар* (в 1578 г. они были дополнены отрядом в 100 татских ружейных стрелков) [199, с. 68; 794, р. 94]. В 1618 г. крымцев сопровождало 160 (по другим данным – 130) *янычар* [250, s. 106; 148, с. 7], в 1659 г. – 240 *янычар* [530, с. 64]. Лишь в отдельных случаях численность турецких войск, сопровождавших ханскую армию, превышала 1–2 тыс. воинов. Многочисленными османские войска становились при задействовании не только гарнизонов причерноморских городов, но и войск силистрийско-очаковского бейлербея или других османских военачальников высокого ранга.

2.4. Регулярная армия Шахина-Герая (1775–1783)

Военная реформа: своевременный шаг или запоздалое решение? При изучении крымского войска возникает закономерный вопрос: почему, несмотря на уменьшающуюся на протяжении второй половины XVII–XVIII вв. эффективность своих действий, крымские татары сохраняли архаичную военную организацию до последних лет существования своего государства? Почему военная реформа, в корне преобразившая ханскую армию, имела место лишь в 70–80-х гг., а не, скажем, в 1730 или 1740 г.? На первый взгляд, уже в начале XVIII в. крымцам следовало запустить процесс вестернизации, чтобы угнаться за вырвавшимися вперед европейцами. Тем не менее облик вооруженных сил крымских Гераев оставался практически неизменным вплоть до реформ Шахин-Герая. Однако мы полагаем, что было бы ошибкой считать затянувшуюся консервацию военных институтов Крымского ханства показателем отсталости.

Для успешного формирования боеспособной регулярной армии требовалось несколько условий. Во-первых, следовало решить вопрос ее содержания. Продолжительное обучение было необходимо для внедрения в солдатскую массу нужных навыков. Ополчение, составлявшее основу крымских войск,

практически ничего не стоило ханскому бюджету, однако попытка перевести его на постоянное содержание привела бы к финансовому и политическому кризису. Содержать многие тысячи мужчин для соответствующего обучения не смог бы ни один, даже самый популярный в народе, хан.

Европейские армии XVII–XVIII вв. обходились своим правительствам весьма недешево, почему и составляли лишь считанные проценты от численности народонаселения, поглощая при этом нередко более половины всего государственного дохода. В Крымском ханстве с его ограниченными ресурсами и несколькими сотнями тысяч жителей регулярная армия составила бы всего несколько тысяч человек и, вероятнее всего, была бы разгромлена намного более многочисленным неприятелем в первом же столкновении. У крымских Гераев была регулярная армия (*сеймены*), численностью всего в 2 тыс. человек, не сыгравшая сколько-нибудь серьезной роли в войнах с Россией в XVIII в.

Таким образом, имел место «эффект Матфея»: богатые централизованные империи имели достаточно ресурсов для создания массовой постоянной армии, Крым таковой возможности не имел. Успешное строительство боеспособных вооруженных сил небольшими европейскими государствами в данном случае нельзя использовать в качестве аналогии. Крымским татарам противостояла не страна размеров и возможностей Дании или Пьемонта, а гигантская империя с десятками миллионов жителей, в случае необходимости с легкостью компенсирующая потери, превышающие численность всей крымской армии. Чтобы бороться с ней, было совершенно недостаточно просто пытаться скопировать ее военную систему, получив в итоге миниатюрную и менее боеспособную копию.

Соответственно, ханские военачальники действовали так, как и следовало поступать в сложившихся обстоятельствах. Массовый призыв ополчения позволял более эффективно вести малую войну сразу на нескольких театрах боевых дей-

ствий (Крым, Молдавия, Украина, Буджак). Крымцы по возможности избегали битв на невыгодных для себя условиях (хотя им не раз приходилось их давать), отступали вглубь страны, истощали силы противника партизанской войной. Каплан-Герай в 1736 г. действовал приблизительно так же, как М. Б. Барклай де Толли и М. И. Кутузов в 1812 г. (вплоть до того, что в обоих случаях из престижных соображений была дана битва перед столицей). С той, однако, поправкой, что Крым уступал в размерах России и путь, пройденный армией Б. Х. Миниха, был существенно меньше расстояния, преодоленного Великой армией Наполеона (вероятно, именно благодаря этому обстоятельству Миних вывел с территории полуострова хотя и потрепанную, но боеспособную армию). Российская армия не так сильно отличалась от армии французской, как от крымской. Тем не менее российские генералы в 1812 г. долгое время благоразумно уклонялись от решающей битвы, осознавая ее невыгодность для себя.

По этой причине мы считаем, что войско Крымского ханства, даже превратившись в малочисленную огнестрельную регулярную армию, вряд ли вело бы себя как-то принципиально иначе в 1736 г., чем это случилось в действительности (то есть точно так же отступало бы в степи). Рельеф местности и многочисленная кавалерия делали крымских татар «хозяевами пространства» (по меткому определению К. Клаузевица), что позволяло ослаблять врага и наносить ему ощутимые потери. Крымское войско, с его упором на малую войну, справлялось с истощением противника в 1736 г. лучше, чем это сделала бы регулярная армия. Не стоит видеть в быстром завоевании Крыма в 1771 г. некую местную специфику. Так, как действовали крымские татары, вела себя любая иррегулярная кавалерия в боях с регулярным противником. Достаточно вспомнить известные слова Д. Давыдова о встрече русских казаков со Старой гвардией Наполеона в 1812 г., буквально списанных с русских кампаний на Крымском полуострове.

Лишь когда (с точки зрения пророссийского хана Шахин-Герая) необходимости противостоять российским войскам уже не было, стало актуальным изменение вооруженных сил Крымского ханства на европейский образец. Для поддержания порядка в стране, подавления оппозиции и ограниченных походов против черкесов действительно была бы нужна маленькая вестернизированная армия. В связи с этим отметим, что, восставая против ненавистного хана, даже дезертировавшие из его регулярных частей бойцы не пытались воспроизводить европейскую тактику против российской армии, восстановив прежние традиции ведения боя. Военная реформа стала своевременной лишь в связи с кардинальным изменением внешнеполитических ориентиров.

Первый этап военной реформы (1775–1777). Будучи убежден в необходимости реформ, сторонник ориентации ханства на Петербург Шахин-Герай начал формирование «армии новой модели» еще до своего восшествия на ханский престол. В 1775 г., находясь на Кубани, он набрал отряд добровольцев-*бешлеев* из кубанских ногайцев [84, с. 638]. Боевым крещением шахиновых войск стал штурм обороняемого турецким гарнизоном Темрюка, предпринятый в январе 1777 г. Для этой атаки Шахин-Герай выделил из состава нового отряда (1000–1100 человек) группу в 300 вооруженных солдат (прочие оружия не имели) [125, с. 92]. После ожесточенного сражения *бешлеи* были отражены. Униформа *бешлеев* была до того схожей с российской, что турки и крымцы, осматривая убитых, приняли их за российских военнослужащих [84, с. 299, 304]. После понесенного поражения для довооружения оставшихся у него войск будущий хан просил у русских 800 ружей и такое же количество сабель и пик [125, с. 92].

В результате российского вторжения в Крым весной 1777 г. Шахин-Герай был объявлен ханом. Желая реорганизовать крымские вооруженные силы, он принял решение ввести рекрутскую повинность, формируя регулярную армию (*бешлеев*) путем набора 1 человека от 5 дворов, «которые обязаны

были снабдить этого воина оружием, лошадью и всеми нужными припасами» [212, с. 104]. Численность бешлейского войска планировалось довести до 5 тыс. человек. Впрочем, хан решил ограничиться тем, что набрал лишь 2 тыс. конницы и 1 тыс. пехоты [84, с. 788]. Хана и в Крыму сопровождали его кубанские *бешлеи* (в отличие от крымских представленные добровольцами). Численность их доходила до 1 тыс. человек [84, с. 638]. Любопытно отметить, что французский ученый А.-Ф. Леклерк в 1785 г. также оценивал численность регулярной ханской армии в 3 тыс. [499, с. 61].

Шахин-Герая распустил *сейменов* под предлогом их обнищания и путем добровольного найма набрал новых [491, с. 61]. При этом *сеймены* получили новую униформу («зеленые платья») и выглядели столь необычно, что восставшие крымцы в 1782 г. отправили в Стамбул 5–6 пленных, дабы показать, что хан их «одевает не в обыкновенное платье» [87, с. 496]. *Сеймены* также должны были следить за порядком и предотвращать мятежи [87, с. 111].

Таким образом, по замыслу Шахин-Герая прежнее трехчастная структура крымского войска (ханская гвардия, *нуке-ры* знати и ополчение из числа простонародья) должна была быть заменена на новую (*сеймены* и *бешлеи*).

Помимо службы при самом хане *сеймены* Шахин-Герая (как и предыдущих ханов) прикреплялись к чиновникам, для выполнения полицейских и иных функций. Ширинский бей имел в своем распоряжении 1 *болюкбаши*, 1 *одабаши*, 1 *чавуша* и 10 конных *сейменов*, бахчисарайский каймакан – 1 *болюкбаши*, 1 *одабаши*, 1 *чауша*, 10 конных и 10 пеших *сейменов*, гезлевский, перекопский, карасубазарский, кефинский и акмеджитский каймаканы – по 1 *болюкбаши*, 1 *одабаши*, 1 *чавушу*, 10 конных и 5 пеших *сейменов*. Итого при крымских чиновниках находились 21 офицер и 105 рядовых *сейменов* [120, с. 18–20]. Отряды *сейменов* находились и при сераскер-султанах ногайских орд. Так, при сераскер-султানে Едичкульской орды находился *болюкбаши* с не менее чем 18 *сейменами*

[86 с. 316], а командиром *сейменов* при сераскер-султানে Кубанской орды являлся *болюкбаши* Заат-Исаев [86, с. 317]. Мы считаем, что всего на подчинении у крымских и ногайских чиновников и вельмож находилось около двухсот *сейменов*.

2 октября 1777 г., во время учений недавно набранного войска Шахин-Герай перевел 44 человека из конницы в пехоту, что было расценено воинами как наказание и вызвало резкое неудовольствие у рекрутов. На следующий день они, и без того возмущенные муштрой и политикой хана, взбунтовались и подняли мятеж [84, с. 785–789], охвативший значительную часть Крыма. На этом завершился первый этап существования крымской армии «новой модели».

Второй этап военной реформы (1778–1783). Восстание продолжалось до февраля 1778 г., пока не было окончательно подавлено русской армией. Вскоре после этого хан вновь приступил к восстановлению своей армии. Шахин-Герай проводил ограниченные мобилизации, испытывая нехватку средств на содержание армии и, видимо, не рискуя навлекать на себя народное недовольство грандиозными рекрутскими наборами – к июлю 1778 г. он имел лишь 1 тыс. *бешлеев* и столько же *сейменов*, размещенных в Крыму и на Кубани [85, с. 553]. Даже столь небольшое войско приходилось набирать насильно. Большое возмущение вызывала муштра и обучение. Некоторые рекруты отказывались надевать ненавистную для них униформу и были казнены [87, с. 649]. Наборы производились и в последующие годы. В 1779 г. среди 500 новонабранных *бешлеев* вспыхнул бунт, вызванный недовольством муштрой, однако его удалось усмирить, объявив виновными излишне усердствующих инструкторов [86, с. 367–368].

Описание новых крымских войск оставил русский резидент при хане А. Д. Константинов. Сообщая о въезде Шахин-Герая в Бахчисарай 5 декабря 1779 г., он писал: «Впереди ехали киргизы в простом татарском платье 60 человек, ведомые своим начальником; за ними болюков 2, сейменов 130³ со

³ В тексте – 2 сейменов и 130 болюков, что является ошибкой.

своей музыкой и знаменами, ведомые впереди младшим боллук-башой; замыкал главный баш-боллук-баш; все они одеты были в зеленое платье и вооружены однокалиберно. Затем бешлеев 32 с музыкой, одетые в черном мундире, предводимые своим старшим начальником» [86, с. 464–465].

Бешлеи должны были представлять собой аналог регулярной легкой кавалерии и обучались как гусары [87, с. 571], *сеймены* делились на конных и пеших. Таким образом, новая крымская армия по-прежнему должна была состоять преимущественно из легкой конницы, однако теперь уже регулярной и обученной. Вооружение этих войск описал член русского посольства к Шахин-Герая: «стояло войско татарское в два ряда, иные с ружьями, а другие с пиками, держа все то у ног» [196, с. 270].

Помимо *бешлеев* и *сейменов* хан планировал обучить собственных артиллеристов – *топчу*, набравшихся из *бешлеев* [212, с. 115].

Не надеясь на лояльность крымцев, Шахин-Герай планировал собрать 1–2 полка из иностранцев (поляков и немцев) и принял на службу некоего майора Трояновского, который обещал помочь хану в этом [86, с. 604–609]. По мнению А. Фишера, Шахин-Герай также нанимал казаков и албанцев [712, р. 67], а в *бешлеи* призывал крымских христиан [710, р. 351]. Командующим ханской артиллерией стал англичанин Робинсон, руководивший до того артиллерией у султана Египта и после 1783 г. перешедший на российскую службу [649, с. 407]. Интерес представляет также существование звания *туркмен бешли агасы*, что, по мнению О. С. Мавриной, «может свидетельствовать о том, что в составе войска Шагин Герая было туркменское подразделение», имеющее соответствующего начальника [503, с. 81].

Подобно тому, как в армиях предшествующих ханов командные посты в структуре гвардии занимали аристократы, при Шахин-Герая мурзы и беи также возглавляли регулярные части. Например, Халил-мурза из Карасубазара находился на

службе в качестве *одобаши*, что, по мнению К. О'Нейл, соответствовало званию лейтенанта [790, р. 133]. К знатному роду принадлежал *туркмен бешли агасы* Чарик-ага [503, с. 81].

Боеспособность крымской «армии новой модели» была низкой. Наряженные в ненавидимую ими форму европейского образца, понуждаемые к многочасовой муштре, не понимавшие значения ханских реформ, *бешлеи* и *сеймены* не выказывали рвения в бою и не были способны решать поставленные перед ними задачи. Когда в 1781 г. Шахин-Герай послал в Тамань против мятежного Мусы-бея отряд в 150 *сейменов*, те вступили в бой со сторонниками бея и были вынуждены отступить, причем с обеих сторон будто бы пало 50 человек [86, с. 131].

Рабби Азария сообщал, что после мобилизации *бешлеев* «назначил хан начальников тысячных, сотских, пятидесятских и десятских для обучения этих воинов по образцу русского войска» [212, с. 104], в то же время «хан начал собирать войска двоякого рода: один под названием Башлы, а другой Сайман. Последних разделил на отряды, состоящие каждый из 120 человек, и назначил особенного начальника в каждом из них» [212, с. 115]. Из этого можно было бы сделать вывод о том, что *сеймены* делились на отряды по 120, а *бешлеи* – по 100 человек. Вместе с тем известно, что зимой 1781/82 гг. хан приказал перебросить через Таманский пролив 4 *байрака*, в которых состояло 500 *бешлеев* [87, с. 571]. Таким образом, бешлейские *байраки* также насчитывали по штату 120 бойцов. Этими отрядами командовали *бешли агасы*. Чин этот (как и название новых ханских войск) был позаимствован у турок [501, с. 70]. Насколько хан возлагал надежду на своих офицеров, видно по тому, что «чины не были снимаемы и по отставке произведенных со службы» [500, с. 54].

Повстанцы, боровшиеся с режимом Шахин-Герая, частично копировали его нововведения. Когда в 1777 г. в Крыму вспыхнуло восстание против непопулярного хана, «взбунто-

валась и вся чернь (кара татар) и отказалась быть послушною господам и ханским чиновникам, и назначила из среды себя начальников тысяческих сотских и т. д. » [212, с. 104].

К началу 1782 г. Шахин-Герай имел 4 полка *бешлеев* (различавшихся по цвету униформы), 1 полк *сейменов* и 1 роту *топчу* [45, с. 481]. Заметим, что, несмотря на рекрутские наборы, новая ханская армия постоянно таяла из-за дезертирства. Считаем, что к весне 1782 г. у Шахин-Герая оставалось всего 1200–1500 человек – 700 на Таманском полуострове, до 200 у чиновников и сераскер-султанов и более 300 при самом хане в Кефе. Следовательно, те пять полков, которыми располагал хан-реформатор, страдали от недокомплекта личного состава.

В 1782 г. в Кубани, а затем и Крыму вспыхнуло очередное восстание. К тому времени хан, видя возмущения среди кубанских ногайцев, принял определенные меры для восстановления контроля над ситуацией. Если в 1781 г. на Таманском полуострове располагалось всего 200 *сейменов* и *бешлеев*, то вскоре туда было переброшено еще 500 *бешлеев*. Таким образом, для действий против повстанцев, возглавляемых Бахадыр-Гераем и Арслан-Гераем, была сосредоточена половина всех войск Шахин-Герая. Бахадыр-Герай и Арслан-Герай потребовали от командовавшего ханскими силами таманского каймакана Ахмета-аги уйти в Крым. Тот был вынужден согласиться. Султаны разоружили солдат и отобрали у них амуницию, от 150 до 200 *бешлеев* и *сейменов* перешло на сторону мятежников, прочие были отпущены в Крым [87, с. 426–427, 431, 496, 506]. Таманский инцидент показал, что надежды на регулярные войска нет и сражаться с повстанцами они не станут, что признавал и сам хан [87, с. 499]. Сколь ненадежны были войска Шахин-Герая, говорило то, что перед началом мятежа ширинские мурзы и аги вели переговоры с *бешлеями*, состоявшими при ханском карауле, о присоединении их к грядущему восстанию и об убийстве хана [87, с. 607].

Халим-Герай, проживавший до того на Керченском полуострове, примкнул к восстанию и двинулся к Кефе, собирая вокруг себя толпы добровольцев. У Шахин-Герая осталось лишь 300 *бешлеев* и *сейменов* при 4 пушках, с которыми он первоначально планировал обороняться в предместье Кефе, но и эта крошечная армия разбегалась, переходя на сторону своих соотечественников [87, с. 512]. После того, как 14 мая 1782 г. Халим-Герай подошел к столице, хан с двором и остатками войска (160 воинов [87, с. 530]) без боя бежал на русском корабле. Прибыв в Керчь, он распустил свой отряд и отбыл в Россию. Когда в сентябре 1782 г. русские войска подходили к Перекопу, чтобы силой восстановить хана на престоле, к нему присоединилось лишь 20 *сейменов* из тех, что были распущены им в Керчи [87, с. 860–861]. Вскоре Шахин-Герай под давлением российской стороны отрекся от трона. Таков был конец реформированной крымской армии.

Через год после присоединения Крыма к Российской империи на территории полуострова создавались крымскотатарские части для службы в российской армии. Они именовались «таврическими татарскими дивизионами», но были также известны под именем *бешлеев*, по примеру существовавших ранее войск [562, с. 9–10]. Так название войск ориентированного на Россию крымского хана перешло на солдат, служивших непосредственно российской короне.

Могла ли военная реформа иметь шансы на успех? Мы полагаем, что да. Обратим внимание на одну немаловажную деталь: крымские татары жаловались русским и туркам на то, что хан наряжает солдат в мундиры, муштрует их и пытается превратить в регулярное войско, но они не жаловались на то, что он вооружает своих солдат мушкетами вместо традиционных для крымских татар луков. Необходимость изменений хотя бы по части вооружения осознавалась в крымском обществе. Это видно и по тому, что в 70-е гг. XVIII в. крымцы в качестве стрелкового оружия применяли в первую очередь ружья и пистолеты. Шахин-Герай набирал по солдату

с 5 семей? Но это практиковали и прежние ханы (хотя и не для постоянной службы). Шахин-Герай имел не более 3 тыс. регулярной армии, то есть немногим больше, чем имели его предшественники. Пожалуй, принципиально неосуществимой реформу делали следующие факторы:

1) попытка ввести постоянную службу для рекрутов;

2) отсутствие надлежащей пропаганды;

3) бесчинства новонабранных войск. Некоторые *бешлеи* и *сеймены*, надеясь на безнаказанность и рассчитывая на поддержку хана, занимались насилием в отношении населения, в том числе женщин [87, с. 667]. В крымскотатарском обществе с его щепетильным отношением к женской чести подобное было недопустимым;

4) попытка проведения форсированных реформ вместо постепенного внедрения новшеств в консервативное крымское общество.

Мы считаем, что при популярном и энергичном хане, набравшем ограниченное число солдат путем добровольного найма и прилагавшем усилия для пропагандистского обеспечения реформы, постепенная реорганизация войска могла иметь некоторые шансы на успех.

ГЛАВА III. ТАКТИКА ВОЙСК КРЫМСКОГО ХАНСТВА

3.1. Тактические приемы крымских татар в полевых битвах

Крымцы считали сражения на открытой местности своей стихией. Сидевшим в Збараже в 1649 г. полякам они говорили, что при осаде один польский воин одолеет десятерых татар, однако под Зборовом, в полевой битве, один татарин побьет десятерых поляков [276, s. 469]. Любопытны слова ханского везира Сефера Гази-аги русским посланникам, сказанные после Конотопской битвы: «Впредь московские ратные люди с татарами полевым боем биться не станут» [530, с. 40].

Сражаясь с крымскими войсками в десятках битв, польские, русские, молдавские, валашские и казацкие военачальники прекрасно знали об основных тактических приемах своих крымских визави, о сильных и слабых сторонах татарских войск. Сильным местом была подвижность ханских ратей. Крымская армия стремилась к окружению и охвату противника. Следовательно, враги крымских татар предпочитали давать битву в «крепких местах», с прикрытыми флангами, на местности, ограничивающей маневры татарской кавалерии. Таким образом, склонность татар к активному использованию фланговых обходов приводила к парадоксальному результату: к тому, что провести их зачастую не удавалось из-за своевременного принятых неприятелем мер.

Ю. Крижанич замечал: «Следует особенно опасаться давать татарам битву в чистом поле, где они могут окружить нас со всех сторон; нам полезно вступать с ними в битву не в ином месте, как, например, у речных переправ или же в тес-

нинах близ леса, укреплениях и т. п.» [347, с. 83]. В «Наказе», отданном Разрядным приказом князю М. И. Воротынскому в преддверие крымского наступления в 1572 г., неоднократно подчеркивается, что русские должны биться с крымскими татарами лишь в «крепких местах», но ни в коем случае не в открытом поле [591, с. 448; 538, с. 201–205]. В 1690 г. гетман И. Мазепа писал компанейскому полковнику И. Ф. Новицкому, что получил сведения о выходе из Крыма некоего султана с 3-тысячным войском, и предупреждал, чтобы полковник «нигде в поле не вымыкался с товариством» и «при всякой осторожности найдовался у доброй якой крепе» [10, с. 232].

Но сражающиеся на своих условиях крымцы были страшным врагом. В грандиозной кавалерийской битве 29 июня 1651 г. под Берестечко (по мнению Р. Романьского, крупнейшее кавалерийское сражение эпохи) ханская конница во фронтальном бою продемонстрировала убедительное превосходство над польской кавалерией (отважившейся биться с татарами без огневой поддержки), раз за разом оттесняя ее к лагерю, откуда ее встречал огонь артиллерии и пехоты [815, s. 163–173]. Настроение польских военачальников было столь подавлено, что на военном совете большинство их предлагало запереться в укрепленном легере и более в поле не сражаться. Однако на следующий день польская армия соединенными усилиями кавалерии, пехоты и артиллерии вытеснила крымское войско с поля боя.

Впрочем, ничего уникального в тактике крымских татар не было. Превосходя своих противников в подвижности кавалерии, они делали ставку на действия в открытом поле, на внезапные атаки, избегали по возможности штурмов подготовленных в бою оборонительных позиций. Точно так же, как воевали крымские татары против поляков, воевали сами поляки против русских или шведов. Под Смоленском 20 августа 1633 г. польская конница пыталась выманить русских всадников из-под прикрытия укреплений и пушек [511, с. 113]: именно так против поляков часто действовали крым-

цы, например, Гази-Герай II под Цецорой в 1595 г. Подобно тому, как крымцы в битвах с поляками, имеющими преимущество в огневой мощи, делали упор на конный маневр, польская армия, столкнувшись с сильными своим огнем шведами в 1626–1629 гг., повторяла алгоритм действий татар, уклоняясь от прямых атак на пехоту, изматывая противника мелкими стычками и надеясь застигнуть его врасплох [823, с. 86–90]. Иными словами, способ ведения боевых действий крымскотатарских полководцев был сугубо прагматичен и продиктован желанием использовать сильные стороны своей армии, лишив противника его преимуществ. Фронтальное столкновение с противником, имеющим превосходство в пехоте и артиллерии, было нежелательным для кавалерийских армий и потому его по возможности избегали: черкесы в боях с татарами, татары – в боях с поляками и поляки – в боях со шведами.

Наталкиваясь на отряд тяжелой конницы, крымские воины предпочитали налетать на него с разных сторон, с тыла, с флангов, бросаясь на врага с холодным оружием, засыпая стрелами и уходя от ответного удара. Боплан описывает сражения между поляками и татарами следующим образом: «Ряды поляков врезаются в [линию] татар, а те, не чувствуя себя достаточно сильными, чтобы сражаться с саблей в руке, разлетаются, как мухи, кто куда может, и, отступая во весь опор, стреляют так метко из лука, что на расстоянии 60–100 шагов не дают промаха по своей цели. Поляки не могут их преследовать, поскольку лошади их не такие выносливые, как татарские. Затем татары снова собираются вместе за четверть лье и начинают готовиться к лобовой атаке на поляков, а когда [те] врезаются в их ряды, они опять разлетаются и, отступая, стреляют все время в левую сторону, так как в правую не могут. Изнузив таким образом поляков, они [татары] вынуждают их к отступлению» [44, с. 252].

Знаменитая тяжелая конница Речи Посполитой, гусария, из-за своих тяжелых доспехов и длинных пик была малоэф-

фективна против подвижных крымцев, «разлетающихся» перед идущей в атаку кавалерией противника. Польские военачальники приказывали гусарам в случае похода на татар не брать с собой копий [841, s. 263], хорошо зарекомендовавших себя в боях со шведами, русскими, казаками и турками. Гусары в таких походах снаряжались как панцирные/казацкие хоругви, используя в первую очередь клинковое и огнестрельное оружие (в битве под Мартыновым гусары вели огонь по татарам из мушкетов [853, s. 438]), из защитного снаряжения – панцири и мисюрки. В некоторых случаях гусары даже сражались без доспехов, дабы иметь возможность сравниться с татарами в скорости [583, с. 66, 68]. В качестве иллюстрации боевых возможностей татарской конницы в столкновениях с гусарией укажем на бой, произошедший 14 мая 1618 г. в окрестностях Рогатина – гусарская хоругвь сражалась с татарами, убив 8 и пленив 3 из них, потеряв при этом 41 человека (7 товарищей и 34 пахолка) [253, s. 95]. Хотя, конечно, подобное соотношение потерь не было для гусар нормальным.

Ярко охарактеризовал татарскую тактику Я. Х. Пасек: «Не только тот кавалер, кто удерживает натиск в открытом бою, но и того не нужно недооценивать, который, хотя немного уступит поле, снова возвращается и сражается. С которым, когда выиграешь – счастлив, когда проиграешь – редко останешься здоровым, этот же как птица и отлетит, и налетит... То ли дело с немцами воевать! Победит меня – не догонит меня, одолею я его – не убежит от меня, а татарин же – и убежать от него плохо, и преследовать утомительно, а если его и догоните, то немного получите» [284, s. 554–555]. Яростно атакующие, быстро уходящие от ответного удара, способные мгновенно создать численный перевес на острие атаки и затем тут же сменить направление удара татары долгое время были опасным противником даже для кавалерии, широко использующей огнестрельное оружие.

Подготовка к битве. Прекрасно налаженная разведка, скорость и маневренность войск позволяли крымским тата-

рам раз за разом навязывать противнику свои условия боя. «По причине быстроты они имеют в своей власти и место и время битвы: коли окажется удобное место, побьются; коли нет такого места, отступят дальше», – писал Ю. Крижанич [347, с. 79].

В бою (даже небольшом) военачальники стремились овладеть господствующими над местностью холмами или горами, для лучшего обзора и управления войском. Например, в 1653 г. недалеко от Черновцев отряд в 300 крымских татар разбил силы хотинского пыркылаба, заняв при приближении противника холм и оттуда обрушившись на противника [776, s. 88]. В бою под Пагулем в 1686 г. татары «с невиданным доселе упорством» атаковали передовой отряд поляков, «однако, когда расположенные на горах татарские часовые донесли о приближении передовой стражи королевского войска, нападавшие прервали битву и ушли так же быстро, как пришли» [702, s. 71].

Крымские полководцы умело использовали рельеф, скрывая перемещения своих войск за лесами и горами. В 1649 г. под Зборовым крымская армия скрытно подобралась к польской, «выйдя из лесов по долинам» [79, с. 247], в битве под Журавно 1676 г. крымские татары обходили неприятельские позиции, двигаясь через леса и болота [847, s. 57]. В битве под Подгайцами в 1698 г. крымские татары прошли через лес, перебрались через проходивший по лесу овраг, по дну которого протекал речной поток, после чего стремительно атаковали противника [846, s. 124].

Перед сражением проводилась рекогносцировка. В ней нередко непосредственно участвовали и сами Герои. Так, в 1676 г. перед битвой под Войниловым два сына Селим-Герая I лично разведывали вражеские позиции [839, s. 256].

Начало боя предварялось действиями, направленными на снижение боевого духа противника. По ночам татары, подойдя к расположению неприятельских войск, оглашали воздух воплями. Прибыв к польскому лагерю у Котнари в молдавской кампании 1616 г., они с криками скакали вокруг поль-

ского лагеря, что деморализовало польских воинов [268, s. 36]. Описывая, как крымские татары окружили венгров в кампании 1657 г., П. Гордон отмечал, что положение последних было весьма тяжелым. «Ночь они провели очень тревожно и как бы в загоне, так что травы едва хватало для лошадей и скота. К тому же татары не давали им передохнуть и беспокоили устрашающими воплями» [144, с. 120].

Гарцы. Важной составляющей крымскотатарской военной культуры были гарцы, представлявшие собой бои между отдельными воинами или группами воинов. Обычай гарцовки был общим для народов Восточной Европы [479, с. 181]. На нее выезжали, как правило, добровольцы, а сами столкновения могли продлиться несколько часов (например, на Наре в 1610 г. татары гарцевали с поляками целый день до самой ночи [240, s. 260]). Иногда на гарцовку выезжали целыми отрядами: 17 октября 1620 г. под Цецорой против татар на гарцы выехал полк лисовчиков В. Роговского (1300 человек) и несколько хоругвей, не считая молдаван господаря Каспара Грациани [250, s. 99–100]. Однако далеко не всегда число выезжавших на гарцы воинов было столь значительным. По польским источникам, под Охматовым в 1644 г. из 20 тыс. татар на гарцы вышло 500 всадников [279, s. 46]. Гарцовники не были специальными войсками – любой отряд крымских татар мог сражаться в общем строю или в гарцах. Отряды, выделяемые для прикрытия отступления, также рассыпались в гарцах, отвлекая на себя внимание противника.

Во время гарцов выезжали из строя и вызывали противника на бой [272, s. 17], дрались и саблями, и луками, пытались подвести друг друга под удар своих товарищей. Гарцы выполняли сразу несколько функций. Под прикрытием завесы из сотен гарцовников происходило развертывание войск на поле боя, во время них захватывали пленных, что позволяло получить информацию о силах и планах неприятельской стороны. Упоминая о смерти одного ротмистра-гарцовника во время Хотинской битвы 1621 г., армянские хронисты пи-

сали, что «гетман, а также все рыцари очень плакали и печалились, так как покойный гетман благодаря ему хорошо знал о замыслах неверных и о том, что происходит у них» [158, с. 66]. Описывая неудачные гарцы поляков с крымскими татарами 25 августа 1686 г., королевич Я. Собеский писал, что гарцовники были отбиты с потерями, так и не взяв языка [243, с. 317]. Вместе с тем гарцевали не только перед битвой, но и во время марша, отдельные отряды покидали армию и съезжались для боя друг с другом, как это было во время кампании в Молдавии в 1686 г., когда при постоянном ведении гарцев решающая битва так и не состоялась.

Гарцы позволяли проявить себя удалцам, жаждавшим отличиться в бою с достойным противником. Мы разделяем точку зрения Р. Романьского, считавшего гарцы своеобразным рыцарским турниром, где участвовали известные храбрецы обеих армий, за действиями которых внимательно следили остальные воины [815, с. 155]. Крымские татары считались хорошими гарцовниками. Автор «Виршованной хроники» писал про бои под Берестечком: «татарин, что славится гарцами, берет верх», «поганский гарцовник по самой своей натуре является лучшим в ремесле смерти, чем христианин» [73, с. 505].

Важным для понимания системы ценностей крымско-татарских элит является тот факт, что на гарцах сражались представители высшей знати. «Там же гарцы сразу же начались, на которых и двор самого хана был», – писал польский очевидец про бои 19 октября 1595 г. под Цецорой [254, с. 245]. Даже командующие войском могли принимать участие в гарцовке: в 1675 г. Хаджи-Герай, подступивший под Злочев, выехал на гарцы и был ранен [791, с. 181].

Проведение атаки. В случае открытого сражения с противником крымские татары предпочитали атаковать слабые места вражеского строя, вклиниваться в промежутки между неприятельскими подразделениями. В битве под Петронеллем в 1683 г. крымцы таким способом обратили в бег-

ство несколько полков австрийской кавалерии [842, s. 92–93]. Сталкиваясь с сильным сопротивлением, татары меняли направление атаки. Так было в битвах под Простками (1656) [770, s. 334–336], Новоселкой (1688) [837, s. 19], Львовом (1695) [772, s. 162–163].

При этом крымские татары налетали на противника и тут же отходили, желая выманить его за собой и проверить на прочность оборону. Потому-то их часто сравнивали с ветром, птицами или даже стаями мух [714, s. 361], причем продолжаться такие налеты и отходы могли долго. 30 июня 1651 г. в битве под Берестечко «татарские полки» «наступали, убежали и опять набежали» [815, s. 187]. Под Львовом в 1675 г. «татары, кои легче южного ветра, то внезапно исчезали, то вновь собирались, то бежали на глазах, то вновь наполняли поле» [258, s. 360]. В битве под Оринином в 1618 г. татары 15 раз приступали к противнику и после каждого наступления убежали [271, s. 166–167]. Под Львовом в 1695 г. Кирпичный мост на протяжении двух часов атаковали 13 раз [772, s. 162]. Разумеется, речь шла не о полноценной рукопашной схватке, а о быстрых ударах и отходах, нередко ограничившихся одним только лучным боем. В битве под Львовом в 1675 г. польская конница несколько раз атаковала крымских татар, те провели три контратаки, пока новый удар противника не обратил их в бегство – и все это суммарно длилось лишь полчаса [839, s. 186].

Чтобы успешно довести массу всадников до противника, требовались не только действия командиров и мотивация воинов, но и героизм отдельных бойцов, увлекающих за собой своих товарищей собственным примером. Я. Ласицкий в своей истории о польском вторжении в Молдавию в 1572 г. упоминал «турка, более смелого, чем остальные, и, как оказалось, пользовавшегося у них большим уважением, ибо когда напал, там и другие большой толпой двинулись [за ним]». После того, как смелого турка убили из огнестрела, остальные бежали в лагерь [272, s. 21–22]. Мустафа Наима приписыва-

ет хану Мехмед-Гераю IV такие слова, сказанные будто бы во время военного совета перед сражением с казаками в 1629 г. Хан заявил, что из-за сильного огня противника бороться с ним трудно, необходимо атаковать, вручив себя Аллаху и закрыв глаза. Передовые всадники погибнут, однако последующие должны будут плотным строем ворваться в ряды противника и нанести ему поражение, и в последующей затем битве этот план сработал [152, с. 102]. В битве при Качанике в 1690 г. «погибли знаменитые крымские храбрецы и богатыри Челеби-оглу Мустафа-ага и Абдурахим Челеби. Мустафа-ага погиб, когда, презрев опасность, бросился в самую гущу вражеского огня, чем воодушевил аскеров, и это, в конечном счете, привело к победе татар» [214, с. 79]. В 1738 г. в битве у Ялныз-Агач натиск ханской кавалерии начался с действий группы в два десятка турок, первыми атаковавших русских, за ними последовали и остальные воины [130, с. 132]. При этом согласно сообщению Абдулгаффара Кырыми, скакавшие первыми бойцы погибли от огня, но остальные дошли до неприятеля, обратив его в бегство [6, с. 177].

В бой воины шли вперед, выкрикивая боевой клич (*ясак*). По сообщению польского посла в Москве С. Голиньского, в битве под Берестечком «саженной за 50 (т. е. около 100 м. – Прим. А. Ш.) татары начали кричать «ясаком», чтобы их криком напугать» [74, с. 254]. Согласно источникам, основным *ясаком* крымских войск было имя Аллаха. Он использовался столь часто, что в польском языке даже появился глагол «*hańakować*», то есть «выкрикивать имя Аллаха»: это слово использовалось поляками при описании атаки татар и турок. Как отмечал Л. А. Бобров, «отличительной особенностью боевых кличей крымских татар было то, что они обычно имели религиозный характер, в то время как сурены и ураны Восточного Дашт-и Кипчак представляли собой родовой пароль или девиз» [356, с. 339].

Татарский танец и лучный бой. Искусное обращение крымских татар с луком и стрелами отмечалось многими со-

временниками. Память о татарском искусстве лучной стрельбы сохранилась в украинском фольклоре [206, с. 383]. Успешное применение луков оказывало влияние на развитие военного дела в соседних странах. Так, неспособность польских конных арбалетчиков эффективно противостоять крымской коннице привела к исчезновению этого типа войск из польской армии, и к 1521 г. арбалеты в польской кавалерии были окончательно вытеснены луками [798, s. 46].

Ряд факторов влиял на результативность лучного боя. Стрелы были менее эффективны в столкновениях с закованным в доспехи противником. Османский летописец Силяхдар Мехмед-ага писал, что во время Венской кампании 1683 г. татары бились с австрийским всадником, носившим доспехи, которые они не могли пробить ни стрелами, ни саблями. Ханские воины вышли из затруднительной ситуации, принявшись хлестать противника плетью по лицу, свалили его с коня, после чего связали [259, s. 127]. Вместе с тем есть примеры, показывающие, что выпущенные татарами стрелы могли пробить кольчатые доспехи (панцири и мисюрки) [559, с. 112; 381, с. 65; 74, с. 291]. По словам автора «Виршованной хроники», в битве под Батогом в 1652 г. татары «из лука каленой стрелой, выпущенной сильно натянутой тетивой», пробивали польские панцири [74, с. 216].

Кроме того, влияли и атмосферные условия: встречный ветер весьма снижал действенность обстрела из луков. В одном из эпизодов Зборовской битвы крымские татары, по словам польского очевидца, «так сильно стреляли, что как колосья, так стрелы покрыли поле перед конями. Невозможно было бы выдержать этот натиск, если бы Господь Бог не дал бы на них встречного ветра. Тогда стрелы шли против ветра и не имели такой силы» [72, с. 376].

Анализ боев XV–XVI вв. показывает, какую важную роль играл лучный бой в крымскотатарской тактике. В битве под Солхатом в 1434 г. крымские всадники подскочили к авангарду растянутого на марше генуэзского войска (около 300 кав-

леристов) и засыпали его стрелами. Генуэзцы запаниковали и бросились бежать, внеся смятение в ряды основных сил. Ханская конница, продолжая обстрел и пользуясь паникой, возникшей в генуэзской армии («многие уже раненые, под дождем стрел, бросились в бегство» [571, с. 196]), с саблями рубила бегущих [460, с. 116–121; 522, с. 164–166; 571, с. 192–198].

Во время набега в 1458 г. польско-литовское войско атаковало татар, однако те «окружили их и со всех сторон тучи стрел выпустили» [244, с. 236], вследствие чего нападавшие были разбиты. В сражении с поляками и литовцами (в том числе надворной хоругвью короля Яна Ольбрахта) под Вишневецом 23 августа 1493 г. крымские воины также победили благодаря лучному бою [230, с. 894; 267, с. 1323; 799, с. 100]. Под Очаковым в 1529 г. татары окружили неприятеля, засыпая его стрелами, одержав победу [230, с. 1044; 59, с. 377].

Лучный бой активно использовался в оборонительных боях. В битве под Клецком в 1506 г. крымцы Фетих-Герая заняли оборону на берегу реки Лань и, «так как переправа через реку была очень неудобной, то они долго не могли сойтись, и больше трех часов бились с ними через реку» [216, с. 123]. Однако литовцы с успехом использовали свое технологическое преимущество – их немногочисленная ружейная пехота при поддержке 2 пушек сумела отогнать ханских всадников от речного берега. Литовское войско переправилось через реку, но крымские воины вновь подступили к неприятелю *татарским танцем* [736, с. 34–35]. Наступление литовских конников было остановлено. Ситуацию спасла вторая колонна литовской армии, нашедшая другую переправу и ударившая во фланг Фетих-Герая. Крымцы были разбиты и обращены в бегство [216, с. 123; 230, с. 931–932; 350, с. 43–49].

Оборонялись крымцы под Сокалем в 1519 г., занимая руины сожженного ими города. Вновь противников разделяла река, и вновь польско-литовская армия переправлялась двумя частями – поляки на виду у воинов калга-султана Бахадыр-Герая, литовцы же искали иной брод к северу от места пере-

правы своих союзников. Крымская конница действовала, засыпая противника стрелами на руинах сожженного города, а затем – сражаясь на поле за Сокалем, где она обошла фланги противника и нанесла ему тяжелое поражение [230, s. 1008–1009; 732, s. 459; 812, s. 999; 624, с. 87–91]. В числе захваченных трофеев были доспехи, знамена и трубы побежденных [140, с. 68; 414, с. 28]. Однако на протяжении XVI–XVII вв. значение лучного боя постепенно менялось. Увеличение масштаба битв и широкое распространение огнестрельного оружия делали лук все менее эффективным.

Источники дают возможность реконструировать татарский стрелковый бой. Подступая к вражескому строю, отряды поочередно налетали на противника, стреляли и отходили, уступая место другим отрядам, и повторяли так раз за разом [729, s. 110]. Согласно «Диариушу Зборовской экспедиции», дистанционный бой крымцев выглядел так: «Когда [Адилъ] мурза и сами [татары] должны выпустить стрелы с тетив, тогда сразу же другие татары освобождали место, а как только выстреливали, сразу же их [другие татары] заслоняли кучами, стреляя сами» [277, s. 191–192; 72, с. 376]. Отступая под натиском противника, крымцы продолжали поливать его ливнем стрел. По сообщению очевидца событий Я. Гридича, у реки Нары в 1610 г. на польско-литовский «лагерь напало несколько тысяч конных татар без запасных (лошадей), однако наши так скоро, как могли, сели на коней и, выскочив из лагеря, сразу выгнали татар, которые по своему привычному обычаю, уходя врассыпную, разили наших из луков» [144, с. 341–342]. В битве под Лопушной в 1512 г. 4 отряда первой линии крымского войска атаковали польско-литовские войска, засыпая их стрелами, отходили и нападали вновь [737, s. 224].

Подробно описал этот прием – *татарский танец* – С. Герберштейн: «Командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, путив стрелы, отъезжает; за ним – другой отряд, и таким образом один отряд за другим, пока первый снова не вернется вслед за последним». В не-

мецком издании «Московии» 1557 г. данный прием назван «tantz», на русский язык переведенный А. Н. Назаренко как «пляска» [60, с. 400–401].

По С. Немоевскому, *танец* являлся приемом татар и московитов [278, s. 182]. Тактика последних на поле боя была, по мнению Немоевского, подобна татарской: либо преследовали бегущих, либо, преследуемые, они стреляли из луков [278, s. 178]. Это говорит о заимствовании тактических приемов крымских татар (в том числе и *танца*) их соседями. М. Бельский также сравнивал действия татар с танцем, сообщая, что они подступают к врагу и отходят, стреляя из луков, и заходят с левого фланга [309, s. 330].

Возможно, польское выражение *татарский танец* позаимствовано из крымскотатарского языка: герой одноименной поэмы Джанмухаммеда Тугай-бей «танцевал», врываясь на поле боя [316, с. 111]. Из этого можно сделать вывод, что сами крымцы сравнивали свои действия в битве с танцем. В то же время в некоторых источниках слово «танцы» не обязательно обозначало некий прием. С. Сарницкий в своих «Гетманских книгах» упоминал *татарский танец* три раза. В одном случае он называет его построением: «Турки и татары конным танцем строятся, то есть, вытянув в длину построение, чтобы окружив неприятеля, дать каждому возможность достать до него» [298, s. 316]. В другом случае сообщает: «Когда казаки, татары танец свой начинают, такую тучу стрел вверх выпускают, что солнца не будет видно» [298, s. 223]. В третьем случае, указывая, что Цезарь использовал в Фарсальской битве засаду для отражения фланговой атаки Помпея, он добавляет: «Мы видим, как можно против татарского танца засаду устроить» [298, s. 329]. Использование засады дало Сарницкому повод называть Фарсальское сражение «примером татарской битвы».

Обход фланга и тыла. Польско-литовские источники XVI–XVII вв. сообщают, что крымские татары обходили левый фланг противника, так как это позволяло удобнее стре-

лять из лука [262, с. 72; 288, с. 117]. По словам Михалона Литвина, крымцы, «всегда первыми вступая в битву, стремятся захватить левый фланг войска противника с тем, чтобы сподручнее было обстреливать» [140, с. 66]. Однако мы полагаем, что это относится к боям небольшого масштаба, ибо в крупных битвах (которые, впрочем, были редкостью) более целесообразным было выбирать фланг для обхода, исходя из условий местности и состояния собственных и неприятельских сил.

Ханскими военачальниками часто практиковался обход с тыла. Под Зборовым, по словам польского очевидца, «татары на наших глазах, переправившись в другом месте, зашли нам в тыл, к ним присоединился Кантимир-мурза с белгородской ордой и, прогнав кн. Корецкого, в полдень ударил на войско, которое все уже стояло в строю, без какого-либо укрытия, кроме небольшого окопчика» [79, с. 284]. В 1656 г., под Варшавой, татары были отправлены в тыл шведско-бранденбургской армии. По замыслу польско-литовского командования они должны были ударом с тыла захватить шведский лагерь и после действовать на неприятельских коммуникациях [779, с. 160]. В 1659 г., во время Конотопской битвы, в то время как казаки гетмана И. Выговского пытались захватить переправу через реку Куколка, защищаемую царскими ратниками, ханская конница перешла реку в двух местах, к северу и к югу от переправы, и атаковала противника. «Орда же, примчав с тыла, так их смешала, что почти не стало порядка, они начали убежать, а мы на их плечах гнали их полторы мили до самого Конотопа, покрывая густым трупом поля», – писал И. Выговский [517, с. 67].

Крымская конница была способна осуществлять подобные маневры даже на местности, весьма трудной для передвижения кавалерии. В 1594 г., во время знаменитого марша Гази-Герая II через Карпаты, венгерский отряд под командованием К. Корниса вышел из Хуста, чтобы перекрыть хану дорогу. Корнис писал гетману великому коронному Я. Замойскому,

что «навалил деревьев в теснинах примерно в семи милях от того места, и что сам он вышел туда навстречу врагу, шедшему к Хусту». Однако крымские татары «с наивысшей смелостью и проворством быстро спустились с флангов через вершины гор и обошли его с тыла, так что большая часть была отрезана, и префект с немногими смог убежать с большим трудом» [70, с. 453]. Из 700 венгерских солдат погибло не менее 500 [747, s. 51–52].

Однако будет ли противник обойден или нет, во многом зависело от того, на чьих условиях дано сражение. Если крымцы атаковали уже готового и занявшего выгодную позицию неприятеля, возможности обойти его зачастую не было. Фронтальный же натиск в массе своей легковооруженных крымских татар не всегда был результативен. В качестве примера успешного навязывания противниками татар своего рисунка боя можно привести сражение под Мартыновым 1624 г. Бужакцы Кантемира осуществили набег на польские земли, но по возвращении были атакованы коронными войсками. Польское командование сумело дать бой на выгодной для себя позиции, выдвинув для боя конницу и пехоту (поставленную в вагенбурге) так, что татары не могли обойти их с флангов. Три фронтальные атаки ногайцев были отбиты, после чего поляки перешли в контрнаступление и обратили их в бегство [290, s. 218–229; 803, s. 124–132; 796, s. 114–116; 627, с. 31–46].

В решающий день боев под Берестечком, 30 июня 1651 г., крымская конница, действовавшая на левом крыле крымско-казацкой армии, не смогла одолеть противостоящие ей польские войска. Умело сочетая «вогненный бой» и кавалерийский натиск, поляки вытеснили крымское войско с поля битвы [565, с. 104–113; 815, s. 185–191]. Союзники, в предыдущих сражениях побеждавшие за счет окружения и охвата противника, на этот раз были разгромлены. Впрочем, быстрая крымская конница сумела своевременно покинуть поле боя, в то время как казацкий табор, не имея такой возможности, занял круговую оборону и был сокрушен после десятидневной осады.

Другим примером является битва под Устечком 1694 г.: поляки дали Шахбаз-Герая бой на местности, где татарская конница не имела достаточно места для маневра и не могла охватить фланги противника. Лишь после долгого и упорного боя поляки сумели одолеть ее [306, с. 42].

Неожиданное нападение. Крымцы прилагали значительные старания для того, чтобы застать противника врасплох. Внезапная атака на неготового к бою противника давала весьма значительные шансы на успех и была одним из наиболее распространенных тактических приемов в арсенале крымских военачальников. Ее успешное проведение давало возможность нивелировать численный и технологический перевес неприятеля. Нападали на лагерь преимущественно ночью, марширующую армию стремились поймать на выгодной для этого местности – на переправе, в тесном месте и т. д. Автор «Виршованной хроники» писал про крымских татар: «Они как волки, волчьей породы, поэтому любят волчьим способом оторвать, похитить, украсть, внезапно ударив по своему обычаю ночью, днем, в полдень, в полночь, особенно на рассвете» [75, с. 279]. Именно с помощью неожиданного нападения была одержана львиная доля побед крымского войска.

«Татары настигли [людей Арас-хана] как внезапная смерть: подобно тому, как зерна уносятся буйным ветром, так и их жизни были унесены внезапно налетевшим на них татарским войском» – так описывал стремительную атаку крымских войск на лагерь кызылбашей под Салуяном в 1578 г. османский летописец Ибрахим Рахимизаде [635, с. 127–128]. Другим примером успешного применения данной тактики является битва, произошедшая на берегу Куры в 1580 г. Гази-Герай, командуя крымскотатарскими силами в Ширване, со своим войском совершил быстрый бросок к Куре, перешел ее и атаковал численно превосходящее кызылбашское войско. Неприятель был охвачен паникой и, не сумев оказать организованного сопротивления, был разгромлен [676, с. 177; 476, с. 230–231; 636, с. 96].

В 1609 г., ввиду прохождения крымских войск через территорию Грузии, царь Картли Луарсаб II отправил «[князя] Иарали, чтобы перекрыть дороги и быстро сообщить царю, а сам царь прибыл в Цхирети. Выступивший для перекрытия дороги Иарали отдыхал, и на спящих напали татары и вместе с Иарали побили всех, так что никто не спасся» [48, с. 50].

В 1612 г., в битве у Сасова Рога, польское войско, в том числе 16 хоругвей гусар (2 тыс. воинов [753, s. 195; 824, s. 161]) обнаружили, что перед их подходом татары уже заняли окрестные горы. По словам П. Пясецкого, когда поляки «только начали строиться в боевой порядок, [то] не имели места для развертывания своих шеренг, неприятель ударил на них с фронта и обоих флангов так быстро, что даже сабель не успели вытащить, кроме того, занятием речного берега тыл их захватил и без боя, без резни всех повязал, за исключением немногих, пробившихся через плотные массы неприятеля, но и из тех одни в быстром течении рек утонули, другие после переправы полегли, изрубленные татарами» [285, s. 251–252]. При этом польское командование не успело развернуть пушки [233, s. 120], а пехота, уцелевшая в лагере после разгрома конницы, была истреблена после исчерпания запасов пороха и пуль. Заблаговременно занятые позиции, умелое ведение разведки, информация о маршруте противника – все это обеспечило татарам блестящую победу над мощными силами противника, включившими в себя пехотно-артиллерийские части, вагенбург и ударную кавалерию (гусар).

С успехом подобная тактика применялась во время кампании в Молдавии в 1616 г. Польский военачальник С. Корецкий, располагаясь с 2,5 тыс. воинов у Котнари, был внезапно атакован и потерпел полное поражение – из его отряда спаслось лишь 25 человек, а сам он был дважды ранен из лука [703, s. 136].

В 1621 г. крымскотатарский отряд внезапно налетел на собирающиеся у Пшемысля отряды местной шляхты. Крым-

ские воины ворвались в лагерь, но были отбиты подошедшими к противнику подкреплениями [719, с. 16–17].

В январе 1658 г., в то время когда валашские войска господаря Константина Щербана занимали Тырговиште, не ожидая подхода противника, «вдруг явилось около 800 татар, которые опередили главное войско, чтобы разведать о положении Константина. Они напали на валахов, которые при этом совершенно растерялись, и спатарь бежал со своим войском от татар, кои не переставали его преследовать до того места, где были шанцы господаря» [177, с. 76].

В 1662 г. под Крыловом 1 тыс. крымских всадников ночью атаковала Кременчугский казачий полк и солдатскую роту русской армии. Рота была истреблена, казаки также были разбиты и потеряли 2–3 орудия [334, с. 60–63].

В 1668 г. на Левобережную Украину вошла приглашенная гетманом И. Брюховецким крымская армия под командованием калга-султана Крым-Герая [121, с. 152–153]. Ее авангард у села Гайворон незаметно подобрался к расположению отряда князя А. Ромодановского. Последовавшее затем нападение было столь быстрым, что, по признанию русского участника боя, «орда рейтарам построиться не дала, сломала и наши начали назад отступать» [17, с. 94–95].

Для того чтобы застать неприятеля врасплох, крымцы не только выдвигались навстречу, но и организовывали засады на пути его продвижения. Примером удачной засады может служить бой в Сараджинском лесу в 1664 г. Крымцы Кан-Мамбета Ширина и польские отряды В. Лещинского и С. Маховского (3–4 тыс.), узнав о продвижении запорожско-калмыцкого отряда И. Серко (2,5 тыс. запорожцев и 300 калмыков), устроили на него засаду. Они выбрали место, откуда казакам было бы трудно отступить, кроме того, с их позиций прекрасно просматривалась переправа противника через речку Смолянку и его выдвижение к месту засады. Произшедший затем бой завершился разгромом Серко, брат и сын запорожского атамана попали в плен [426, с. 234]. Добывая непри-

ителя, польско-татарские войска в спешном строю провели успешный штурм укреплений, которые поспешно возводили отступившие в лес запорожцы [773, s. 161–162].

Способность татар к проведению внезапных эффективных атак не могла не иметь последствий психологического характера. Страх перед неожиданным появлением крымских татар был столь силен, что их противники нередко приходили в смятение и паниковали при одном только слухе о возможном нападении. После первого дня боев под Яссами в 1659 г. молдавские «сеймены и драбанты же не спали, а всю ночь стреляли, и не по одному, а по-немецки, без пользы тратя порох. Казалось им, что татары их атакуют, но на деле их никто не атаковал, что показывало их страх» [233, s. 246]. Грозная репутация противника, способного напасть когда угодно и откуда угодно, немало содействовала успехам крымских войск. Так, после того, как татары внезапной атакой разбили польский отряд под Новоселкой в 1688 г. (при этом было захвачено 18 знамен), боевой дух польской армии упал насколько, что доходило до ситуаций, когда коронная «конница бежала при одном лишь виде появлявшихся ордынцев» [837, s. 20–21].

Львиная доля побед крымскотатарской армии была одержана благодаря нападению на противника на марше, во время ночлега или же когда он еще не успел завершить развертывания войск на поле боя. Скорость передвижения и прекрасно поставленная тактическая разведка немало способствовали этому. Однако не стоит забывать, что военное искусство восточноевропейских армий XVI–XVII вв. развивалось в теснейшей связи друг с другом. Не только крымские татары с успехом применяли свои тактические приемы против врага. Марширующие татарские отряды – или чаще всего расположившиеся на ночлег – и сами могли стать жертвой.

Так было в битве под Ольшаницей (1527) [655, с. 56; 378, с. 212–213], в бою под Львовом (1620) [833, s. 40], под Бурштином (1629) [717, s. 459–486; 112, с. 101]. В октябре 1672 г.

Яну Собескому удалось в ряде боев – под Немировым, Комарным и Петранкой (Калушем) – разбить крымско-ногайские войска, атакуя их на стоянке или на марше [854, s. 19–39; 809, s. 365–371; 821, s. 183–194; 623, с. 156–164]. Один из известнейших польско-литовских борцов с татарами XVI в. барский староста Б. Претвич писал, что воевал с татарами, нападая по ночам на их *коши*, «ибо если бы по-другому делалось, тогда никаких услуг не мог бы оказать Вашей Королевской Милости, сам не вернулся бы и людей не привел» [207, с. 49]. Ряд крупнейших побед как крымских татар, так и над крымскими татарами был одержан при атаке на неготового противника.

Притворное бегство. Притворное бегство занимало важное место среди тактических приемов, используемых крымскими татарами. Его постоянное успешное применение стало визитной карточкой татарской конницы, настолько ассоциируясь с ней у современников, что это повлияло на языковые афоризмы соседних народов [851, s. 70–71]. Источники подчеркивали любовь крымских татар к притворному бегству и организации засад [232, с. 84].

Существовали две разновидности притворного бегства. В одном случае воины бегут, но затем разворачиваются и атакуют противника. В другом случае они увлекают врага в засаду, под удар свежих сил. Исходя из собранного нами материала, полагаем, что чаще использовался второй вариант. В большинстве случаев он проводился следующим образом. Главные силы занимали позиции в местах, затрудняющих визуальное обнаружение (лесу, болоте, лощине), где и ожидали прибытия неприятеля. К расположению вражеских войск высылался небольшой отряд, который должен был дать засечь себя, после чего стремительно уходил по направлению к засаде, которая, уловив подходящий момент, покидала укрытие и набрасывалась на ошеломленного неприятеля.

В некоторых случаях источники прямо сообщают, что увлекающие врага в ловушку воины не вступают с ним в боевой контакт, ограничиваясь лишь демонстрацией своего при-

сутствия. Так, в 1628 г. Кантемир под Бабадагом выступил навстречу калга-султану Шахин-Герая: «приблизился и, как бы приписывая подобную встречу случайности, повернул назад, бросившись бежать. Шяингирай подумал, что тот бежит со страху, и помчался за ним во весь опор, но, доскакав до некоего леса, наткнулся на засаду, устроенную Кандемиром, и тут подвергся нападению. Видя себя в самом очаге измены, Шяингирай ускакал обратно с 3-мя своими всадниками» [157, с. 109].

В 1684 г. татары заманили в засаду силы правобережного гетмана А. Могилы. Несколько десятков татарских всадников, появившись на виду у противника, обратились в бегство. Преследующие их казаки попали в ловушку и были разбиты, потеряв 7 знамен, 100 убитыми и 200 пленными [840, с. 218].

29 августа 1677 г. под Чигирином «полковник Косагов примерно с сотней конницы и компанщиками выехал на схватку с неприятелем. Оставив большинство людей, [разделенных] на два отряда, в засаде, они попытались завлечь [врага] под удар, но татары, тоже имевшие сильный отряд с другой стороны кустарника, сделали ту же попытку. После двух часов легких стычек и множества ложных отходов обеих сторон, с малым успехом и без видимых потерь, татары отошли — сперва к своим дозорам на возвышенность, а затем к Чигирину. Русские не осмелились их преследовать, опасаясь западни» [63, с. 17]. То, что за 2 часа стычек дело обошлось «без видимых потерь», убедительно показывает, что речь шла об отступлении без контактного боя.

Один из наиболее известных примеров использования подобной тактики имел место во время Конотопской битвы 28 июня 1659 г., когда русский военачальник «князь Семен Пожарский — горячая голова — выступил с прочими и с лучшей кавалерией и преследовал татар через гать или болото. Хан, незаметно стоявший с войском в долине, вдруг вырвался оттуда тремя огромными, как тучи, массами и, будучи слишком

проворен для русских, окружил и одолел их, так что спаслись немногие» [63, с. 34].

Проведение соответствующей операции без столкновения имело свои преимущества, в то время как непосредственное соприкосновение с противником грозило серьезными неприятностями. Во-первых, повышался риск взятия им пленных, которые могли поведать, что впереди расположена засада. Во-вторых, отряд, вступивший в настоящий бой, мог завязнуть в нем и быть разгромлен, паникующие же воины способны бежать куда угодно, а не только по направлению к своим товарищам. В-третьих, чтобы выйти из рукопашной схватки и оторваться от неприятеля, всадникам «приманки» необходимо было, повернувшись, двигаться на минимальной дистанции от него на протяжении сотен метров или даже нескольких километров. Например, под Конотопом крымские татары и наемники И. Выговского отступали перед русской кавалерией 7 км [333, с. 231]. Под Батогом 1 июня 1652 г. три полка польской конницы прошли 4 км, преследуя ногайцев, после чего попали в засаду [734, s. 128; 701, s. 24]. Скорость передвижения воинов в последних шеренгах «приманки» была ограничена скоростью всадников, скачущих перед ними, в то время как передовые кавалеристы неприятеля ограничивались лишь скоростью своих коней. В таких условиях завязнуть в бою и после отступать целые километры под непрерывным вражеским давлением было чревато напрасными и значительными потерями.

Впрочем, изображать бегство можно было и после совершения некоторых активных действий, например, угона коней с пастбищ или захвата пленников. В 1695 г. азовский бей с 400 человек подступил к Черкасску. Разместив большую часть своего отряда в «ближних местах», он отправил 30 всадников к городку. Схватив одного донского казака, татары начали уходить. Донцы, увидев происходящее и решив, что имеют дело с малым числом врагов, отправились в погоню и угодили в засаду [221, с. 580].

Следует дать ответ на вопрос, почему, несмотря на столь долгое употребление данного тактического приема, он продолжал с успехом использоваться на протяжении почти всей истории Крымского ханства. Полагаем, что дело заключается в небольшом масштабе подавляющего большинства боев столкновений в восточноевропейских войнах XV–XVIII вв. Командир, обнаруживший перед своими позициями немногочисленных противников, счел бы, что это, вероятнее всего, обычный отряд. В реалиях эпохи театр боевых действий в той или иной кампании был буквально усеян мелкими группами (как правило, конными), среди которых изредка встречались большие армии. Например, за время Жванецкой кампании осенью 1653 г. польское командование разослало более сотни подъездов (небольших частей, используемых для разведки и малой войны) [701, с. 278]. Лишь в единичных случаях небольшой отряд оказывался приманкой, а не очередным подъездом. Поэтому даже поседевшие в сражениях полководцы соблазнялись возможностью разбить изолированные группы неприятеля и взять языка (допросы пленных были одним из важнейших источников информации о силах и планах противника), отдавая себе отчет в том, что риск попасть в засаду есть, но он незначителен. И действительно, пояснение, что погоня была организована, ибо не было страха наткнуться на крупные силы неприятеля, периодически встречается в источниках. Например, в первой фазе Конотопской битвы русские ратники из корпуса С. Пожарского, «переправу перешед, на татар и на немец ударили смело без опасу, потому что тут объявились люди не само большие, а больших не начаялись, и хотели тех людей снести» [333, с. 228].

Притворное бегство также применялось в сочетании с другими тактическими приемами. Одним из вариантов действий в случае неудачи прямой атаки являлось обращение в бегство. Так, в боях под Корсунем 25 мая 1648 г. крымские татары, не сумев сломить сопротивление польских войск, бросились бежать, желая подманить неприятеля под огонь распо-

ложенных в засадах казаков. Но это не сработало: польский командующий М. Потоцкий запретил коннице преследовать ханских воинов, дабы избежать вероятной ловушки [694, р. 151, 154]. Другим примером подобных действий является бой у Кудринцев 3–4 декабря 1653 г., являвшийся крупнейшим столкновением Жванецкой кампании 1653 г. После боя с неопределенным результатом татары сымитировали отступление и убедили поляков в отсутствии угрозы, установив за ними наблюдение. Польские воины беспечно шли назад, к главному лагерю, отдельными группами или поодиночке. Ханские всадники бросились на противника и нанесли ему поражение [701, s. 254–256].

Если крымские татары считали, что не могут самостоятельно одолеть противника, они отступали по направлению к более крупным силам (то есть прием использовался импровизированно, а не планировался заранее). Так, в 1533 г. во время набега Ислам-Герая и Сафа-Герая на Рязанщину один из московских воевод, князь И. Овчина-Оболенский, погнал небольшой крымскотатарский отряд, который вывел преследователей на более крупные силы крымцев, после чего отряд воеводы был разбит [543, с. 564].

Вероятно, одним из самых опасных способов осуществления притворного бегства была имитация наступления на оборонительные позиции врага. Риск заключался в том, что всадникам следовало подскочить к врагу, после чего тот получал возможность открыть огонь. Затем (иногда под градом пуль) татары обращались в бегство, что в некоторых случаях провоцировало неприятеля покинуть укрепления и броситься в погоню. Смысл подобных действий заключался в том, что прямой штурм укреплений (окопов, валов, востов) стоил бы значительных потерь, в то время как покинувший их неприятель был более уязвим. Незначительность потерь, наносимых огнестрельным оружием в военных конфликтах XVI–XVII вв., позволяла решаться на это, и успех в случае удачного исполнения маневра окупал себя. Но следует ого-

вориться, что не всегда понятно, применялось ли притворное бегство спонтанно (отряд отступает под огнем, но в удобный момент наступает на врага) или же это было продумано заблаговременно.

Согласно П. Гордону, 8 сентября 1695 г. под Азовом казаки, «отбив магометан однажды и второй раз, безрассудно преследовали их все далее до ровных полей. Татары, отступая с умыслом и заманив тех довольно далеко, обратились на них с невероятным проворством, многих нагнали на равнине, многих захватили и перебили, прочих загнали в болото и, оставаясь там около получаса беспрепятственно, убивали и захватывали иных на болоте. И так они сами отошли не без потерь, оставив нескольких мертвецов. Из казаков здесь были убиты около 100 и около 30 схвачены» [65, с. 395].

Под Межировым в 1612 г. татары столкнулись с линией польских воевод, но сумели выманить противника из-за них: «отводил их в поле подальше от воевод, а потом, развернувшись, бросился на хлопов и множество их изрубил, на месте несколько десятков убитых осталось» [855, s. 17].

В битве под Любаром в 1660 г. крымские татары атаковали казацкие укрепления, но были отбиты огнем. «На поле перед валами остались раненые и убитые кони и один контуженый татарин, которого сбросил и придавил своим весом конь. Видя это, группа казаков вышла из-за валов, чтобы взять раненого в плен. Тут произошло то, что впечатлило всех, и могло решить исход не только боя, но и всей кампании. Внезапно бегущая в беспорядке масса татарской конницы молниеносно развернулась и с большой силой атаковала настигнутого врасплох противника. Татары изрубили саблями казаков, проскочили ров, захватили валы и ворвались в лагерь», – писал польский историк Р. Романьский [816, p. 61].

Крымцы столь часто и успешно практиковали притворное бегство, что нередко неприятель, видя бегство крымских татар, полагал, что это ловушка, и отказывался от преследования. Ведь в отличие от регулярной кавалерии ханские всад-

ники бились в рассыпном строю. Следовательно, противник, обнаружив отступление нестройной массы конницы, не мог сказать наверняка, паникует ли она на самом деле или убегает лишь притворно [347, с. 79]. Обвиняя польского командующего К. Лужецкого в поражении под Ладижином в 1672 г., В. Коховский писал, что тот не понимал: в битвах с татарами нужно не гнаться за врагом, а сохранить своих людей [265, s. 255].

Сходство тактических приемов крымских татар и их врагов приводило к ситуациям, когда притворное бегство применяли против самих татар. Так, под Купчинцами в 1667 г. польский конный отряд подобрался к силам Шахин-Герая и на рассвете внезапно атаковал их. К татарам подошли подкрепления. Польская конница отступила к Купчинцам и подманила врага под огонь городской артиллерии. Отступая, те наткнулись на заблаговременно расположенную засаду драгун и понесли значительный урон [771, s. 86].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что притворное бегство, бывшее визитной карточкой степняков, с успехом использовалось крымскими татарами и их соседями на протяжении XV–XVII вв. Высокая эффективность этой тактики позволила одержать ряд серьезных побед над армиями противников Крымского ханства.

Рукопашный бой. Вопреки встречающемуся мнению, атаки с использованием холодного оружия широко практиковались крымскими татарами. Анонимный польский автор, подробно описывая тактические особенности противостояния союзным татарско-казацким войскам, писал в 1651 г., что татарская кавалерия «равна саблей, но неравна огнем» польской коннице [286, s. 82]. Однако татарский способ ведения ближнего боя имел свою специфику. Если европейская конница наступала на противника плотными шеренгами, то крымцы бились преимущественно в рассыпном строю. «Они бьются нестройными рядами, на подобие воронов вразыпную налетают с разных сторон и в разные стороны разлетаются», – считал Ю. Крижанич

[347, с. 79]. Налетая на противника, крымские воины попеременно пускали в ход клинковое (сабли) и древковое (копья) оружие, атаковали и тут же уходили, т. е. действовали так же, как и во время гарцев, хотя и в более плотном строю [699, с. 6]. Источники подчеркивают, что крымский ближний бой включал в себя активную стрельбу из луков [356, с. 275–277]. В битве под Львовом в 1695 г. атака воинов Шахбаз-Герая на польские войска представляла собой целую серию отдельных стычек и боев, где татары нападали на противника, то обстреливая из луков, то бросаясь на него с саблями и копьями, хотя преобладали бои с использованием холодного оружия [772, с. 163].

Активная фаза рукопашного боя была, скорее всего, непродолжительной (затянувшиеся рукопашные схватки были исключением) и в большинстве случаев длилась вряд ли дольше нескольких минут. Либо атакующим удавалось опрокинуть противника, либо, в случае неудачи, они отходили, чтобы подготовиться к новой атаке или отступить. Татары столь часто практиковали сабельные атаки, что в 1621 г. на сейме в Варшаве было выдвинуто следующее предложение: «чтобы каждый казак имел карабин и пару пистолетов, а гусар пистолет, дабы тем огнем были страшны неприятелю и отучить их бросаться с саблями так самонадеянно на наших, как они до сих пор делали» [853, с. 468]. В битве под Корсунем в 1648 г. оба польских командующих (М. Потоцкий и М. Калиновский) были ранены татарскими саблями и взяты в плен [783, с. 52].

В некоторых случаях крымские воины атаковали одними лишь саблями. Так было в битвах под Перекопом (1548) [531, с. 406–407], Цецорой (1595) [254, с. 241], Топраком (1629) [89, с. 342], Батогом (1652) [701, с. 30], Фастовом (1695) [31, с. 269].

Отказ от рукопашного боя в виде фронтального натиска плотной колонной имел свои преимущества. Вес коней играл большую роль в кавалерийской сшибке, а татарские лошади

по большей части были малорослы [475, с. 167–168]. Кони же крупных пород (аргамаки) были слишком дороги и немногочисленны, чтобы владельцы таких коней могли позволить себе большие потери среди них. К примеру, Никоновская летопись сообщает, что в 1555 г. русские захватили в ханском лагере 60 тыс. коней и 200 аргамаков, то есть последних было лишь 0,3% от общего конского состава [165, с. 257] (хотя данные о числе захваченных коней скорее всего завышены).

Описывая тактические действия крымских татар стоит отметить, что далеко не всегда им удавалось дать битву на своих условиях. Во время марша домой с ясырем приходилось считаться с тем, что в любой момент может напасть противник. Во время ночевок, переправ через реки, продвижения через неудобные для маневренного боя места польские, литовские и молдавские войска не раз нападали на крымцев. Неприятель часто атаковал в «тесных местах», где не могла развернуться ханская конница.

Под Лопушной в 1512 г. бой происходил на местности, ограниченной с обеих сторон лесом, что не дало крымским татарам обойти противника с флангов. Тогда они решили разъединить неприятельские войска, ударив между польскими и волынскими контингентами. Поначалу атака была успешной. Анонимный автор писал: «А татары на литву так насели, что слабейшие от страха убежать хотели» [205, с. 68], но на вырубку к волынянам подоспели поляки. Обе стороны бросали в бой все новые и новые подкрепления. Бой шел с переменным успехом, пока одна из польских хоругвей не сумела прорваться к *кошу* с ясырем. Освобожденные пленные вступили в бой и атаковали татар с тыла, что привело к победе союзников [230, s. 964–965; 737, s. 224–226; 626, с. 63–68]. Весьма симптоматично, что несмотря на то крымская конница вклинилась в боевые порядки противника, она по-прежнему билась преимущественно луком и стрелами. Й. Деций писал, что в этой битве «с польско-литовской стороны погибла едва ли сотня воинов, многие получили раны от стрел» [626, с. 68].

Применяемые крымскими татарами тактические приемы, часто считаемые друг с другом, делали войско Крымского ханства опасным противником для любой армии, с которой приходилось сталкиваться коннице Гераев. Лишь с конца XVII в., ввиду развития тактики и вооружения в европейских странах, тактическая эффективность крымской конницы существенно снизилась.

Изменение тактических действий в XVI–XVIII вв.

С. Герберштейн писал, что татары делают ставку на лучный бой, избегая рукопашной схватки [60, с. 401]. И действительно, как демонстрируют вышеприведенные примеры, к началу XVI в. подобные действия крымских татар на поле боя были широко распространенными. Однако, как ни были справедливы слова Герберштейна применительно к XV – первой трети XVI вв., впоследствии крымская тактика претерпела определенные изменения.

Практически все победы крымцев в XV – первой трети XVI вв. были обеспечены в первую очередь лучным боем. В битвах более позднего времени мы видим, что крымские воины часто дополняли стрельбу из луков сабельным боем. Крупные победы, одержанные лишь лучным боем, ушли в прошлое. Источники, повествующие о сражениях XV – начале XVI вв., постоянно подчеркивали, что основные потери противники крымских татар несли от стрел. Впоследствии к стрелам часто добавлялись сабли. В битве под Конотопом «Борис Семенов сын Толстой по правой щеке и по носу посечен саблею да по правой руке ниже локтя прострелен из лука»; Андрей Денисов сын Фефилатьев «ранен из лука в правую ногу»; Борис Михайлов сын Бибииков ранен «саблею по голове да у правой руки середний перст пересечен»; Михайло Степанов сын Голенищев Кутузов «сечен саблей по обоим щекам, да по левому плечу, да по левой руке» [332, с. 22]. В полках А. Н Трубецкого и Ф. Ф. Куракина в битве под Конотопом 28 июня 1659 г. воины получили 277 ран от стрел, 321 – от сабли и 1 ранение – от маслака. В битве под

Львовом в 1695 г. польские раны получили раны как от сабель и копий, так и от стрел [772, с. 163].

Новым этапом развития тактики крымских татар стал XVIII в. В это время изменения в тактике и вооружении (например, введение в европейских армиях штыка) окончательно сделали открытое столкновение с хорошо вооруженной, огнестрельной армией малоперспективным, поэтому ставку все чаще приходилось делать на малую войну, то есть на истощение сил противника посредством блокады и нападения на отдельные его отряды. В 30-е гг. XVIII в. ввиду причин стратегического характера крымские войска часто втягивались в открытое столкновение с регулярной армией Российской империи на территории Северного Кавказа и Крымского ханства.

Одним из первых серьезных сражений новой эпохи стала битва на реке Сунжа в 1733 г., в которой крымские воины бросились на русских с саблями и теснили их. О накале битвы можно судить по тому, что генерал-поручик «Еропкин очутился посреди рукопашной свалки – ему разрубили лицо» [556, с. 43]. От поражения царских солдат спас интенсивный артиллерийский огонь, вынудивший ханских всадников бежать с поля боя [365, с. 119–120].

Русско-турецкая война 1735–1739 гг. ознаменовалась целой серией крупномасштабных сражений между русскими и крымскими войсками. Ханство более не могло защищаться, рассчитывая на логистические трудности, испытываемые противником, хотя первый в этой войне поход на Крым генерала М. Леонтьева в 1735 г. был неудачен [319, с. 25–26]. Новое наступление российской армии в 1736 г. вынуждало Гераев поневоле вступать с ней в полевые сражения. Дважды – в Черной долине и под Бахчисараем татары дали битву врагу, не желая сдавать подступы к полуострову и столицу ханства без боя.

В битве в Черной долине (8 мая 1736 г.) крымские военачальники сделали ставку на рукопашный бой, однако драгунам удалось отбить ряд атак огнем, что вынудило крымцев остановиться на лучном обстреле с дистанции в сотню шагов.

Эта тактика оказалась неэффективной – небольшой русский отряд уверенно продержался несколько часов до подхода подкреплений. Ханская конница была вынуждена отступить, хотя стоявшие на левом фланге левобережные казаки почти все бежали при первом натиске [134, с. 74; 335, с. 246–247; 673, с. 28; 558, с. 95].

Данное сражение имело серьезные моральные последствия. Уже несколько десятилетий крымская армия во главе с самим ханом не сталкивалась с русским войском в большой полевой битве. Выяснилось, что стойкость реформированных Петром I войск позволяет без поддержки артиллерии, полевых укреплений и конницы выстоять на равнинной местности против многочисленной кавалерии противника. Сражение произвело большое впечатление на обе стороны, серьезно повлияв на боевой дух и уверенность в своих силах [46, с. 26; 39, с. 56; 134, с. 74; 91, с. 59–60].

После неудачной битве в Черной долине крымские татары продолжали вести малую войну против русской армии, однако 17 июня были вынуждены дать бой перед Бахчисараем, не желая сдавать столицу без сопротивления. Крымско-турецкие войска стремилась навязать неприятелю сабельный бой. Авангард русской армии, в коем находились казаки, был отброшен яростной атакой. Был вынужден отступить Владимирский пехотный полк, потерявший одно полковое орудие. Три орудия было отнято у казаков. И вновь ханские войска не выдержали постоянного огня и отступили [335, с. 269–270; 91, с. 73–74].

В 1737 и 1738 гг. русская армия также вторгалась на территорию Крыма. В боях за Карасубазар в 1737 г. она принудила крымско-турецкие войска к отступлению благодаря огневому превосходству [335, с. 432]. 26 июля 1737 г. крымцы, пользуясь тем, что казаки действовали отдельно от регулярной армии, напали на них. Казацкая артиллерия не сумела удержать натиск крымских татар, ворвавшихся в табор и отступивших лишь после ожесточенного рукопашного боя [558, с. 97].

Единственным крупным сражением кампании 1738 г. была Ялныз-Агачская битва. Крымско-турецкая конница атаковала и смяла украинских казаков, опрокинула Азовский драгунский полк, теснила еще четыре драгунских полка и донцев, поспешивших на помощь казакам и азовским драгунам. Сопровождавший русскую армию врач И. Я. Лерхе писал, что стрельба практически не велась, крымские татары и турки вели бой саблями и пиками [130, с. 134]. Лишь прибытие вражеской пехоты вынудило всадников хана Менгли-Герая II отступить. Генералу Шпигелю в вихре боя разрубили саблей лицо [335, с. 551].

Подводя итоги крупных битв русско-турецкой войны 1735–1739 гг., отметим, что лишь в одном случае (Черная долина) крымцы действительно занялись продолжительным обстрелом неприятеля из луков, но сделали это по причине того, что первоначально предпринятая ими сабельная атака была отбита огнем. Во всех остальных масштабных сражениях крымские татары стремились к рукопашной схватке. Это соответствовало европейским тенденциям, связанным с угасанием роли кавалерийского стрелкового боя, терявшего свое значение из-за развития пехотной тактики и огнестрельного оружия. Ханским воинам нередко удавалось добиваться успехов в боях с иррегулярными силами врага (казаками) и кавалерией, однако одолеть пехоту они не могли.

В период между 1739 и 1768 гг. огнестрельное оружие стало еще более распространенным в Крымском ханстве. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и позднее, во время правления Шахин-Герая, источниками отмечается важная роль огнестрельного оружия в крымском военном деле и, напротив, почти полное исчезновение (с начала 70-х гг.) массивованного лучного боя. Битвы в период между 1769 и 1771 гг. имели между собой много общего: татарская конница, несмотря на периодически успешные атаки на легкие войска противника (гусар и казаков), вновь оказывалась неспособной одолеть регулярные русские войска.

Так было в битвах под Хотином (1769) [545, с. 215–216], Рябой Могилой (1770) [546, с. 102–104], Ларгой (1770) [546, с. 110–121], Перекопом (1771) [96, с. 401–402], Кефе (1771) [547, с. 188–189]. Российская кавалерия в 70-е гг. также успешно противостояла крымским татарам, хотя в некоторых случаях, отдаляясь от пехоты, она бывала ими опрокидываема [507, с. 142].

В Крымской кампании 1771 г. крымские татары атаковали отряд генерала М. Берга (2,5 тыс.), спешившего на соединение с основными силами армии В. Долгорукова. Участник этих боев с русской стороны Г. фон Штрандман вспоминал: «Только что мы двинулись далее, татары атаковали нас со всех сторон. Издали видны были три большие отряда, пред одним из них, которым командовал хан, развевалось большое знамя красного и белого цветов. Не было другого средства противодействовать этому рою, который, как пчелы, кружились около нас и постоянно безостановочно стреляли по нашему фронту из ружей и пистолетов; когда приходилось останавливаться, тогда они подходили так близко, что приходилось их отгонять картечью» [220, с. 62]. Но эти атаки не помешали Бергу соединиться с В. М. Долгоруковым. Если верить Штрандману, за 2 дня боев, 29–30 июня 1771 г., солдаты Берга потеряли от огня лишь 7 убитыми и 21 ранеными.

Опыт 70-х гг. XVIII в., когда крымские всадники активно использовали огнестрельное оружие, показывает, что жалобы османских источников на его нехватку как причину поражения в 1736 г. [593, с. 58] являются необоснованными. Когда его стало больше, на ход боев это все равно принципиально не повлияло.

Хотя в целом алгоритм тактических действий татар оставался прежним (сочетание прямых атак и малой войны), детали менялись. Согласно источникам, во время восстаний 70-х гг. многочисленная (по крымским меркам) пехота действует в рассыпном строю, используя ружейный огонь для изматывания неприятеля. Приведем пример из истории одного из боев

на территории полуострова в июле 1774 г.: «И как вдруг наступила конница, то он, Есипов, произведя по ней выстрелы, построясь в каре, был при лесах татарскою пехотою атакован, но, не устрасясь оной, бросился напролом её. Причем он, подпорутчик Есипов, ранен в левую ногу пулею и 3 человека егерей. И таким образом, пробившись сквозь пехоту, пошел в лес, продолжая свою ретираду. И хотя татарские конница и пехота вслед за ним более 10 верст по горам и кустам следовала с продолжением оружейного огня, однако уже ему никакого вреда не причинила» [96, с. 606].

Продолжали практиковаться сабельные атаки. А. А. Прозоровский писал о том, как 24 июля 1774 г. отряд полковника Ступишина подвергся нападению крымских ополченцев: «Татары с превеличайшим криком бросились во все фасы его каре с такою жестокостию, что до самого фронта доскакивали» [96, с. 601]. 23 июля того же года 200 крымцев перехватили отряд из 500 конных запорожцев, продвигавшихся вдоль Сиваша к Арабату, и обратили его в бегство. В этом бою татары вновь рубили врага саблями: «некоторых так сильно ранили, что кому-то руку отрубили, кому-то плечо» [674, с. 168].

Во время первого восстания против Шахин-Герая в 1777–1778 гг. тактика крымских татар включала в себя два элемента: огневой бой и атаки холодным оружием. О значении огня писал современник событий рабби Азария: «Скоро татары почувствовали недостаток в порохе; тогда приказано было отнимать у всякого, кто имел порох или свинец, греки и армяне принуждены были отдать все находящееся у них огнестрельное оружие, прислано было и к нам за порохом, в чем наши купцы не отказали» [212, с. 107].

Повстанцы и в этом восстании несколько раз пытались атаковать русские войска в рукопашном бою. А. А. Прозоровский писал П. А. Румянцеву об атаке крымских татар в битве у Салгирского ретрашемента 17 октября 1777 г.: «Они, не выстреля ни однажды, вдруг всеми толпами бросились с такою фуриєю, что как я, так и прочие бывшие тут, сиятельнойший

граф, никогда еще не видали, чтобы какая-нибудь конница так горячо и сильно атаковать могла», добавляя, что «нападение татар по их известному худому вооружению так нагло и стремительно на отборные наши легкие войска сделанное, для меня непостижимо» [84, с. 812–815]. Крымские воины под огнем противника доскакали до самих пехотных каре, где дошло до рукопашной. Командиры обоих гусарских полков, принимавших участие в бою, были ранены татарскими саблями. Но и такие яростные нападения были безуспешны ввиду подавляющего огневого превосходства врага.

Борясь с регулярными войсками, часто оборонявшимися в укреплениях, крымские ополченцы во время восстания 1777–1778 гг. проявляли настойчивость и изобретательность, прибегая к земляным работам для облегчения штурма, как это было, к примеру, в бою у села Арамкой (20–26 октября 1777 г.). Нападения на изолированные подразделения врага в некоторых случаях были способны причинить ему значительный урон. Так, в конце октября 1777 г. отряд генерал-майора В. фон Райзера, отступая от Гезлева к Перекопу, подвергался сильному натиску крымцев. «Трое суток (22, 23, 24 октября) пеший отряд фон Райзера двигался по степной дороге на север. Конные татары атаковали его непрерывно, со всех сторон, и днем, и ночью; в двух пехотных полках к концу изнурительного перехода осталось не более 500 человек, бредущих все эти дни без воды и продовольствия» [413, с. 220–221]. От уничтожения остатки обоих полков спасло прибытие Таганрогского драгунского полка из Перекопа.

Тактика крымских татар конца XVIII в. представляла собой комбинацию действий ружейной пехоты, действующей в рассыпном строю (в том числе в горно-лесистой местности), и кавалерии, сочетающей атаки холодным и огнестрельным оружием. Ликвидация крымскотатарской государственности в 1783 г. оборвала динамически развивающуюся историю тактики крымцев, в последние годы существования ханства серьезно отошедшей от традиционного военного искусства

прежних веков. Отличительной чертой боевых действий на территории Крыма в последние годы ханства стало изменение соотношения численности родов войск (в пользу пехоты) и общее ухудшение качества татарского вооружения. Всеобщий призыв во время обороны родной земли резко снизил уровень обеспеченности качественным оружием. По мнению А. А. Прозоровского, в январе 1777 г. «в числе-же тысячи татар доброконных и хорошо вооруженных не более найтиться может, как пятьдесят, прочие-жь затем не достойны никакого примечания, как в вооружении, так и в лошадях» [84, с. 274]. Он также писал: «Как бы великое число посадить русских мужиков на лошадей, так бы сие представляло татарское войско» [96, с. 27]. Потери крестьян и горожан, вынужденных братья за оружие, были значительно выше потерь противостоящей им профессиональной армии. Тем не менее, крымцы сражались отчаянно и самоотверженно, хотя, несмотря на большой урон с обеих сторон, они так и не сумели изгнать с территории полуострова российские войска.

Продолжительное использование луков крымскими татарами не должно удивлять. История крымскотатарского войска наглядно показывает, что быстрая, опытная, искусно руководимая конница была способна противостоять неприятельской кавалерии, даже имея луки против огнестрельного оружия. Несмотря на технологический перевес, польско-литовская и русская конница предпочитала в масштабных битвах противостоять «лучно-сабельным» татарам, опираясь на полевые укрепления и поддержку пехоты. Не стоит удивляться на первый взгляд парадоксальному факту: в эпоху, когда татары больше использовали луки, они достигали серьезных успехов на поле боя, чем больше их войска насыщались огнестрельным оружием, тем ниже становилась их эффективность на поле боя. В XVII в. крымские татары, несмотря на массовое использование луков, используя благоприятные обстоятельства, могли уничтожать целые полки вооруженного огнестрельным оружием противника. В конце XVIII в. крым-

цы, хотя и сами перешли на ружья и пистолеты, не смогли истребить целиком ни одного русского батальона. Это, однако, легко объяснимо. В бою конных масс различие в вооружении имело не столь принципиальное значение, как в бою конницы против пехоты. Кавалерия, будь то лучники или рейтары, уступала в огневой мощи пехотинцам⁴. На развитие военного дела куда больше повлияли усиление роли пехоты в XVII–XVIII вв. и боевой дух армий. Таким образом, долговременное сохранение луков и стрел на вооружении крымских воинов вряд ли можно считать фактором, сколько-нибудь существенно повлиявшим на жизнеспособность Крымского ханства.

К тому же кавалерийское огнестрельное оружие существенно уступало пехотным аналогам в эффективности. Так, во французской армии начала XIX в. дистанция прицельного выстрела из кавалерийского мушкетона составляла до 125 м – в два с половиной раза меньше, чем из ружья. Еще менее внушающими были соответствующие показатели пистолета. Если пехотное ружье давало одну осечку на 6–12 выстрелов, то пистолет давал 50% осечки при стрельбе во время рыси и 75% – в галопе [599, с. 148, 158–160]. Поэтому европейская кавалерия не стремилась превзойти плотно построенную пехоту во время перестрелки. Не удавалось это и крымским татарам, хотя, осознавая малую эффективность лука, они в 70-е гг. XVIII в. перешли в основном на ружья и пистолеты. Но и это не решило положительно проблему противостояния неприятельской пехоте.

Европейские военачальники XVIII–XIX вв. сочетали кавалерийский натиск с пехотными атаками, «обработкой» вражеских позиций огнем стрелков и артиллерии. Даже при таких обстоятельствах многочисленные атаки регулярной конницы (в том числе кирасир) нередко отбивались развернутой для боя пехотой. Значение конных атак постепенно шло на убыль. Крымская конница, не имеющая сколько-нибудь значимой огневой поддержки, вынужденная атаковать плотные

⁴ Благодарим О. В. Комарова за консультации по данному вопросу.

каре готового к бою противника (иногда опирающегося на земляные укрепления, как в битве под Хотинем в 1769 г.), не могла добиться победы во фронтальном бою. Ее уделом оставались действия против мелких, изолированных непри- тельских частей и стратегия измора.

Приблизительно в одно и то же время произошел ряд военных конфликтов, показавших, сколь огромным было превосходство регулярной армии европейского образца над импровизированными, пусть и мотивированными, войсками. В Российской империи Е. Пугачев в 1773–1775 гг. поднял народные массы на борьбу с царским режимом. В Речи Посполитой Барская конфедерация в 1768–1772 гг. пыталась вооруженным путем противостоять российскому вмешательству во внутреннюю политику страны. В Крымском ханстве в 1771–1782 гг. бравшееся за оружие население неоднократно вступало в бои с российскими войсками. Все эти движения были подавлены и мы полагаем, что, учитывая широкий контекст военной истории, было бы ошибочно утверждать, что «покоренье Крыма» – это следствие нежелания крымских татар сохранять свою государственность, как это утверждают некоторые современные авторы.

Лучный бой к 70-м гг. XVIII в. утратил прежнее значение. Продолжительная стрельба из луков использовалась преимущественно в мелких стычках или в тех случаях, когда успешная атака холодным оружием не представлялась возможной. Ответом на огневое превосходство противника были либо сабельные атаки, либо стрелковый бой с использованием преимущественно огнестрельного оружия. Однако сабельные атаки, хотя и могли нанести существенный урон противнику, приводили также к большим потерям в личном составе, так как, помимо урона при преодолении простреливаемого пространства, во время рукопашного боя неприятель вел огонь по сражающейся массе всадников. В силе огня и способности выдерживать его крымцы также не могли сравниться с противником.

Эпоха кавалерийских армий в Восточной Европе уходила в прошлое. Эффективно противостоять дисциплинированной массе неприятельской пехоты, имея лишь конницу (неважно, какую), было уже невозможно. Если бы в 1771 г. русских у Перекопа встретила армия, состоящая из одних только гусар (например, французских или прусских), без пехоты и артиллерии, исход боев вряд ли был бы принципиально иным. Мы считаем, что упадок военной мощи крымскотатарского государства не случайно совпал со снижением военной роли кавалерии. Участие пеших ополченцев в боях с регулярным противником также не привело к перелому. Крымские военачальники и их воины сделали все возможное, действуя теми силами и вооружением, что у них были, избирая в целом оптимальный путь противостояния врагу. Но для победы этих усилий оказалось недостаточно.

3.2. Огнестрельное оружие и тактика крымских татар

Огнестрельное оружие крымских татар в XV–XVII вв. Крымские ханы прекрасно осознавали преимущества, даваемые огнестрельным оружием. Вскоре после установления османского сюзеренитета над Крымским ханством турецкие пушки стали постоянными спутниками крымской армии. Первым примером действий артиллерии при крымском войске можно считать взятие Киева Менгли-Гераем I в 1482 г. В этом походе хана сопровождал отряд турок [417, с. 90–92]. Во время короткой осады пушки пробивали брешь в замковой стене, после чего воины хана ворвались через образовавшийся пролом в замок и захватили его [656, с. 54–55].

Запрашиваемые крымским руководством у Стамбула пехота и артиллерия давали крымским властителям серьезное преимущество перед армиями Великой Орды. Зимой 1490/91 гг., ввиду угрозы вторжения ордынских войск в Крым, султан Баязид II отправил в Крым 1 тыс. *янычар* [187, с. 105], в июле

1491 г. на территорию полуострова было переброшено еще 2 тыс. турецких воинов [187, с. 118]. В 1493 г., во время набега на литовские земли, крымские войска сопровождалась турецким пехотно-артиллерийским корпусом, предназначенным для взятия Черкасс [187, с. 196]. В 1502 г., в решающей кампании против Орды, хан вновь взял с собой турецкие пушки. Однако число их было небольшим – крымскотатарской коннице было придано всего 10 пушкарей и 100 воинов [187, с. 379]. Запрашивалась также помощь у Москвы, хотя и символическая – в преддверии решающего столкновения с ордынцами Менгли-Герай просил Ивана III прислать к нему 20 пищалей [187, с. 417].

В борьбе с армиями северных соседей Крыма использование артиллерийских орудий и ружей было куда менее эффективным. В набегах на русские, польские и литовские земли крымцы делали ставку на стремительность. По мнению Х. Инальджика, османское руководство стремилось не допустить чрезмерного усиления ханства, поставляя ханам огнестрельное оружие в ограниченных количествах [446, с. 122]. Само же Крымское государство не имело возможности превзойти русских или поляков в выпуске и закупке пушек и ружей. Стоит согласиться с В. В. Пенским, считавшим, что «техническое и численное превосходство противников татар, опиравшихся на намного более развитую промышленность, делало для последних бессмысленным соревнование с русскими, поляками и литовцами в этих новых для них родах войск» [539, с. 706].

Преимущество аркебузы и мушкета над луком доказывалось их повсеместным распространением (в том числе и в Крымском ханстве) в качестве пехотного оружия. Как только в распоряжении властителей Бахчисарая появились пехотные части, они оснащались именно ружьями, как и пехота в других странах. Однако в польской, молдавской, казацкой, русской, литовской и крымской кавалерии ввиду как специфики конного боя, так и особенностей кавалерийского огнестрельного оружия

лук был широко распространен на протяжении XVI–XVII вв. (в крымской коннице – вплоть до 70-х гг. XVIII в.). Именно лук оставался основным стрелковым оружием крымских татар на протяжении большей части истории крымскотатарского государства. Сведения же об оснащении крымских воинов (за исключением *сейменов*) ружьями и пистолетами немногочисленны.

В Крымском ханстве в XVII в. огнестрельное оружие являлось престижным. Когда германский император хотел оказать особую милость крымскому послу в Вене, то последнему разрешали купить пару пистолетов [441, с. 230]. Весьма интересным фактом представляется то, что в битве под Оринином (1618), по словам С. Жолкевского, от татарских пуль погибло до 30 человек в королевской пехоте, при этом сами пули были деревянные и облитые свинцом [313, с. 34]. Крымские татары, сражавшиеся под Львовом в 1675 г., были вооружены луками, саблями, короткими копьями, а богатые и знатные («значнейшие») – огнестрельным оружием [258, с. 360]. Несмотря на то, что крымские ханы охотно пользовались огнестрельным оружием с конца XV в., популярности среди простых воинов оно долгое время не имело. Небольшое его количество не влияло принципиально на тактику крымцев.

Крымская конница против «вогненого боя». Широкое распространение огнестрельного оружия в армиях противников Крымского ханства и тот факт, что почти вся восточноевропейская пехота являлась стрелковой, имели своим следствием то, что перед крымскими воинами постоянно стояла задача противостояния «люду вогнистому». Противники крымских татар охотно использовали постоянно совершенствующееся огнестрельное оружие. Если в 1471 г. лишь 1% наемных пехотинцев польской армии имели на вооружении ручное огнестрельное оружие, то в 1497 г. их было уже 26%, а в 1498 г. – 60% [731, с. 55]. В начале XVI в. 10% польской пехоты составляли пикинеры и 83% – ружейные стрелки [798, с. 53]. Уже под Клецком именно действия немногочисленной пехоты позволили литовцам переправиться через Лань. Под

Лопушной для отражения крымских атак союзники поставили в первую линию 2 пушки и пеших стрелков, прикрытых павезьерами и пикинерами [737, s. 224].

Бывшее ранее у крымских воинов превосходство в «огневой мощи» с распространением огнестрельного оружия сходило на нет. Аркебузы и мушкеты в целом были эффективнее луков. Что крымцы считали огнестрельное оружие более действенным, видно по тому, что, попав под обстрел, они предпочитали выходить из-под него и вести стрельбу из луков на расстоянии, на котором несли бы более низкий урон от залпов неприятеля. Именно аркебуза и мушкет, а не лук, задавали дистанцию, на которой велась перестрелка. Известный польский военачальник первой половины XVI в., гетман великий коронный Я. А. Тарновский считал, что лук является сильнейшим оружием татар и, чтобы лишить их возможности его эффективного использования, следует вести сильный обстрел противника из ручного огнестрельного оружия [844, s. 244]. Активное и эффективное использование смертоносных технологических новшеств снижало успешность прямых кавалерийских атак, хотя реальный физический урон, наносимый ружейно-артиллерийским огнем, был невелик.

Во времена Крымского ханства было широко распространено мнение о страхе крымских татар перед ружьями [178, с. 198; 235, s. 69]. Д. Горсей описывает анекдотичный случай, будто бы произошедший в России в царствование Ивана Грозного – царь нанял на службу шотландцев для борьбы с крымцами. «Крымские татары, не знавшие до того ружей и пистолей, были напуганы до смерти стреляющей конницей, которой они до того не видели, и кричали: «Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метаящими «паф-фами» [68, с. 70–71]. История явно вымышлена, учитывая, что крымцы к тому времени были знакомы с огнестрельным оружием более века.

Э. П. д'Асколи, описывая события 1628 г., сообщал, что «ногайцы сильно недолюбливают орудийный огонь; они бо-

ятся даже простого пищального выстрела» [157, с. 109]. Однако это заявление противоречит известным по ряду других источников описаниям яростных атак ногайцев на запорожские таборы в 1628–1629 гг. Да и сам д'Асколи после слов о страхе перед огнестрельным оружием тут же упоминает атаку ногайской конницы на имевших при себе пушки казаков.

Эвлия Челеби писал: «Татарский народ не умеет стрелять из ружей. Ружей они боятся. Если где-нибудь есть ружья, они говорят: «Мылтык коп», и туда не идут» [224, с. 31]. Вскоре после этого он описывает успешную атаку крымских татар на вооруженных ружьями казаков, занимавших остров Джерекли и встретивших крымцев сильным огнем [224, с. 41]. Эвлия Челеби также описывает атаки «боящихся ружей татар» на вражеский табор, защищаемый бойцами с огнестрельным оружием [223, с. 225].

Курьезное описание страха крымских татар перед «вогненным боем» можно встретить даже в работах современных историков [740, s. 108]. Однако то, что татары выиграли десятки боев против армий, имевших в своем распоряжении воинов, вооруженных ружьями и пистолетами, позволяет усомниться в широко известном еще с XVI в. утверждении о неспособности ханских воинов противостоять огню. Крымцы регулярно предпринимали штурмы (и иногда успешные) вагенбургов: укреплений, в обороне которых ключевую роль играл огонь.

Более того, мы располагаем примерами, как, услышав ружейную пальбу, татары бежали не от выстрелов, а, напротив, к источнику шума. Так, 29 мая 1648 г. под Желтыми Водами, услышав стрельбу, производимую реестровыми казаками, отправленными на охоту, татары явились на место происшествия и пленили часть казаков [616, с. 121]. В 1653 г. польский отряд (500 воинов) напал на город Ильинцы. Но тут «татарове слышали крик и пищальною стрельбу, и прибегли в город, и ляхов посекали, и, гонючи дорогой, многих посе-

ли ж, и живых поимали человек со триста, и только де ляхов ушло человек с 20» [57, с. 321–322].

Источники регулярно сообщают, что в той или иной битве крымцы успешно продвигались вперед под огнем противника. Настоящим триумфом наступательного духа крымской кавалерии стала Цецорская битва 1620 г. [300, s. 139; 825, s. 97–99; 768, s. 183–195]. В день решающей битвы, 19 сентября, польский командующий С. Жолкевский вывел свою армию из лагеря в поле против турецко-татарских войск. В центре союзников стояли турки Искандера-паши, правый фланг занимали буджакцы Кантемира, левый – крымцы калга-султана Девлет-Герая. Опасаясь, что татары обойдут фланги его армии, Жолкевский выстроил два табора глубиной в 4 ряда возов с левого и правого флангов, в центре была поставлена конница. Согласно замыслу польского командования, огонь пехоты и артиллерии, ведущийся с фланговых таборов, сдерживал бы татар, пока ударный кулак кавалерии пробивал оборону турок в центре. Однако правый табор при построении оторвался от лагеря, и возник опасный разрыв, прикрытый лишь лисовчиками и молдаванами. Этим воспользовался Девлет-Герай. Пока польская кавалерия наступала на турецкие войска, крымские татары атаковали лисовчиков и молдаван. Лисовчики обратились в бегство, крымская конница вышла в тылы противника. Это решило исход боя – польские войска бежали в свой лагерь, правый табор был уничтожен татарами после пятичасового боя. «Татарское войско перебило немало стрелков», – сообщал Наима [152, с. 59]. О больших потерях пехоты в результате крымского натиска писал польский очевидец битвы [308, s. 210].

В 1648 г., во время Корсуньской битвы, всадники Тугайбея обрушились на шедший в авангарде польской армии полк И. Сенявского, пытавшийся отбить противника огнем. Однако, как отмечал польский историк В. Бернацкий, «огонь из пушек, заряженных картечью, и нестройный залп из мушкетов не остановили атакующих татар... Ордынцы молниенос-

но разгромили хоругви Сенявского» [694, s. 179]. В 1649 г., в битве под Зборовым, по словам очевидца, на огонь «Орда там летела так, как будто глаза выкололи» [276, s. 437].

В битве под Конотопом один из рейтарских полков царской армии (по предположению И. Б. Бабулина, полк Фанстробеля), атакованный крымцами, сумел повернуть фронт и дать залп из карабинов прямо в упор по атакующей татарской коннице. Однако это не смогло остановить атаку, и после короткого боя полк был истреблен [755, s. 254]. По мнению польского участника Конотопской битвы, крымская конница «очень хорошо сражалась, принимала участие в битве вместе с польской и казацкой конницей и на вражеский огонь и сильную артиллерию отважно вела наступление» [517, с. 74]. В 1660 г. в боях под Чудновым крымские татары «необычайно хорошо выдержали огонь и множество москвы изрубили и в плен взяли» [237, s. 147]. В битве под Браиловым в 1666 г. поляки дали один за другим два залпа по катившейся на них массе ханских всадников, однако те, не обращая внимания на огонь, смели неприятеля [716, s. 136].

В 1667 г. в битве под Подгайцами наступление Крым-Герая успешно продвигалось сквозь огневой заслон противника [771, s. 91; 852, s. 139–140]. Увидев, что огонь не останавливает татар, польское командование бросило в бой конницу, сумевшую после долгого и упорного боя вынудить крымцев отступить.

Рассмотренные нами примеры относятся лишь к двадцатилетнему периоду крымской военной истории (с 1648 по 1667 гг.). Едва ли не в каждом втором сражении этого времени мы находим примеры того, как крымскотатарская конница уверенно наступает под огнем. Впрочем, вышеупомянутые битвы не были исключениями. За один лишь 1695 г. мы можем привести в качестве примера еще три боестолкновения. В битве под Львовом крымцы и ногайцы «на пушки, на огонь, на город летели так, как будто им глаза выкололи» [708, s. 29], загнав польское войско во Львов. «Не удержал их залп

из трех орудий возле костела св. Мартина... После первого выстрела, пушки вместе с тремя пушкарями, конями и возницами попали в татарские руки» [705, с. 31].

В другом бою, в Фастове, татарская конница ворвалась в сам город. Королевский секретарь Д. Вильчек в письме Яну III писал, что полковник С. Палий с пехотой, конницей и 3 пушками (всего несколько сот человек) вышел навстречу татарам Гази-Герая (4 тыс.), но был разбит в результате сабельной атаки, а его войско понесло большие потери, лишившись пушек [31, с. 268–270]. По словам киевского казака И. Микитина, бывшего в Фастове во время этого сражения, у Палия «с теми татары и с козаками на мосту, на посаде, через реку был бой с четвертого часа дни до вечера», при этом татары потеряли 50 человек, а Палий – лишь 6 [549, с. 371]. Однако мы полагаем, что сообщение Вильчека ближе к истине, ведь и Микитин признавал, что фастовский полковник потерял пушку, затинную пицаль и татары выбили у него из рук и захватили лук, что свидетельствует об ожесточенном рукопашном бое.

Третий случай относится к первой осаде Азова царем Петром I: во время отступления русской армии из-под крепости татарская конница атаковала полк Сварга, «и солдаты по приказу своего полковника по-немецки все одним разом выпалили, и всем полком не убили и десяти человек. И те татарове увидели, что почали ружье заправлять, скочили и вдруг, ружья им заправить не дали и всех, что овец, погнали в свою землю и с полковником» [175, с. 48]. По другим данным, первоначально полк отбил несколько татарских атак, но затем был разгромлен [65, с. 411].

Яркое описание атаки татарской конницы на молдаван в битве под Яссами в 1659 г. оставил молдавский летописец М. Костин: «Выстрелили все драбанты, сеймены и пушки в приближающегося противника, от чего оглохло несколько татар. Но как увидели, что никто не падает от их мушкетов, стали реже стрелять. Как заметили драбанты, что огонь редет, а татары продолжают двигаться вперед, начали бежать. И

как татары увидели, что те бегут, бросились вперед и скакали между рядами пехоты с обнаженными саблями. Таков был приговор Божий и так много пролилось крови людской! Было три ряда трупов там, где стояло три ряда пехоты вдоль берега и до самого Бахлуя» [233, с. 246–249]. Данное описание наглядно показывает, сколь роковые последствия могла иметь попытка удержать кавалерийскую атаку на открытой равнине одним лишь пехотно-артиллерийским огнем.

Наряду с трафаретными описаниями страха татар перед огнестрельным оружием существуют свидетельства противоположного характера. Я. Х. Пасек иронизировал по поводу бытовавшего среди немцев стереотипа. Он отмечал, что немцы считали, будто татар «сотня перед одним ружьем бежит, но попробовали [сами], когда их ружья татарскую саблю остановить не смогли, и большая пушка не помогла» [284, с. 554]. Пасек имел в виду битву под Петронеллем в 1683 г., когда австрийская кавалерия обратилась в бегство под натиском крымских татар.

Итак, есть немало примеров того, как крымская конница опрокидывала противника, вооруженного огнестрельным оружием. Однако вместе с тем есть еще больше примеров обратного – когда одного только огня бывало достаточно для отражения ханских воинов (впрочем, повернуть назад после удачного залпа противника могла и регулярная европейская кавалерия). Особенно тяжелым было положение конницы, когда ей приходилось иметь дело с противником, обороняющимся в «крепких местах».

Весьма любопытно, что схожие проблемы испытывали и русские. «Ориентализированная» русская армия XVI в., состоявшая преимущественно из конницы, вооруженной саблями и луками, в ряде боев с ливонцами в начале того же века адаптировалась к использованию противником пехотного и артиллерийского огня, противопоставляя вражескому огню лучный обстрел и сабельные атаки и наращивая численность «огнистого люда» [459, с. 377–378]. Неслучайно в действиях

крымскотатарской и русской конницы против польско-литовских войск в битвах под Лопушной и Оршей [497, с. 157–162] прослеживаются определенные параллели.

Мушкет оказывал более сильный психологический эффект, чем стрелы, как на людей, так и на лошадей. При этом речь необязательно шла о каком-либо значимом уроне. Под Зборовым залп полка польской пехоты, данный с близкого расстояния, привел к тому, что татары, испуганные стрельбой, отступили, но при этом ни один татарин не упал с коня [72, с. 377]. Конница была более уязвима перед огнем по сравнению с пехотой, ибо даже если люди и были готовы выдержать залп, то кони могли повернуть обратно. Вероятно, одним из источников стереотипа о страхе татар перед огнестрельным оружием была непривычность татарских коней к огню.

Однако лишенные пороха, воины с «вогненным боем» имели меньше шансов на выживание при атаке крымской конницы. Во время Зборовской битвы «триста драгун пана Корнякта, которые имели пороха только на три выстрела, там же все полягли» [277, s. 186]. Молдавские войска в битве под Кагулом в 1574 г. держались на поле боя, пока проливной дождь не намочил порох, после чего, по словам Л. Горецкого, «татарская орда, которая, видя, что ей более не угрожают пушечные выстрелы, оставила позицию, в которой до тех пор укрывалась, и вступила в бой. Татары бросились на молдаван с пронзительным криком, оттиснули их от пушек и обратили в бегство» [67, с. 127]. М. Дьяковский подчеркивал, что успех турецких войск в первой битве под Парканами в 1683 г. был обеспечен именно тем, что поляки не успели перезарядить свое оружие: «с такой силой на все наше войско бросились, так все наши обратились в бегство, ибо ни один не имел заряженного мушкета» [248, s. 76]. Кавалерия также имела шансы разгромить противника, атакуя его до того, как он успеет перезарядить оружие и произвести залп. Об этом сообщает Мустафа Наима применительно к Топракской битве, где та-

тарское войско стремительной атакой «не давало казакам раскрыть глаза и зарядить ружья» [152, с. 103].

Мы полагаем, что исход боя между «огнистым войском» и крымскими татарами зависел от ряда факторов. Как правило, пехота отбивала атаки, будучи прикрыта какими-либо укреплениями либо кавалерией. Однако вид пехотинцев, оказавшихся на открытой местности, сам по себе стимулировал атаку. Ведь неприятель, до того бывший защищенным, наконец-то оказался уязвим. Когда крымцы в первый день Зборовской битвы атаковали на правом берегу Стрыпы поляков, «отборная венгерская пехота пана литовского подканцлера и пана сандомирского, когда их ротмистр, видимо, хотел, отступая, отвести ото рвов, была изрублена» [72, с. 373]. Конечно, дисциплинированная пехота могла отразить конный натиск в открытом поле, однако, если огонь не сдерживал врага, стрелкам грозила гибель.

В отличие от пехотного боя кавалерийский был куда более динамичен и скоротечен. Именно в противостоянии между всадниками наглядно проявлялось, пожалуй, главное преимущество лука над огнестрельным оружием – его скорострельность. Пистолеты использовали парами потому, что после данных один за другим выстрелах времени на перезарядку часто попросту не было, и всадники сражались холодным оружием. В бою под Ясногородкой в 1665 г. рота русских рейтар билась с крымскими татарами: «государевы люди неприятельских людей многих побили и за ними гоняли, покамест татары их не изнастреляли» [16, с. 74–75]. В то же время «изнастрелять» пехотную роту татары вряд ли смогли бы]. В 1556 г. под Ак-Керманом между татарами и отрядами польских магнатов произошел бой, представлявший собой перестрелку. Бой завершился победой татар [381, с. 98–99], что показывает возможность победы лучников над конным «вогнистым» противником.

В 1624 г., перед битвой под Мартыновом, С. Конецполь-

ский запретил всадникам стрелять по татарам, приказывая отражать атаки противника саблями. Это делалось для того, чтобы сохранить пистолеты и карабины заряженными для залпа в решающий момент боя [853, s. 471–472]. Во время польского похода в Молдавию в 1691 г. поручик гусарской хоругви В. Искра, который выехал на гарцы с татарами, имел при себе два пистолета. Произведя из них по выстрелу и сразив двух неприятелей, гусар, оставшись на время беззащитным, был пронзен татарским копьём [297, s. 4–5].

Изучая примеры как успешных атак крымской конницы под огнем, так и, напротив, отражения атак стрельбой из мушкетов и пистолетов, мы приходим к выводу, что в случае крупных, важных битв крымские татары действительно могли пройти простреливаемое пространство и навязать противнику рукопашный бой. Лучшим доказательством того, что восточноевропейские военачальники не считали крымских воинов беспомощными перед огнем, является то, что они прятали свою пехоту от ханской кавалерии в полевых укреплениях точно так же, как и от любой другой конницы. Можно сделать вывод, что крымскую конницу пугала не столько стрельба как таковая, сколько продолжительный огонь. Один-два залпа выдержать она могла, но постоянная стрельба деморализовала всадников (однако это актуально не только по отношению к крымским татарам, а в отношении любой кавалерии в целом). Один вид готовых к стрельбе пехотинцев мог сдержать кавалерию от порыва, но иногда в случае необходимости она была способна проскакать простреливаемое пространство быстрее, чем враг сумеет дать более одного залпа.

Распространение огнестрельного оружия в Крымском ханстве в XVIII в. Развитие огнестрельного оружия и пехотной тактики окончательно сделало для лучников бесполезной перестрелку с «огнистым человеком». Поэтому в крупномасштабных столкновениях XVIII в. крымцы редко решались делать ставку на один лишь лучный бой. Стрелы, осыпавшие неприятеля

с далекого расстояния, не наносили ему существенных потерь. М. де Бразе, участвовавший в Прутском походе 1711 г. в составе русской армии, писал: «Я столько опасуюсь огня, сколько то надлежит человеку доброму и твердому; но мысль о стрелах была для меня столь ужасна, что я внутренне боялся их, того не показывая. Однако ж, когда я увидел их малое действие, я к ним привык и стал смотреть на них, как на чучела, стыдись моего панического страха» [94, с. 400].

Полагаем, что огнестрельное оружие имело определенное распространение в начале XVIII в., однако в источниках оно упоминается сравнительно редко. Одной из причин этого могла быть разница в скорострельности оружия. Русские офицеры, оказавшись под обстрелом татар, видели, как в них постоянно летят быстро лучниками выпускаемые стрелы и лишь изредка то там, то здесь раздавались ружейные выстрелы. Поэтому визуально казалось, что огнестрельное оружие используется в небольших количествах.

Колоссальный перевес русских войск в огневой мощи не мог не произвести впечатления на крымских татар и ногайцев. На протяжении XVIII в. мушкеты и пистолеты получают все более широкое распространение в Крымском ханстве. Крым в XVIII в. массово экспортирует огнестрельное оружие. Черкесия, Кабарда, Грузия были буквально наводнены изделиями крымскотатарских мастеров, работавших на Кавказе еще в XIX в. [454, с. 153]. По словам кабардинского посла в России М. Атажукина (1732), крымские ружья ценились кабардинцами значительно выше, чем ружья их собственного производства [104, с. 61–62]. В середине XVIII в. из Бахчисарая ежегодно вывозилось на продажу 2,5 тыс. ружейных стволов, из них 1 тыс. (40%) продавали черкесам [435, с. 205] (для сравнения – во всей Российской империи в то время ежегодно производили 26–28 тыс. единиц ручного огнестрельного оружия [348, с. 86–87]). В казне одного из сподвижников знаменитого имама Шамиля наиба Шоипа помимо денег и скота находилось 35 крымских ружей [642, с. 188] – весьма

убедительное доказательство их высокой репутации среди чеченцев. В Грузии крымский оружейный импорт играл настолько значимую роль, что грузины словом «кирими» называли любое огнестрельное оружие. Более того, и сегодня в Музее Грузии им. Симона Джанашиа хранятся сотни ружей со стволами крымского производства [828, с. 288–289]. Любопытно, что даже русские офицеры кавказских частей, по словам М. Ю. Лермонтова, предпочитали вооружаться крымскими винтовками [129, с. 349].

Часто ружья и пистолеты упоминаются среди имущества, отнятого у крымских татар в постоянных пограничных стычках с запорожцами. Например, в мае 1749 г. крымские делегаты отправили к киевскому генерал-губернатору «реестр жалоб». В нем среди прочих вещей перечислены 18 сабель, 5 сайдаков и 5 ружей, а также 6 единиц оружия неустановленного типа [34, с. 325]. В октябре 1754 г. орский каймакам Фети Эфенди послал письмо кошевому атаману, сообщая, что сечевики ограбили крымских чабанов, были захвачены 100 золотых, 22 вола, 7 седел и 5 «пищалей» [35, с. 591].

Некоторые авторы, наблюдавшие крымскотатарских воинов во второй половине XVIII в., называют ружье и пистолеты в числе их обычного вооружения. Н. Клееман писал в 1768 г.: «У многих были очень худые лошади, имея несколько фузей и пистолет; иные вооружены луками и стрелами, из коих они не столько искусно стреляли, как казаки и калмыки» [110, с. 199–200]. По его мнению, крымские воины плохо владели огнестрельным оружием: «Я часто видал, как они учились стрелять в цель, и пять или шесть минут употребляют, чтоб заряжать, прицеливаться и палить, а когда спускают курок, то голову отворачивают» [110, с. 200]. Он также отмечал престижность огнестрельного оружия в глазах татар. Описывая буджацкую юрту, Клееман сообщал: «Все уборы сего дома состоят из соломенной рогожи, посланной на земли, двух волосяных тюфяков, служащих постелею татарам, одного деревянного ящика, сабли, фузей и пистолет; а когда оных нет, то

украшают луком и калчаном» [110, с. 71–72]. По И. Тунманну, ружье и пара пистолетов (наряду с саблей) являлись обычным оружием богатых воинов [632, с. 26]. В. С. Зуев, посетивший Крым в 1782 г., сообщал: «Воинской их снаряд состоит в ружье, сабле, одной или двух парах пистолет, луке и стрелах, а всего главнее, чтоб была добрая лошадь» [45, с. 481].

В первой половине XVIII в. огнестрельное оружие, хотя и использовалось крымскими татарами, однако еще уступало в популярности лукам. По-настоящему важную роль оно начало играть в 70–80-е гг. XVIII в., в последние годы существования Крымского государства. При этом в начале русско-турецкой войны 1768–1774 гг. лук сохранял доминирующее положение в крымскотатарской паноплии. Так, в ноябре 1769 г., после боя с отрядом татар, запорожцы захватили в качестве трофеев 72 лука, 12 копий и 8 пар пистолетов [589, с. 41]. По мнению российского генерала П. И. Панина, на 1769 г. «самая большая часть его (т. е. татарского противника. – Прим. А. Ш.) не имеют ни огненного ниже и других настояще-исправных к ручному сильному и твердому поражению, оружей; а главная его часть употребляет стрелы, кои и в лучшем своем состоянии против огненного вооружения недостойны страха» [161, с. 1]. В одной из стычек в 1769 г. с запорожцами «татаре ,собравшись еще в большем числе, до самой Збурьевской пристани их провожали, чиня безпрестанную стрельбу ружьями и стрелами» [589, с. 48].

Однако лук быстро теряет прежнее значение. Во время русского вторжения на полуостров в 1771 г., восстаний 1774 и 1777–1778 гг. крымцы активно вели ружейный огонь, часто чередуя его с сабельными атаками. Обыденными стали обстрелы из огнестрельного оружия русских войск пешими крымскими татарами. Опираясь на более частые упоминания обстрела из ружей и пистолетов, чем из луков, мы считаем, что почти все раны, полученные русскими солдатами и офицерами в стрелковом бою с крымскими татарами в 70-е гг. XVIII в., были причинены пулями. Полагаем, что воины с луками редко исполь-

зовали свое традиционное оружие в боях, либо приобретая ружья и пистолеты, либо используя сабли и копья.

Спустя пять лет после присоединения Крыма к Российской империи, по ордеру князя Г. Потемкина от 10 апреля 1788 г. у крымских татар изымали оружие, причем было собрано 2576 сабель, 799 ружей, 475 пик, 135 пистолетов, 95 луков и 110 стрел [462, с. 30]. Столь малое число стрел может говорить о том, что о пополнении их запасов уже не заботились, хотя еще в середине XVIII в. черкесы ежегодно продавали крымским татарам и ногайцам 4 млн. стрел, используемых на войне и охоте [92, с. 27].

На протяжении второй половины XVIII в. огнестрельное оружие завоевывает себе широкую популярность среди крымских татар. Массовое производство позволяет продавать тысячи единиц ручного огнестрельного оружия и ружейных стволов за пределы полуострова, в первую очередь на Кавказ. Качество крымского оружия было таково, что оно активно использовалось в этом регионе и в первой половине XIX в., причем не только горцами, но и российскими войсками. Распространенные представления о технологической отсталости крымскотатарской армии как ключевой причины завоевания государства Гераев Российской империей мы полагаем преувеличенными. Хотя, разумеется, это относится к ручному оружию – в отношении артиллерии Крымское ханство заметно отставало от европейских стран.

3.3. Тактика блокады и истощения

При изучении военного дела крымских татар обращает на себя внимание два важных обстоятельства. Первое: крымское войско пользовалось солидной репутацией вплоть до рубежа XVII–XVIII вв. и являлось реальной силой, способной переломить исход военной кампании. Второе: в тактическом плане оно уступало более сбалансированным армиям Османской империи, Московского государства или Речи Посполи-

той. Более уязвимое к вражескому огню, почти не имеющее пехоты и артиллерии, войско Гераев было менее способно к затяжному фронтальному бою, чем польско-литовские или русские войска. Крымцам часто приходилось иметь дело с вагенбургом, сражаться с армиями, состоящими из разных родов войск: кавалерии, пехоты и артиллерии. Тем не менее крымским татарам нередко удавалось срывать вражеское наступление и одерживать убедительные победы.

Мы считаем, что успехи крымских военачальников во многом объясняются умелым претворением в жизнь блокадной тактики. К этому располагал конный характер армии и ее подвижность. Подобные действия крымских татар получили широкое отображение в источниках [347, с. 79–80; 247, s. 334]. Они облегчались тем, что крымские татары умели прекрасно ориентироваться на местности. По словам Боплана, они «знают степи, как лоцманы знают порты» [44, с. 245].

Тактика блокады была крымским ответом на технологический перевес противника. На военном совете польско-литовской армии 27 июля 1656 г. накануне Варшавской битвы Субхан Гази-ага заявлял, что с обладающей огневым превосходством шведской армией не нужно сражаться в открытой битве. Ага говорил, «что, так как неприятель только на три дня взял продовольствия, так как он испытывал большие трудности с водой, которую мог достать только из Вислы, и так как его боевой порядок был столь хорошим, что казался движущейся крепостью, можно было уничтожить его без потери людей... они в короткое время выморили бы шведов без кровопролития, перерезая им все линии коммуникаций» [779, s. 132–133, 160].

Хотя занимавшие полевые укрепления войска были опасным противником для крымской конницы, однако она могла успешно действовать против них, блокируя неприятеля и превращая боевые действия в осаду противника. Под Молодами в 1572 г. Девлет-Герай I вел блокаду гуляй-города. Пискаревский летописец сообщает, что «в полкех учал быти голод

людем и лошедем великой; аще бы не бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде» [167, с. 192]. О тяжелом положении русских войск, страдавших от нехватки воды и еды, писал Г. фон Штаден. Он передает, что при допросе московскими воеводами пленного Дивея-бея тот заявил: «Я бы уморил вас в гуляй-городе через пять или шесть дней голодом». Потому как он прекрасно видел, что русские забивали и ели своих лошадей, на которых они должны были выезжать против врага» [219, с. 199].

После того, как крымские татары 15 августа 1649 г. успешно атаковали и нанесли значительные потери польской армии под Зборовым (3–4 тыс. убитыми и пленными), по словам М. Нагельского, положение блокированного под Зборовом польского табора уже через неделю стало бы похожим на положение осажденных в Збараже поляков [780, s. 156–157].

Перешедший перед Берестецкой битвой перебежчик рассказал полякам, что хан Ислям-Герай III «постановил, что если [поляки] будут драться, то будет так действовать, как покажет война, а если не будут драться, тогда осадим их и будем лежать в стране и при них до тех пор, пока их не доконаем» [79, с. 509].

Описывая русским послам ход Жванецкой кампании 1653 г., И. Выговский говорил: «У польского де короля орда дороги занели и с чем в обоз х королю не пропустили. И что де были у короля в поможенье венгры, и мутьяне, и волохи, и у них де татарове лошади отогнали и их погромили. И они де, того убоясь, пошли в свои земли. И королю де от татар стало тесно и голодно, и той де тесноты и з голоду у короля в обозе ратные люди и немцы учели пухнуть и мереть» [57, с. 390]. Эти действия соответствовали решению военного совета ханской армии, поставившего цель выморить противника [152, с. 164]. Страх оказаться в окружении оказался столь силен, что известие о приближении татар вызвало дезертирство в рядах польской армии [841, s. 80]. Угроза со стороны крымских войск вынуждала поляков ограничиться добычей провианта

лишь в ближайших окрестностях Хотина [701, s. 277]. Отчаянное положение вследствие блокады вынудило польское руководство согласиться на переговоры.

В годы шведского вторжения в Польшу («Потопа») 1655–1660 гг. важную помощь полякам оказали татары. При этом большое значение имел моральный фактор. «Татар (шведы и брандербуржцы) сильно боятся... а более всего, чтобы они татарами не были в поле окружены и в первую очередь нехваткой фуража и этим, а не оружием, побеждены», – писал польский современник событий Д. Жидкевич [683, s. 61]. То есть в основе «татаробоязни» шведов лежал все тот же страх перед блокадой.

В 1660 г. под Чудновым блокада русского лагеря крымской конницей привела к поражению армии воеводы В. Б. Шереметева. Крымские всадники перехватывали гонцов, захватывали в плен фуражиров, нападали на отдельные отряды врага, вынуждая его сбиваться в тесную голодную массу, осажденную в лагере [241, s. 62; 269, s. 80]. Российский историк Д. Ф. Масловский писал, что крымские татары «были незаменимы для захвата сообщений, для окружения лагеря засадами, для уничтожения фуражных запасов кругом стана; а между тем у Шереметева было более 35 тыс. только строевых коней, ежедневно нуждавшихся в фураже, и вся армия – в топливе» [509, с. 31]. Про решающий вклад крымской конницы в поражение русской армии говорил и сам Шереметев: «Сам Василий Борисович... начальной причиной Чудновской катастрофы признавал неожиданное прибытие татар в помощь полякам: «Я шел, – говорит Шереметев, – против поляков, а про нурадина-царевича не ведал» [340, с. 67–68].

В 1669 г. в сражении под Конончей крымские воины, запорожцы и казаки прокрымского гетмана П. Суховиенко загнали войска гетмана П. Дорошенко в табор и продержали в осаде пять недель. От окончательного поражения Дорошенко спасло прибытие турецкого чауша и признание гетмана поданным султана [99, с. 934].

Едва крымские войска подошли к польским позициям под

Журавно (26 сентября 1676 г.), они не только расположились перед противником, но и в тот же день заняли дороги, соединявшие королевскую армию с Польшей [839, с. 263].

В 1684 г. польско-литовская армия Яна III (18–20 тыс.) встала лагерем под Жванцем. Король рассчитывал заблокировать Каменец-Подольский, занятый сильным турецким гарнизоном, и в то же время часть сил направить в Молдавию. Войска Селим-Герая I имели целью не допустить врага в Молдавию и выручить Каменец-Подольский. Крымцы были опасным противником ввиду того, что, контролируя местность на пути продвижения польской армии, могли ведением «малой войны» сорвать ее поход. Не сумев вынудить противника дать генеральную битву, польская армия начала отступление, постоянно преследуемая крымцами [840, с. 175–178].

Селим-Герай I в разговоре с каймаканом Кара Мустафой-пашой во время кампании на Правобережной Украине в 1674 г. предложил следующий план действий. Хан «обступит обоз около и не выпустит никою по съестны и по конские кормы, и московские де ратные люди оголодают и ему, каймакану паше, добывать им в обозе будет способно» [468, с. 386].

Существенным минусом блокадной тактики было то, что и само крымское войско не могло позволить себе слишком долго оставаться не одном месте. Оно теряло свое главное превосходство при наступательных операциях – скорость, а затягивание блокады означало неизбежные проблемы с фуражом у самих крымских татар, противник же получал возможность подтянуть новые силы. Поэтому далеко не всегда блокада оканчивалась успешно.

При продвижении вражеской армии ее встречали подожженные поля, отравленные колодцы, мелькающие там-здесь отряды, атакующие фуражиров и оставших солдат. Так, в 1691 г. польский поход в Молдавию был сорван по причине успешных действий крымских татар, которые налетали на противника, хватали оставших, нападали на отдельные польские части [383, с. 98, 101–102]. Коней в этой кампании

погибло столько, что польские всадники были вынуждены возвращаться пешими, возы и пушки были брошены [751, s. 382].

Польские и русские военачальники до того свыклись с этими нападениями, что одного только появления более-менее крупных сил крымского войска на фронте было достаточно для принятия решения об отступлении. К примеру, в 1690 г. С. Я. Яблоновский отказался от молдавского похода по той причине, что узнал о наличии на севере Молдавии крупных татарских сил, что делало продвижение по контролируемой ими территории малоперспективным [836, s. 133–134].

Крымские татары широко практиковали налеты на лагерь противника с целью угона выпасаемых слугами коней и захвата челяди в плен. Этим достигалось сразу несколько целей: уменьшалась численность конского состава неприятельской армии; захват пленных обеспечивал командование свежей информацией о состоянии вражеских войск; противник, под страхом новых нападений, боялся выводить коней на пастбища, что неминуемо вело к их истощению. Это было особенно актуально, учитывая, что удовлетворительное остояние конского состава являлось одной из важнейших предпосылок успешного ведения боевых действий. В 1648 г. под Корсунем в польском лагере говорили, что если их лишат пастбищ для коней, то враги «заберут нас как птиц» [466, с. 206].

Примеров подобных атак столь много, что источники фиксируют их едва ли не в каждой второй кампании. Во время Цецорской кампании, 17 сентября 1620 г. (за 2 дня до решающей битвой) Кантемир напал на лужную челядь, покинувшую лагерь, захватив около тысячи слуг в плен [768, s. 180]. В 1651 г., под Белой Церковью, крымский отряд неоднократно успешно нападал на пасшую коней челядь [735, s. 62–63, 65]. Гетман великий коронный М. Потоцкий писал, что татары действовали, «не допуская до живности, челядь и коней забирая; все переходы перекрыты» [416, с. 359–360]. Перед Конотопской битвой крымцы дей-

ствовали против русского лагеря. Согласно письму участника боевых действий жильца С. Любавского, «тотарове у нас, братец, у самых обозав лошадей отгоняли и людей многа побили» [333, с. 200]. В 1660 г. под Слободищем перед штурмом табора крымские татары отогнали казацких лошадей [781, с. 302]. Такая же картина повторилась в 1665 г. под Богуславом [10, с. 308]. Дневник королевича Я. Собеского о походе в Молдавию в 1686 г. буквально перестрив упоминаниями о татарских налетах на челядь, коней и скот [243, с. 317–319, 321–322]. Другой участник этого же похода, А. Скоробогатый объяснял провал экспедиции: «потому что был конский падеж и челяди орда набрала» [302, с. 140]. «И они бусурманы тогож числа на заре ударили на стада, которыя паслись на взморье и на Койсаге, и отогнали лошадей с 400, а людей всяково чину побрали и порубили человек с 50» – так российский военачальник А. Шеин описывал атаку татар под Азовом 20 июля 1697 г. [201, с. 156].

Даже в XVIII в. подобные действия позволяли нанести большие потери противнику, например, в Прутской кампании 1711 г. [328, с. 15]. Абдулгаффар Кырыми писал про войска Петра I: «Оснащенная различным оружием армия была как некая прочная стена» [516, с. 53]. Не вступая с таким мощным противником во фронтальные бои, всадники Девлет-Герая II истощали его блокадой, что повлекло за собой большие потери русских войск. Английский капитан на русской службе Д. Перри сообщал, что «крымские татары, явившиеся в огромных полчищах, отрезали подвоз запасов и всякое сообщение» [97, с. 255].

Мы полагаем, что умелое ведение «малой войны» было одной из важнейших причин прочно закрепившейся репутации крымского войска. Подвижность давала возможность не только окружать в самом бою, но и контролировать район ведения боев. Блокада позволяла проредить вражеские ряды, не подвергаясь риску генеральной битвы, нанося противнику урон более высокий, чем собственные потери. Например, во время

Жванецкой кампании 1653 г. польская армия потеряла 8 тыс. из 38–40 тыс., по большей части умерших от болезней, голода и иных тягот войны [701, s. 239, 275]. Уже само прибытие крымских татар означало для противника грядущие проблемы с продовольствием и фуражом. По этой причине ханская конница была желанным союзником для других армий.

3.4. Управление войсками

Крымские татары были известны своим умением быстро совершать перестроения и маневры на поле боя. Для управления воинами использовались музыкальные инструменты, голосовые команды, знамена, бунчуки и значки, а также движения рук и плетей. Командиры частей – мурзы и аги – осуществляли непосредственное руководство войсками. Источники показывают, насколько слаженность и эффективность действий крымских и ногайских войск зависела от командного состава. С. Герберштейн считал, что после гибели или пленения командиров татары бежали с поля боя [60, с. 401–403]. Ф. Дюпон сравнил татар со стадом овец, а мурз – с пастухами, которые направляют стадо то в одну, то в другую сторону [247, s. 330].

Для управления крымскими войсками использовались различные музыкальные инструменты: большие (*коч*) и малые (*наккаре*) барабаны, свирели и т. д. Игра ханского оркестра – *мехтера* (комплектуемого из крымских цыган), возглавляемого *мехтер-баши*, служила сигналом для действий всей армии. Существовали различные мелодии и композиции, используемые в зависимости от ситуации. *Табл-и асаиш* представлял собой «ритм, не позволявший не рассеяться войску» [315, с. 13–15]. Реммаль Ходжа упоминает мелодию *тур атлан борусы* («подымайся, пора отправляться в путь»), игравшуюся после утреннего намаза, под звуки которой происходило построение войск [5, с. 150], а также *гочь борусы* [5, с. 162], исполняемую с аналогичными целями.

Игра на бубнах использовалась для утреннего подъема

[222, с. 167]. В Астраханском походе 1569 г. после выступления авангарда через час трубили в рога, после чего поднималась остальная армия [102, с. 483]. По мнению Л. Кубали, к звукам главного ханского барабана прислушивалась вся армия [757, s. 283].

Крымские и османские источники красочно живописали громогласную игру на музыкальных инструментах, возвещавшую начало атаки. «Сначала ударили в барабаны на стороне ханского войска, и по законам Чингисидов заиграли Афрасиабовы трубы, Искандеровы барабаны, Джемшидовы зурны, барабаны шаха Хушенка, литавры хакановы, цимбалы царя Дария; все воины припали к головам коней, и татарское войско двумя колоннами двинулось на поле доблести. И они стали под сень знамен», – писал Эвлия Челеби о наступлении крымских татар под Чудновым в 1660 г. [223, с. 230]. Мехмед Сенаи сообщал о построении крымских войск перед битвой под Зборовым 1649 г.: «И центр, и фланги были украшены и расцвечены флагами, литавры и боевые барабаны подняли грохот и тарарам, и победоносное Чингизово знамя и гордый сахибкиранов бунчук взвился аж до [звезды] Капеллы» [116, с. 55]. На второй день Зборовской битвы «быстроногие татары, подобно тому как волки набрасываются на овец, бросились на войска короля и начали их грабить – хотя боевые барабаны не давали сигнала к бою и флаги, извивающиеся как драконы, не были еще подняты» [116, с. 57].

Под звуки игры *мехтера* крымцы строились и шли в бой. Однако и в самом бою мурзы и аги управляли воинами с помощью музыки. Участник польского похода в Молдавию в 1691 г. К. Сарнецкий писал про мурзу Арслана Орак-оглу, во время сражения под Перерытой бившего в «тулумбасик», направляя этим действия подчиненных ему людей [297, s. 6–7]. Согласно Д. Лукке, каждый десятник имел «малый барабанчик, который возят на луке седла, а простой татарин – свирель, дабы собраться при надобности» [227, с. 480–481].

Польский автор диариуша битвы под Берестечком писал, что «трубачей у татар нет: старшина в тулумбасы бьет, руководя ордой» [288, s. 121]. Из вышесказанного можно сделать вывод, что существовали определенные композиции игры на *наккаре*, побуждавшие воинов к тем или иным действиям. Музыка играла и при отходе. «Вечером барабаны ударили отбой, и два войска разошлись и провели ночь лицом к лицу» – так Мехмед Сенаи завершает описание первого дня битвы под Зборовом [116, с. 56].

В Крымском ханстве, как и в других тюркских государствах, бунчуки и знамена использовались не только для управления войсками в бою, но и являлись символами власти хана, султанов и беев. Вручение знамени (*санджака*) ханом какому-либо военачальнику означало, что поход санкционируется крымской властью. Большие знамена имели лишь командующие крупными отрядами, что было продолжением монгольской традиции [352, с. 27–28]. Ввиду этого количество знамен и бунчуков в крымском войске было небольшим. Я. Собеский писал об успехе одного из польских военачальников в боях с татарами в 1676 г.: «Знамя взял татарское и несколько значков, что является у них редкой вещью, ибо, как правило, на несколько тысяч имеют только одно или два знамени» [716, s. 137].

Автор «Виршованной хроники» сообщал о построении крымских татар следующее: «под каждым знаком или значком несколько сот и несколько тысяч» [146, с. 88]. Крымские войска, собранные у Ак-Кермана весной 1606 г., имели 40 знамен [739, s. 9]. Под Мартыновым в 1624 г. в армии Кантемира было лишь 4 знамени (одно из них было пожаловано османским султаном), из которых 3 было захвачено поляками, мурз же было 15 [291, s. 257]. Под Калушем (Петранкой) в 1672 г. поляки захватили 7 татарских знамен. Среди них было 3 султанских, 2 сейменских, 1 ширинское и 1 ногайское знамя [261, s. 1096]. При этом татарская конница под Калушем, по мнению Я. Собеского, насчитывала 8 тыс. [231, s. 172].

М. Стрыйковский подробно описывал крымско-ногайское

войско, вторгшееся в пределы Речи Посполитой в 1575 г. Он сообщал, что войском командовали 7 ханских сыновей. Соотношение между числом «мурзовых знамен» и людей составляло 10 тыс. на 8 знамен у «Лази-Герая», 10 тыс. на 10 знамен у «Алихверчея», 15 тыс. на 25 знамен у «Саткурчи» [203, с. 944]. Численность татарских войск Стрыйковский завysил многократно (она определялась им в 121 тыс.), но вместе с тем представляет интерес его мнение о соотношении числа знамен и воинов.

О небольшом количестве бунчуков говорит то, что даже в случае крупных поражений лишь единицы их попадали противнику в качестве трофеев. В 1626 г. под Белой Церковью поляки и казаки захватили 10 знамен и 1 бунчук [31, с. 258], под Калушем в 1672 г. – 1 ногайский бунчук [237, с. 196]. В 1675 г. в битве под Львовом полякам удалось захватить 1 знамя и 1 бунчук [809, с. 396].

Можно сделать вывод о том, что при крупных частях крымского войска (*байраках*) было всего 1 знамя и 1 бунчук. Исключение составляли *сеймены*, которым полагалось иметь по штату 1 знамя на 50 человек. Командиры более мелких подразделений имели свои значки, внешне отличавшиеся от знамен тем, что представляли собой небольшие полотнища. Воины в массе из десятков быстро скачущих всадников следили за местонахождением значка, двигаясь вслед за ним. «Без шеренг ордынец мчит, идет куда захочет, смотря больше на то, куда повернет значок, туда и он направляется», – писал автор «Виршованной хроники» [146, с. 88].

Как и в других армиях, в войске Крымского ханства бунчуки и значки являлись воинскими символами, которые следовало защищать. В 1660 г., в боях под Чудновом, польский ротмистр Карчевский отобрал значок у «татарского хорунжего», однако прискакавший на место происшествия мурза забрал значок у поляка и едва не убил *байрактара* за допущенную им утрату [237, с. 147].

Согласно имеющимся источникам, известно, что поднятие

бунчука вверх сигнализировало о начале атаки. Эвлия Челеби писал о боях крымских татар с русскими: «воины ислама тоже повернулись в их сторону вместе с бунчуками своих отаг⁵» [223, с. 245].

После поднятия бунчука воины шли в бой, после чего, вероятно, решающая роль в управлении войсками переходила к значкам, *наккаре* и голосовым командам. Об этом можно судить по эпизоду битвы под Зборовом, связанному с атакой крымских татар на левое крыло польской армии. Крымцы подступили к противнику, засыпая его ливнем стрел. Командир одного из крымских «полков» Адиль-мурза оторвался от своих воинов, подскочив к польским шеренгам, продолжая при этом вести лучный бой, и был взят в плен. Что он был командиром, поляки узнали благодаря тому, что при нем обнаружили бунчук [277, с. 192]. Между тем подчиненные Адиль-мурзы продолжили организованно сражаться без него.

Управление воинами с помощью коротких и емких голосовых команд занимало важное место в крымскотатарском военном деле. Некоторые из этих команд известны нам благодаря источникам. Автор «Виршованной хроники» сообщал, как в 1666 г. вышедший из Меджибожа польский отряд напал ночью на отряд Суина Гази-аги. Однако, даже застигнутые врасплох, татары не растерялись. «Krzyczy, wrzeszczy: «Atlan, atlan, kajt, kajt, hała hała, hała» [147, с. 73] («Кричат, верещат: «По коням, по коням, возвращайся, возвращайся, Аллах, Аллах, Аллах») – так командиры сумели оперативно собрать своих воинов и организованно отступить за ближайшую возвышенность. Воспользовавшись тем, что поляки, почувствовав себя в безопасности, увлеклись грабежом *коша*, татары вернулись и разбили противника. Тот же автор сообщал, как военачальники быстро отводили воинов: «когда в нужное время крикнет «Кайт, кайт!» (т. е. «возвращайся»),

⁵ От-ага – начальник походной колонны.

то одновременно отступают» [75, с. 279]. По словам польского историка А. Чоловского, в 1695 г. в битве под Львовом громкие татарские приказы «*kajtawu! kajtawu!*» (вероятно, имелось в виду слово «кайтув» – возвращение) доносились до самих городских стен [705, s. 43]. Во время нападения отряда князя М. Вишневецкого татарский лидер «Рудаш кричит своим, чтобы достали коней и чтобы мужественно гяуров отражали из луков» [615, с. 195].

Де Тотт сообщал, что «у татар каждой орды есть свой лозунг, на который отвечали их товарищи при дележе добычи. Слово *Аксерай* — белый дворец — служило лозунгом ханского двора» [93, с. 170]. Предположим, что пароли использовались не только для дележа добычи, но и в бою или для сбора войска.

Воины следили также за движениями самих командиров. «Скорость, с которой татарские подразделения строятся в ряды, впечатляет, ибо они не только подчиняются командам своим вождей и начальников, но также реагируют на каждое движение их рук, и даже самого вида кнута (что является их старым обычаем) достаточно для водворения порядка. Они до такой степени дисциплинированы, что в случае возникновения необходимости сами чрезвычайно быстро строятся в ряды», – отмечал М. Броневский [232, s. 84]. Эвлия Челеби писал: «Татарские воины по заранее условленному знаку, поданному руками, сделали вид, что собираются стрелять из пушек и ружей» [223, с. 231].

Насколько умело мурзы и аги руководили своими войсками, видно на следующем примере. Описывая марширующее татарское войско в 1692 г., С. Я. Яблоновский писал, что даже шведы не могли бы двигаться лучше, чем татарская конница [252, s. 290]. Стоит согласиться с Л. А. Бобровым, считавшим, что «одной из ключевых причин эффективности тактических действий крымско-татарских армий XVI–XVII вв. была близкая к совершенной система руководства в бою» [356, с. 332]. Способность быстро сменить направление атаки или уйти из-под удара противника в сочетании с высокой скоростью

передвижения давала крымскотатарским военачальникам возможность успешно противостоять менее маневренному противнику.

3.5. Крымская конница в боях с вагенбургом

В тактическом отношении уже с начала XVI в. наиболее опасным противником для преимущественно легковооруженных крымских татар были всевозможные полевые укрепления – в первую очередь вагенбург (табор), а также гуляй-город, шанцы, валы и т. д. Подобные укрепления представляли собой серьезное препятствие для любой конницы. Тем более это было актуально в отношении крымской армии, почти не имевшей огнестрельного оружия. Во время Крымского ханства было распространено мнение, что пехота с «вогненным боем», опираясь на полевую фортификацию, представляла собой практически неодолимого противника для ханских ратей. В 1628 г., комментируя планы запорожцев выступить на Крым, каштелян краковский Е. Збаражский писал, что, если казаки пойдут «табором, ружейно, с хорошей артиллерией», то татары ничего не сумеют им сделать [270, s. 138]. И все же постоянное использование вагенбурга войсками соседних стран побуждало крымскотатарское командование искать способы борьбы с ним.

Табор представлял собой возы, поставленные в несколько шеренг (казацкие таборы обычно ставились в глубину от 5–6 до 12 возов). Дабы помешать опрокинуть или раздвинуть возы, а также для защиты от стрелкового оружия и ядер на них ставили мешки с землей и песком или засыпали их. С целью усиления защитных свойств возы также сковывали друг с другом цепями. Геометрически таборы представляли собой прямоугольники, треугольники, круги – в зависимости от местности и тактических соображений. Вагенбург давал столь надежную защиту, что воинские контингенты передвигались в нем на марше. В возы (на коих размещались стрелки

и легкие пушки) запрягали коней, а между рядами возов («таборными улицами») и в центре самого табора маршировали войска. Это превращало вагенбург в настоящую передвижную крепость, для овладения которой требовалось приложить немало усилий [768, s. 202–208; 715, s. 55–69]. Об эффективности вагенбурга свидетельствует в частности успешное применение его гуситами против немецких рыцарей во время Гуситских войн (1419–1434). Таборы иногда применялись самими крымскими татарами, как это было, например, во времена Сахиб-Герая I. Однако из-за низкой маневренности подобных укреплений крымцы со второй половины XVI в. применяли их все реже и реже. Ногайцы же, часто сталкиваясь с боеспособной калмыкой конницей, и в XVIII в. практиковали сооружение табора для ограждения себя от атак противника [356, с. 314]. Так, в 1736 г. в междуречье Кубани и Урупы кубанцы, отбиваясь от калмыков, «сделали себе защищение из арб и телег, поставив оные в три ряда» [651, с. 56].

На каждый случай успешного прорыва атакующих за возы приходились множество таких, когда атака захлебывалась под огнем защитников табора. «Разорвав» линию возов, воины были вынуждены двигаться по лабиринту «таборных улиц» и идти на приступ следующей линии возов [715; s. 154–156; 698, s. 89]. Лишь в единичных случаях прорыв линии возов приводил к захвату всего вагенбурга и гибели оборонявших его сил.

Уже с начала XVI в. табор, занимаемый пехотой и артиллерией (первоначально – еще немногочисленной), используют в боях против крымских татар польско-литовские военачальники. На левом крыле польско-литовских войск в битве под Сокалем в 1519 г. был расположен литовский табор [166, с. 106]. О значении табора говорило то, что в первой половине XVII в. польские военачальники, по словам Е. Теодорчука, «никогда против татар без табора не выступали» [853, s. 468]. Татары и молдаване (также представлявшие собой преимущественно легковооруженную конницу) были единственными

ми, в боях с кем польская наемная пехота первой половины XVI в. использовала вагенбург [696, s. 346]. Маневренность и боеспособность крымской конницы вынуждали в борьбе с ней не полагаться на одну лишь кавалерию, а использовать полевую фортификацию как опору боевого порядка.

Комментируя поражение корсуньского и чигиринского старосты С. Даниловича в бою с Кантемиром в 1636 г., П. Пясецкий указывал, что староста мог «татар, неожиданно напав, разгромить и мог бы это устроить, если бы по совету старых воинов и казаков, став табором в лагере, конно наступал, не отходя далеко от таборов, мог бы выманить в поле татар и с ними безопасно биться, а с усилением татарской мощи к укрепленным таборам отступил бы. Но он, проигнорировав совет ветеранов, далеко от таборов в поле вышел с одной лишь конницей, где неожиданно татарская масса его окружила» [280, s. 239].

Постоянное использование вагенбурга позволяет усомниться в правдивости стереотипа о том, что татары всегда избегали боев с противником. Если это действительно так, то почему противник сам замедляет собственные войска возами, назначение которых и состоит в том, чтобы отражать вражеский натиск? В 1618 г., после отражения яростных атак на польские табора под Оринином и ухода татар вглубь Польши за ясырем, С. Жолкевский предлагал войсковому колу оставить тяжелые возы и преследовать неприятеля налегке, однако уstraшенные поляки отказались лишать себя такой защиты и, как следствие, не смогли помешать действиям загонов. Отвечая на нападки критиков, утверждавших, что он должен был дать открытую битву татарам, а не сидеть в таборе, Жолкевский писал: «Если на нас, в крепком месте стоявших, татары так упорно напирали, чтобы случилось, если бы немного от своих твердынь отошли? Сразу мы были бы окружены, а затем погибли» [313, s. 297]. По замечанию С. Маскевича касаясь Орининской кампании, «тот поганин значительный и большой вред учинил, как никогда до того, ибо

все люди на наш обоз в поле положились как на твердую крепость против того неприятеля» [274, s. 105]. Иными словами, вместо рискованных действий в поле, способных упредить набег, королевское войско предпочло пассивную оборону.

Крымские полководцы, имея дело с табором, были вынуждены считаться с его силой. Посему наряду с открытым штурмом (а то и вместо него) защищающие его войска предпочитали ослаблять, используя тактику «выжженной земли» и блокаду. Впрочем, не всегда была возможность избежать боя. При каких обстоятельствах военачальники решались на штурм? Одним из способов справиться с табором была атака на марше [141, с. 15]. Хотя и движущийся табор было чрезвычайно трудно захватить, однако в движении возы еще не были сцеплены между собой, что давало возможность прорваться между ними и конями. Боплан писал, что когда идущие в таборе казаки замечали татар, «то дают сигнал и табор останавливается» [44, с. 243].

При этом, как сообщает другой польский источник, орда в Корсуньской битве, «на табор напав, так напирала, что коням в возах головы секла, а других стрелами убивала» [694, s. 119]. Из этого примера видно, что целью атак были кони, что неудивительно, ибо именно они тащили возы. Полякам приходилось останавливаться, чтобы заменить убитых и раненых коней на свежих. Это задерживало их движение и позволило подойти войскам Б. Хмельницкого, совместно с воинами Тугай-бея разгромившим противника.

В 1684 г. под Скалой татары атаковали выходивший из леса табор из 120 легких возов, занятый 1 тыс. казаков. Казаки не успели подготовить вагенбург к бою, развернуть возы и сцепить их между собой, благодаря чему татары прорвались внутрь. Натиск был столь стремителен, что часть казаков, бросив табор, побежала в лес. Лишь узнав о подходе свежих польских сил к полю боя, татары отступили [840, s. 225]. Битва под Скалой также является примером успешного «разрыва» табора при обеспечении фактора неожиданности.

При небрежном отношении противника к несению стражи можно было надеяться на успех атаки. Боплан отмечал: «Если же татары заметят казаков первыми, застигнув врасплох, татары бросаются приступом на табор» [44, с. 243]. 29 августа 1621 г. под Хотинском буджацким татарам удалось застать врасплох одну казацкую хоругвь, расположенную на ночлег в таборке (небольшом таборе), рубя спящих врагов [282, с. 124–125; 806, с. 87].

Крымские татары были известны тем, что предпочитали атаковать врага, обходя его фланги или нападая с тыла. Подобная же тактика иногда применялась и при нападениях на табор. Хотя теоретически вагенбург и был приспособлен для обороны со всех направлений, однако нам известны случаи, когда обход приносил свои плоды и в противостоянии с ним. Во время боев под Белой Церковью в 1651 г. польско-литовское командование даже намеренно усилило тыльную стражу табора, ибо «оттуда чаще всего нападала орда» [236, с. 304–305]. В 1633 г. в битве под Каменец-Подольским буджакцы ударили польской армии во фланг. Польский историк Л. Подхородецкий писал: «Внимание коронных войск было обращено на бои в центре, полк Одживольского не сменил фронт и был застигнут врасплох и смешан. Среди суматохи татары разорвали таборок с пехотой и ворвались в тылы полка Любомирского» [804, с. 51]. Лишь переброской снятых с других участков фронта подкреплений польскому командованию удалось остановить натиск татар. Эта атака оказалась единственным эпизодом битвы, когда дело дошло до рукопашной схватки.

Под Корсуном в 1648 г. «на тыл табора всей мощью наступали татары», в то время как казаки атаковали фланги [277, с. 120]. Казацкие табора между Варвой и Лохвицей 1 декабря 1658 г. были атакованы татарами, напавшими с тыла, однако атаки были отражены [333, с. 124]. Согласно сообщению П. Гордона, в битве в Черной долине 16 мая 1689 г. крымские татары наступали, «нападая вдоль тыла армии по нашу ле-

вую руку, они набросились на крайних, состоявших из двух многолюдных казацких полков, чей тыл не имел надежной охраны и не был огражден подводами. [Татары] прорвались, перебив много людей и еще больше лошадей и скота» [65, с. 41–42]. Впрочем, против подготовленного к атаке противника такие нападения помогали редко. Например, в битве под Каланчаком в 1628 г. буджацкие ногайцы атаковали казацкий табор с тыла, но были отражены с большими потерями [730, с. 25].

Защитников табора стремились выманить за собой в поле и затем атаковать [816, с. 61; 65, с. 395]. Если возможностей для использования каких-либо иных приемов не было, крымское командование решалось на фронтальную атаку вагенбурга. В битве под Рени 31 декабря 1683 г. крымские татары штурмовали табор, гоня перед собой стадо скота [658, с. 168]. Атаки на вагенбург часто проводились холодным оружием. С саблями крымцы (вместе с поляками) бросались на московский табор, отступающий от Любара к Чуднову в 1660 г. [738, с. 56]. В том же году под Слободищем крымские татары «завопили на свой манер так, что задрожал воздух, и как рой пчел с большой яростью двинулись на табор с обнаженными саблями в руках» [241, с. 58]. 19 сентября 1620 г. в Цецорской битве им удалось окружить один из польских таборов, состоявший из 200–300 возов, защищавшихся 700 пехотинцами [768, с. 183]. После пятичасового боя «татары правый табор вырезали, четыре пушки забрали» [308, с. 210]. В Корсуньской битве 1648 г. крымцы верхом подсакивали к движущемуся вагенбургу и саблями бились с его защитниками прямо над возами [694, с. 206].

Преодолеть линию возов, защищенных ружейной пехотой и драгунами, было чрезвычайно трудно, и большинство таких атак успешно отбивались защитниками вагенбурга. Тем не менее в ряде случаев лобовой натиск приводил к успеху. Как вели себя крымские воины при штурме табора? Так как главной задачей табора было создание труднопреодолимого препятствия между его защитниками и атакующей стороной,

последней следовало расчистить пространство для наступления. Крымские татары стремились проделать проходы сквозь линии возов. Для этого одни воины вступали в бой с противником, другие старались опрокинуть возы или оттянуть их в сторону. Так поступали и польские воины при штурмах казачьих таборов [470, с. 82–83].

В описании Причерноморья, составленном неизвестным турецким автором в 1740 г., борьба с табором описывается так: «казаки для защиты загораживают свой стан составленными в круг возами, позади которых располагают стрелков с ружьями, чтобы помешать татарам захватывать и уводить пленных. Подобные препятствия татары старались разобрать руками, если это было возможно» [69, с. 143–144]. Во время штурма гуляй-города под Молодями 2 августа 1572 г. «татаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками; и тут многих тотар побили и руки пообсекли бесчисленно много» [47, с. 274]. О стремлении расчистить пространство для атаки на противника писал И. Т. Посошков: «Татары, приезжая к рогаткам, хватают крюками за рогатки и разволакивают, а иные и саблями их рубят» [175, с. 262].

Когда же удавалось проделать брешь в рядах возов, в табор вривалась конница, скачущая по «таборным улицам» и рубящая противника. Польский очевидец писал о Корсуньской битве: «Татары по нашим трупам таборными улицами ворвались в табор, секли, били и остаток табора разгромили, бросились на добычу. Тогда каждый уходил как мог» [277, s. 120–122]. Бои внутри вагенбурга часто носили ожесточенный характер: его защитники бились отчаянно, желая выбить неприятеля из укрепления. Так, в 1657 г. в битве под Трембовлей, после того, как крымские татары ворвались в венгерский табор, «таков де бой был, что... ножами резались» [481, с. 29].

Впрочем, мощь и сила атак еще не гарантировали победы. В 1589 г. у речки Каменки хан Гази-Герай II атаковал запорожский табор: «на нас потопом шел, чего мы перед тем в битвах никогда не видели, такой силы и смелости того непри-

ителя». Однако казаки не только отбили атаки, но и вынудили противника отступить [494, с. 197–198; 381, с. 135–140]. Прорыв в вагенбург не всегда приводил к успеху. Во время выдвижения турецко-крымских сил к Хотину в 1621 г. крымцы обнаружили у Радавца отряд запорожцев не более чем в 300 человек, засевших в вагенбурге. Крымские воины ворвались в него, но не сумели закрепить достигнутый успех и были выбиты оттуда. Лишь после того, как хан Джанибек-Герай I запросил помощи турок, запорожский отряд был уничтожен [564, с. 65–66].

В тех редких случаях, когда татары имели превосходство в артиллерии, она также способствовала победе над табором. Так было в Топракской битве 1629 г., где, вероятно, именно турецкие пушки пробили брешь в стене казацких возов, что позволило татарской коннице ворваться в табор и нанести поражение противнику [89, с. 342; 689, с. 98–99]. В битве под Рени (31 декабря 1683 г. – 4 января 1684 г.), по словам крымского хрониста Мехмед-Герая, сам хан Хаджи-Герай II встал у орудия, ведя огонь по пушкам в казацком таборе [259, с. 319].

По занимавшим позиции за возами воинам велась стрельба из луков. В битве под Корсунем 1648 г. крымские татары с «большим воодушевлением густой тучей стрел наших поражали, а затем там, где шеренга возов осталась без защиты, всю сторону прорвали» [694, с. 176]. «Поутру [венгры] продолжали марш и целый день подвергались яростным налетам татар, кои стремились сломить их и вынуждали делать частые остановки. Множество было убито и ранено с обеих сторон, но больший урон несли венгры, ибо татары, проносясь мимо, выпускали такие тучи стрел, что меркнул свет» – так выглядели бои между армией хана Мехмед-Герая IV и трансильванским войском 26 июля 1657 г., по мнению П. Гордона [61, с. 120–121].

Лучный бой в боях с вагенбургом был менее эффективен, чем в полевой битве. Возы служили надежной защитой для

укрывшихся за ними солдат, что вынуждало крымцев больше полагаться на рукопашный бой. По табору приходилось стрелять навесом, что снижало точность и урон. Боплан писал, что «встречал несколько раз в степи [отряды] татар, численностью доброй полутысячи, которые атаковали наш табор, и, хотя меня сопровождало всего 50–60 казаков, они ничего не смогли с нами сделать; равным образом и мы не могли осилить их, так как они не приближались к нам на расстояние выстрела. Сделав несколько притворных попыток атаковать нас и осыпав тучей стрел, летевших на наши головы, так как они посылают стрелы дугообразно, вдвое дальше предела досягаемости нашего оружия, они удалялись» [44, с. 244–245]. В 1649 г., во время осады Збаража, крымцы пускали на валы множество стрел, не причинивших полякам значительного урона [276, с. 449]. В 1667 г. крымские татары и казаки подступили к городку Буше. Местные жители спрятались в костеле, окруженном валами. Ханские воины обстреливали их навесом, посылая тучи стрел за валы. Однако это не нанесло сколько-нибудь ощутимых потерь защищавшимся [771, с. 88–89].

Главной силой защитников табора был огонь, следовательно, после истощения запасов пороха и пуль он становился уязвим для противника. В 1612 г., в битве под Сасовым Рогом, поляки «защищались еще в таборе с пехотой, пока им пуль и пороха хватало, на рассвете же подошли татарские полки и разорвали табор, с товарищества и десятка живых не вернулось» [810, с. 106–107]. Успех крымских татар в боях с казаками под Рени в январе 1684 г. не в последнюю очередь объяснялся тем, что казаки успели истратить порох в предшествующих боях. По словам союзника казаков молдавского господаря Стефана Петричейку, «против них (т. е. крымских татар. – Прим А. Ш.) нельзя было устоять... ибо целое казачье войско без пороха было» [660, с. 340–341].

В 1698 г. в бою в окрестностях Азова ногайский отряд окружил 15 русских, которые «билися из ними из обозу». Ногайские всадники кружили вокруг табора, периодически на-

летая на него, вынуждая защитников тратить порох. По словам русского участника боя, «как де не стало у них Сенки с товарищи пороху и пулек и отпору от себя давать стало нечим», ногайцы взяли таборок [49, с. 290]. Подобная тактика была успешна в плане сбережения человеческих жизней (погибло лишь 2 ногайцев и 8 русских), однако являлась весьма затратной по времени – на бой с полутора десятками русских у значительно большего числа ногайских воинов ушло 5 часов. Еще в 1769 г., во время последних в истории крымских набегов на Россию, бывали случаи, когда при действиях против малых укреплений крымцы «прибегали к тактике выматывания осажденного противника ложными атаками, заставляя его расходовать боекомплект, а затем шли на штурм» [412, с. 78].

Особенно большое значение при атаках на табор имел боевой дух сторон. Если защитники укрепления будут сражаться до последнего, штурм, даже если и окажется успешным, обернется громадными потерями. По этой причине именно с деморализацией обороняющихся войск связаны практически все крупные победы над табором. Недаром в 1572 г. под Молодьями «Дивей-мурза с нагаи сказався царь похвально и рек: “Яз обоз русской возьму; и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием”. И прилазил на обоз многажды, чтоб как разорвать» [167, с. 225]. В битве под Бужином в 1662 г. крымцы раз за разом ходили на приступ вагенбурга. Первыми бежали левобережные казаки, а затем и русские воины, «видя их многолюдство и напуски жестокие, дрогнули и почали садитца в суды», начав переправляться через Днепр. Прикрывавший бегство царских ратников арьергард был полностью истреблен [334, с. 61–68]. Позднее, в том же году, на реке Суле крымские татары атаковали Нежинский казацкий полк. Казаки не смогли противостоять стремительному натиску орды. Как писал Ромодановский, черкасы Нежинского полка, «покинув обоз, побежали, и татаровя в обоз въехали» – так описывал успешный приступ крымских татар к казацкому табору И. Б. Бабулин [334, с. 69–72].

В число кампаний, в которых оборона табора была сокрушена благодаря моральному перевесу над противником, можно отнести действия Адиль-Герая против молдавского войска господаря Арона Тирана в 1595 г. [314, s. 61–62] и разгром армии валашского господаря Константина Щербана отрядами калга-султана Гази-Герая в 1661 г. [113, с. 157–158]. В битве под Пилявцами в 1648 г. деморализованные прибытием к казакам татарской помощи поляки не сумели удержать табор – союзные казацко-татарские войска взяли его, овладели шанцами и захватили всю неприятельскую артиллерию [276, s. 206–207]. Известен разгром польского табора в Цецорской кампании 1620 г. – польские войска, расположившиеся у Днестра, запаниковали и были быстро сметены войсками калга-султана Девлет-Герая и Кантемира [768, s. 216].

Крымские военачальники не брезговали и обманом противника. В 1657 г. в битве под Трёмбовлей, желая поскорее овладеть трансильванским табором, командование ханской армии вызвало венгерских полководцев на переговоры и задержало их, после чего вагенбург был взят в ходе часового боя.

Вагенбурги использовались русскими даже в последние годы существования Крымского ханства. В бою у села Арамкой (20–26 октября 1777 г.) крымские татары постоянно атаковали отряд секунд-майора Тунцельмана, подвергая его ружейному и артиллерийскому (они захватили у русских 4 пушки) обстрелу. Под прикрытием орудийного огня «татары принялись сооружать апроши (извилистые узкие рвы с внешней насыпью) на подходах к русскому вагенбургу, готовя последний приступ по всем воинским правилам» [413, с. 219]. Лишь подход 26 октября гренадерского батальона подполковника де Ласси спас изрядно поредевший отряд Тунцельмана от уничтожения (сам секунд-майор получил два пулевых ранения). При этом «обоз к тому времени был совсем разрушен, осажденные уже неделю не имели воды и очень ослабели, а уйти никуда они уже не могли – все лошади и мулы были перебиты». Другой русский отряд под Судаком 19 октября 1777 г. был окружен крымцами,

которые для штурма укрепления «строили апроши, готовили бочки, щиты и возы» [413, с. 219–220].

Благодаря своей устрашающей мощи табор стал символом, своего рода могущественным драконом, победа над которым была свидетельством настоящей доблести и таланта. Сколь сильным было впечатление, производимое вагенбургом, видно по желанию Джанибек-Герая I заручиться поддержкой запорожцев при планируемом походе на Кантемира, ибо хан «хорошо помнил, как о сомкнутые шеренги запорожской пехоты разбились яростные атаки буджацких воинов» [715, s. 69]. Перед выступлением в набег на польские земли в конце 1643 г. крымским военачальникам предписывалось «на табор и польские войска не наступать» [279, s. 45]. В 1655 г. в битве под Охматовым, в то время как польская армия предприняла сильную (и поначалу успешную) атаку на русско-казацкий табор, крымские татары так и не пошли на штурм вагенбурга [686, s. 50].

Желая подчеркнуть свою удаль, крымские военачальники хвастали тем, что «разорвут табор» противника. В 1618 г. калга-султан Девлет-Герай «пошел к литовским людям, похвалясь, напромо, а хотел табор разорвать у литовских людей». Провал атак не помешал калга-султану в письме к русскому царю Михаилу Федоровичу заявить: «От города от Каманиса за две мили стоят, отаборясь и окопався рвы, литовские люди. И мы, калга царевич, с нашими ратьми со сто тысячами, прося у бога милости, пошли на литовские таборы и многих литовских людей предали есмя нашей сабле и живых многих поимали» [82, с. 242]. Девлет-Герай специально подчеркивал, что он знал о размещении неприятеля в вагенбурге и тем не менее, напал на него. Позднее, участвуя в переговорах с князем С. Корецким под Цецорой в 1620 г., калга-султан вновь заявил, что под Оринином поляки так и не осмелились дать полевою битву татарам [250, s. 106]. В 1623 г. в разговоре с польским послом К. Кварзовским Джанибек-Герай I указал на разгром польского табора в 1620 г. как на наглядную демон-

страцию силы татар и их способность бороться с «огнистым войском» [89, с. 277].

Вагенбург, бывший настоящей головной болью для крымского командования, стал для него объектом весьма своеобразных насмешек. Уважая и трезво оценивая устрашающую мощь «огнистого люда», стоявшего за линиями возов, ханские военачальники отводили душу, заявляя, что противники прячутся от прямого столкновения за возами, избегая «настоящей» битвы в открытом поле. Натыкаясь на врагов, не желавших сражаться вне укреплений, крымские татары декларативно объявляли их трусами.

Об этом писал Девлет-Герая I царю Ивану Грозному о битве под Молодями: «Рать наша прямо с твоею ратью хотели делати. И хотенье их то было, и мы не ослободили. А твоя рать, вшедчи в город, свою голову оборонили. И со страхов дети боярские и пригодные люди твои всяк о своей голове колодези де копали: толко б из города вышли, – наша б рать, против став, бились. Хотя б и в городе твоя рать стояла, обороняв свои головы, хотели наши с ними делати» [173, с. 140]. Хан гордо заявлял, что русские попросту боятся сойтись с его воинами лицом к лицу, предпочитая вместо настоящего, «прямого» боя терпеть жажду и голод в гуляй-городе. Бравада Девлет-Герая весьма любопытна, как попытка списать поражение на «трусость» противника.

Джанибек-Герая I в июле 1619 г. писал московскому царю Михаилу Федоровичу о боях под Ориным: «Они (т. е. польские подвезды. – Прим. А. Ш.) съехались с нашими караулы и утекли от наших людей в свои таборы. И польские люди, убоявся от наших людей, около табор своих покопали рвы» [82, с. 241], то есть хан представлял оборону поляков в таборе как доказательство их трусости. Мы полагаем, что сила крымских и ногайских атак позволила воинам Девлет-Герая и Кантемира сохранить моральное превосходство над поляками даже после отражения приступов. Увидев, сколь силен напор противника, польские воины более не решались выходить из

табора, не надеясь справиться с крымцами в поле. Польский современник событий С. Маскевич с негодованием писал, что после битвы татары «среди бела дня мимо нас двинулись и вглубь земель пошли за 3 мили от лагеря, а наши повели себя не как рыцарские люди, а как бабы настоящие, и ни один не посмел из лагеря выступить к ним» [274, s. 104–105].

Сефер Гази-ага в письме канцлеру коронному С. Корыцинскому под Жванцем в ноябре 1653 г. укорял поляков в том, что они спрятались в лагере вместо того, чтобы сражаться в поле [99, с. 268]. Везирь писал, что «хан удивляется тому, что польский король, такой великий и славный монарх, со своими войсками в углу сидит, не давая битвы в поле, желая скорее терпеть опустошение собственной земли, чем отважно встретиться с неприятелем» [276, s. 703].

В 1595 г. Гази-Герай II говорил молдавскому посланнику во время переговоров под Цецорой, что «если бы не окопы, без проблем уничтожил бы польские отряды» [822, s. 63].

В какой-то степени к примерам подобного рода можно отнести и первый день боев под Берестечком (28 июня 1651 г.). Ян II Казимир расположил конницу под прикрытием шанцев, ожидая атаки крымских татар. Однако те не спешили браться в бой на невыгодных для себя условиях, пытались выманить неприятеля из-под шанцев, словесно провоцируя его. Крымцы гарцевали по полю, крича полякам, что те трусливы и боятся открытого боя [815, s. 155]. Объектом таких шуток не были запорожцы, чье войско было в первую очередь пехотным, но преимущественно конные формирования поляков и русских. Именно то, что конница укрывается в таборе подобно пехоте, не давая битвы в поле, давал крымским всадникам повод заявлять о собственном превосходстве.

Вагенбург и иные виды полевой фортификации были чрезвычайно опасным противником для крымских татар (как и для любой другой кавалерии). Большинство атак на них отражались защитниками. Однако в ряде случаев, умело используя обстоятельства и местность, крымское войско «раз-

рывало» табор и захватывало укрепления противника. Атаки на вагенбург не были хаотичными и беспорядочными, представляя собой хорошо продуманные действия. За всю историю Крымского ханства лишь в нескольких случаях удалось не только «разорвать» табор, защищаемый крупными силами, но и уничтожить его. Сам факт наличия таких случаев положительно характеризует боеспособность татарской конницы [725, s. 167], так как успешно атаковать укрепление, занятое бойцами с «вогненным боем», раздвинуть возы под градом пуль и пробиться внутрь, сметя противника, могла лишь армия, обладающая высоким боевым духом и уверенностью в собственных силах.

3.6. Потери крымского войска в боях

Одним из показателей эффективности войска Гераев является расход человеческих жизней, допускаемый крымскими военачальниками. Мы полагаем, что масштаб и частота крымских походов в сочетании с небольшими размерами населения Крымского ханства обуславливали бережное отношение командования к своим войскам. Крымскотатарские полководцы делали ставку не на подавление массой или «заваливание трупами», а на умелое маневрирование и тактические хитрости. Вопрос о «цене победы» является важным для понимая успешности используемой армиями Гераев тактики на поле боя.

Крымскотатарское войско XV в. сильно отличалось от той армии, которой располагали полководцы Золотой Орды. Золотоордынская армия включала в себя тяжелую конницу и более многочисленные подразделения легкой кавалерии, собранные со всей территории огромной империи, раскинувшейся от Дуная до Южной Сибири. Ордынские военачальники располагали армиями, насчитывавшими нередко по 15–20 *туменов*, сводимых в *кулы* (корпуса по 3–5 *туменов*) [444, с. 30]. Крымский улус в золотоордынской военной организации занимал скромное место – он должен был выставять

один *тумен* (по штату – 10 тыс. воинов) [444, с. 25]. При Хаджи-Герасе I все еще существовал Крымский *тумен*, возглавляемый ширинским беем Эминекком (стоит согласиться с А. И. Галенко, считавшим, что это было свидетельством малочисленности ханской армии [393, с. 226]).

Хотя историки не располагают точными данными о населении ханства, большинство их согласно с тем, что счет шел на сотни тысяч, ввиду чего диспропорция между Крымом и его основными противниками – Речью Посполитой и Россией, имевшими миллионы жителей, была чудовищной. Я. Е. Водарский оценивал население России в 1678 г. в 5,6 млн. человек, а в 1719 г. – 7,8 млн. человек [384, с. 192]. Даже во владениях отдельных польских магнатов могло жить население, по численности сравнимое с населением Крыма. К примеру, под властью князя И. Вишневецкого в Украине к 1647 г. проживало 288 тыс. человек [831, с. 92], С. Конецпольского – 120 тыс. [803, с. 356]. Население украинских земель, находивших под властью Речи Посполитой, по оценке А. И. Барановича, к 1629 г. составляло 4,4 млн. человек [338, с. 210–211]. По мнению Н. Яковенко, в первой половине XVII в. население Волыни составляло 680 тыс. человек, Киевщины – 500–550 тыс., Брацлавщины – 400–450 тыс. [679, с. 88]. Все население Речи Посполитой на 1580 г. составляло 7,5 млн. человек, а в середине XVII в. – 11 млн. человек [763, с. 211]. Из всех соседних с Крымом государств сопоставимое по численности население имело лишь слабое в военном отношении Молдавское княжество. По переписи 1591 г. в нем находилось 47 тыс. сельских дворов (в селах проживало 90% на­родонаселения), всего около 300 тыс. жителей, в 1772–1773 гг. – 98 тыс. дворов [519, с. 219, 388].

Из-за сравнительно малого числа подданных крымские ханы призывали куда большую часть населения, чем правители соседних государств. В польско-турецкую войну 1672–1676 гг. Речь Посполитая мобилизовала 0,4% населения, Турция – 0,1% [839, с. 311]. Крымское же ханство в конце XVII

в., по мнению М. Вагнера, выставяло полевую армию в 20–30 тыс. воинов при населении в 300–400 тыс. человек, то есть 5–7,5% всего населения [837, с. 97].

Успешное противостояние малочисленного крымскотатарского народа громадным северным соседям вызывало удивление у современников ханства и историков. А. М. Фредро считал, что «детским пугалом по населению и небольшим размерам страны была татарская мощь по сравнению с нашей Польшей», полагая, что одно лишь Заднепровье (т. е. Левобережная Украина) может превосходить ханство площадью земель и населением [287, с. 233]. Ю. Крижанич писал: «Они безмерный срам наводят на наше государство тем, что, будучи малочисленным, убогим народцем, принуждают столь великое государство к некоторой денежной повинности, к покупке мира деньгами» [347, с. 81]. Спустя почти век после присоединения Крыма к России В. Х. Кондараки отмечал: «Глубокомысленный читатель без сомнения придет в изумление, каким образом такая обширная и могущественная страна, как Россия, могла переносить подобные своевольства и раболепно подчиняться прихоти ничтожного в сущности народонаселения Крыма» [462, с. 24]. О. Гурка подвергал критике взгляд на Речь Посполитую с 6–9 млн. жителей как «стену христианства» от «татарского нашествия», представлявшего собой 200–250 тыс. мусульманского населения [728, с. 294]. Даже донские казаки в своих набегах на Крым были вынуждены учитывать его размеры: как правило, они стремились ограничить масштаб разорений, чтобы им было что грабить в следующий раз, в то же время «жестокости в Турции были, судя по всему, традиционные для казаков» [480, с. 388–389].

Считаем, что скромная численность населения определяла довольно бережливое отношение крымского командования к собственным силам. На протяжении всей истории ханства крымскотатарские полководцы по возможности избегали значительных потерь. Этому способствовало и то, что крымцы были легко снаряжены и обладали высокой скоростью пере-

движения, что позволяло уклониться от боя при невыгодных для себя обстоятельствах. Так, гетман М. Ханенко в письме Я. Собескому от 13 сентября 1671 г. писал о взятии Брацлава, что татар едва сотня убита, что неудивительно ввиду их быстроты [238, s. 145]. В 1675 г. хан Селим-Герай I говорил турецким пашам, советуя им не идти на Львов: «Я, татарин, могу удобно убежать, саблю и сайдак с плетью у себя на коне имея; а вы с такими тягостми, зашед за переправы, все пропадете» [22, с. 355]. Этому же хану польская поэма о «походе Собеского на чамбулы» 1672 г. приписывает надежду набрать полон в Польше и уйти к Перекопу, не пролив при этом ни одной капли крови своих людей [275, s. 23]. За всю историю Крымского ханства ни разу в крупной битве крымское войско не было уничтожено (если не брать в расчет мифы о его «уничтожении» под Молодями в 1572 г. или Канжалом в 1709 г.). Даже в наиболее выдающейся операции польских войск против крымских татар в XVII в. – «походе Собеского на чамбулы» – поляки, невзирая на серьезные военные успехи, ни разу не сумели окружить своего противника [809, s. 371].

Разумеется, когда того требовала обстановка, когда на кону стоял исход войны, если уклониться от битвы не было возможности, ханские военачальники шли на риск, сопряженный с большим уроном для армии. Об этом, в частности, говорят упорные штурмы русского гуляй-города в битве под Молодями в 1572 г. [797, s. 58–68]. Интерес представляет следующий инцидент: в 1627 г. под Валуйками группа русских торговых людей и донских казаков отбивалась «в кустах» от членов крымского посольства. Хотя татары обычно избегали больших потерь, под Валуйками, ввиду того, что инцидент приобретал политический характер, они были готовы биться до конца, невзирая на то, что многие из них могли погибнуть [480, с. 333]. Этот случай показывает, что, при желании, крымцы могли идти на потери.

Менгли-Герай I, стремясь показать, сколь тяжелыми были бои крымских татар с литовцами под Брацлавом в 1498 г.,

сообщал великому князю московскому Ивану III: «Моих людей туто убили 300 человек добрых, а 200 человек молодых» [187, с. 256]. То есть гибель 500 человек была в глазах крымского правителя столь существенным событием, что об этом сообщалось иноземному монарху. Я. Х. Пасек писал: «Я тоже воевал с татарами, но нигде столько трупов татарских, как немецких, московских и других народов, после боя не видел. Триста, четыреста татар, лежащих на поле боя, это уже большая победа, а другие лежат, как деревья в куче» [284, с. 554–555]. С. Освенцим, сражавшийся против крымских татар и казаков под Берестечком, считал, что за три дня боев погибла тысяча татар, что было неслыханным доселе делом [279, с. 347]. Желая подчеркнуть значение одержанной им победы над татарами у Брацлава в 1671 г., Я. Собеский утверждал, что погибло 500 татар [260, с. 690].

И. Т. Посошков по поводу разгрома татарами полка Сварта под Азовом в 1695 г. писал: «А аще бы все умели цельно стрелять, то и на худой конец ста два-три убили бы, то и татарове не смели бы толь смело на целой полк навалиться, а естли бы сот пять-шесть у них убили, то бы они к чорту забежали, что и сыскать бы их негде было. Татарове смелы, как большого урону нет, а егда человек сотницу другую потеряют, то и они шоку свою отворачивают, любят они даром взять» [175, с. 48]. В сражении с польской армией под Панивцами 21 сентября 1688 г., по данным М. Вагнера, погибло 70 татар, 500 было ранено [836, с. 121]. Победа в этом бою привела к подъему боевого духа среди польских войск, на протяжении нескольких лет не одерживавших побед сходного масштаба.

Объясняя, почему он отступил от Молодей, хан Девлет-Герай I писал царю Ивану Грозному: «И будет тебе та твоя рать не надобе, и нам наша рать всегда пособщик» [173, с. 140]. То есть крымский хан не будет понапрасну тратить жизни своих воинов, на что (по его мнению) может пойти русский царь. Не будет лишним отметить, что именно с битвой при Молодах связан современный миф о якобы имевшем

место «разгроме крымских татар», встречающийся даже в работах серьезных исследователей, которых мы не можем заподозрить в предвзятом отношении к истории Крымского ханства. В действительности же ни один источник, подробно описывающий эту битву, ничего не сообщает о панике крымцев, а организованное отступление войск Девлет-Герая I объясняется в русских источниках не «разгромом», а опасением хана подпасть под удар свежих русских войск и «божьим милосердием».

Комментируя пассивные действия крымских татар при преследовании отступающего к Чуднову В. Б. Шереметева, А. М. Мацьков писал: «Нурадин-султан желал минимизировать потери собственного войска, ибо осознание того, что приближаются правобережные полки Ю. Хмельницкого, сигнализировало о затяжном и непредсказуемом характере кампании. Поэтому целиком логично хотел сохранить максимальную боеспособность армии». Впоследствии, уже под самим Чудновым, «Нурадин-султан и мурзы категорически не желали атаковать табор В. Шереметева, подвергаясь опасности. Целесообразнее, по их мнению, было дожидаться, когда противник сам капитулирует» [510, с. 157, 158].

Излишние потери вызывали сильное неудовольствие среди крымских татар. Когда в 1618 г. калга-султан Девлет-Герай самонадеянно атаковал польские таборы под Оринином, по возвращении в Крым его подвергли критике: «колгу осудили, что он на премой бой к табором ходил и людей многих потерял» [82, с. 235].

К тому же и армии ханства в большинстве походов не были столь многочисленны, чтобы подвергать их высоким потерям. Стоит согласиться с мнением О. Гурки, писавшего: «Если историография нашего военного дела оперировала вымышленными десятками или даже сотнями тысяч, то непонятно, почему, имея столь огромный численный перевес, [татары] избегали потерь 2, 3 или несколько тысяч человек для полного уничтожения противника. В реальности это было бы

для них иной раз потерей 1/3 или 1/2 личного состава» [728, s. 290].

Даже в крупных столкновениях потери могли исчисляться сотнями убитых. Хотя в подавляющем большинстве случаев величина их неизвестна, в некоторых битвах их можно определить приблизительно. В этом помогают погребальные обычаи крымскотатарских воинов. Как правило, крымцы сжигали своих убитых, реже – хоронили в земле. В отдельных случаях известно, сколько именно было сожжено погибших (или в каком количестве домов). В 1695 г., после битвы под Львовом, татары по своему обычаю забрали тела убитых с собой. 43 погибших они сожгли в церкви Богоявления, еще около 100 – во время второй ночевки при отступлении от Львова. Сжигали также и в других строениях. Учитывая, что какое-то количество погибших татар осталось на поле боя, польский историк В. Маевский считал, что потери татар в этой битве были приблизительно равны польским, то есть составляли около 400 убитых [772, s. 167–168].

Под Озерной в 1655 г., по мнению Г. А. Санина, крымские татары потеряли 10 тыс. [563, с. 227], однако их урон вряд ли был столь значителен. В бою погибло 500 венгров [760, s. 179]. При этом венгерский командующий Янош Кемени (по собственным словам) имел лишь 4–5 тыс. боеспособных солдат [442, с. 128]. Ханский везир Сефер Гази-ага в письме польскому королю Яну II Казимиру писал о небольших потерях крымцев и в доказательство этого ссылался на маршалка коронного Е. Любомирского, который осматривал поле боя и, очевидно, уже донес об этом королю [90, с. 510].

В XVIII в., во время боевых действий на территории самого Крымского полуострова, крымцы также несли умеренные потери. Так, во время похода Миниха в Крым (1736), сопровождавшегося двумя значительными битвами (в Черной долине и под Бахчисараем) и рядом отдельных стычек, татары потеряли, по словам попавших к русским пленным, не то 700 (из них 500 крымских и 200 ногайских татар), не то 2 тыс.

убитыми [139, с. 121]. В битве под Перекопом в 1771 г. крымские татары потеряли, по данным А. А. Прозоровского, 400 убитыми из 20 тыс. войска (2%) [96, с. 401–402], по мнению запорожского кошевого атамана О. Колпака – 1 тыс. убитыми из 30 тыс. войска (3%) [590, с. 105–106]. Под Берестечком (1651) за три дня боев, по данным польских источников, погибла 1 тыс. татар, то есть около 3% (если принять численность войск в 30 тыс.).

Наше мнение о небольших потерях крымских татар не должно удивлять. Учитывая низкую точность стрелкового оружия и специфику рукопашной схватки, следует отметить, что нанести большие потери в указанную эпоху вообще было нелегким делом. Хотя благодаря художественной литературе и кинофильмам обыватель представляет себе бои как кровопролитное дело, в котором особенно сильные воины убивают врагов пачками, в реальности, судя по источникам, дела обстояли совершенно иначе. Убийство или пленение одним человеком даже 2–3 неприятелей являлось столь необычайным делом, что специально отмечалось в документах командования. Б. Папроцкий при описании татарского набега 1575 г. упоминал храброго татарского мурзу, отбивавшегося от группы поляков и убившего одного за другим 2 из них, а шляхтич Р. Скарбк справился один с 3 татарами [381, с. 65, 69–70]. Известна история ногайца по имени Кара, который в 1754 г. зарубил саблей двух запорожцев, прежде чем был побежден остальными [408, с. 142]. Мирон Костин особо отмечал эпизод битвы под Яссами (1659), в котором буджацкий татарин ударил саблей одного молдавского сеймена, а другого взял в плен [113, с. 159]. В боях под Тихвинским монастырем 20–28 августа 1613 г. царский ратник Л. Плещеев убил 3 противников (2 немцев и 1 литвина), что было особо отмечено в русских источниках [478, с. 230]. В битве под Брацлавом в 1671 г. ротмистр Рушиц взял в плен 3 татар, о чем командующий польской армией Я. Собеский писал в письме королю Михаилу Корибуту [260, с. 669]. Ян III 19 июня 1680 г. писал польскому послу в Риме,

что «29 мая на московские войска, с которым Нащокин обеими сторонами под Киев встал между Лыбедью и Днепром, полторы сотни татар подпали, бывшие в поле стада забрали, а из тех полутора сот одного только москва взяла, который аж под Никольский монастырь через лагерь их погнал, нескольких убил, нескольких ранил» [242, с. 129].

Урон, наносимый пулями, ядрами и стрелами, был незначителен. В эпоху Крымского ханства было нормой разменивать в среднем за бой 100–300 ружейных пуль и от нескольких до нескольких десятков ядер и картечей на одного убитого противника. Во второй день битвы под Берестечком 29 июня 1651 г. одна из массированных атак татарской конницы была отражена огнем польской артиллерии и пехоты, причем от орудийного огня погибло 20 татар (по оценке польского посла в Москве С. Голиньского) [74, с. 253]. Во время первой осады Чигирина турками «9 пушек трижды выстрелили по ним с дальнего берега, они быстро отошли, оставив на песке двух мертвых солдат и четырех лошадей» [63, с. 14]. В битве под Подгайцами в 1698 г. польская артиллерия (12 орудий) произвела 140 выстрелов по татарам, потерявшим, по самой умеренной оценке, 200 убитыми от всех типов оружия [846, с. 110, 170, 171]. В битве при Стуркюро в 1714 г. русская артиллерия (12 орудий) произвела 750 выстрелов по шведским войскам, что приблизительно соответствует общему числу похороненных после битвы каролинеров (730–750 тел) [486, с. 120, 125]. Учитывая ожесточенный характер рукопашной схватки и интенсивный ружейный огонь, полагаем, что на убийство одного шведа в этой битве потратили как минимум несколько ядер. Во время польского похода в Молдавию в 1685 г. в одном бою артиллерия гетмана С. Я. Яблоновского (до 50–60 орудий) выпустила по туркам и татарам 600 картечей, не считая пуль, от чего, по мнению гетмана, будто бы погибло 800 человек [249, с. 256–257]. Учитывая практически неизбежное завышение потерь противника, полагаем, что в реальности соотношение составляло в лучшем случае

несколько картечей на одного убитого. В другом бою этой кампании среди всей массы выпущенных польскими артиллеристами ядер нашлось несколько столь метко пущенных, что ими удалось сбить с коня по 4 и более турецких и татарских всадников за выстрел: эта впечатляющая стрельба была отдельно упомянута С. Я. Яблоновским в его «Правдивой реляции» [249, s. 259].

Ружейный огонь был столь же малоэффективен по части убийств. По словам воеводы брацлавского А. Киселя, когда «сто наших немцев стреляют, одного убивают», хотя при этом Кисель завывшал урон, наносимый казаками (сотня которых будто бы убивала залпом 50 неприятелей) [276, s. 236]. В битве под Клушино в 1610 г. залп польской пехоты (200 человек) и 2 фальконетов убил нескольких противников, ответным залпом было убито 2–3 поляка [826, s. 103–104]. 11 сентября 1621 г. бросок татарской конницы на мост у Хотина был отражен залпом роты польской пехоты (120 человек), при этом погиб 1 татарин и 2 было ранено [282, s. 24; 806, s. 117]. В битве под Гневом 29 сентября 1626 г. одна из атак польской кавалерии захлебнулась под огнем шведской пехоты, шведскими солдатами выпущено 1,8 тыс. пуль и 25 картечей, убивших 18 кавалеристов [829, s. 134; 819, s. 18]. В бою под Смоленском 19 октября 1633 г. польские воины выпустили 70 тыс. пуль, убив (по польским данным) 300 русских. При этом и ответный огонь был силен: ветераны коронного войска вспоминали, что ««в разных боях будучи и в Пруссах в Инфлянтах и в Москве, еще в таком огне не были», хотя поляки потеряли лишь несколько десятков убитыми [764, s. 184]. Огонь немецкой пехоты (800 человек) под Зборовом (1649) якобы убил лишь 2 казаков [714, s. 368].

Сотни и тысячи выпущенных стрел наносили столь же мизерный урон. Обстрел русских войск, штурмовавших Перекопскую линию в 1736 г., привел к тому, что среди 176 раненых русских солдат лишь 6 имели тяжелые раны, а 170 – легкие, «из которых наибольшая часть от стрел раны имеет»

[139, с. 90]. В 1694 г. 400–600 польских воинов (не считая лужной челяди) были окружены отрядом Гази-Герая в Ходове. Поляки соорудили баррикады на сельских улицах и несколько часов подвергались обстрелу из луков. При этом большая часть коней была убита или ранена, несколько десятков товарищей (из 100 участвовавших в бою) погибло, немало попало в плен или было ранено [782, s. 230–231]. Стоит отметить колоссальный расход стрел – только целых после боя поляки собрали несколько возов, не считая поломанных, а также употребленных на пули [709, s. 25]. Сколь мал был урон, наносимый стрелами по воинам, спрятавшимся в укреплениях, показывает бой за Крынкскую слободу 2 февраля 1711 г. Во время трехчасового штурма кубанские ногайцы израсходовали 3,5 тыс. стрел, стреляя по укрывшимся за палисадом казакам, ранив 40 из 70 защитников [320, с. 100–101]. Даже не пользующийся преимуществами позиций противник часто нес небольшие потери от лучного обстрела. В 1781 г. на Кубани ногайский отряд в 30 человек напал «в октябре, при Челбасах, на рыбопромышленника Маркова с 11 работниками, и неожиданно встретил в них мужественное сопротивление. Не имея у себя пуль, малороссияне заряжали ружья оловянными пуговицами с кафтанов и, отстреливаясь таким образом, несколько часов выдерживали неравный бой с неприятелем, осыпавшим их своими стрелами; наконец совершенное истощение пороха заставило их ретироваться в камыши... На месте боя найдено потом до 100 стрел, рассеянных нагайцами» [580, с. 52–53]. По сообщению Я. Гридича, у реки Нары в 1610 г. татары «многих ранили, убили несколько товарищей в разных ротах и положили некоторое (количество) пахоликов, но и сами не ушли сухими» [144, с. 341–342]. И в этом случае внушительное число атакующих (по оценке Гридича – несколько тысяч) нанесло одними лишь стрелами незначительный урон противнику. Основные потери от лучной стрельбы и пуль приходились на коней [716, s. 128–129]. К примеру, в польской коннице XVII в. соотношение убитых

кавалеристов и коней обыкновенно составляло 1 на 1,5 [715, с. 180]. Это объяснялось тем, что конь представлял собой 60% общей мишени, а всадник – лишь 40%.

Бои небольшого масштаба, представляющие собой перестрелку, почти никогда не причиняли значительного урона. В 1644 г., во время масштабного набега на Россию, «татары приходили к Карпову «приступом», где с ними происходила перестрелка; этот «большой», по выражению отписки, бой закончился для татар потерей трех убитых и нескольких раненых» [529, с. 337]. Во время атак на обороняемые противником села и местечки татары часто теряли лишь немногих своих товарищей. По польским источникам, в 1674 г. 1 тыс. татар ворвалась в село Деражное (современная Ровенская область), вынудив польские хоругви отступить в замок. В этом бою татары потеряли несколько человек [261, с. 1411]. М. Вагнер, описывая штурм татарами (1000–1200 человек) села Толстое (современная Тернопольская область), обороняемого 300–400 поляками и казаками, писал, что татары потеряли 4 убитыми и 1 пленным [840, с. 108–19]. П. Гордон записал в своем дневнике 20 ноября 1684 г., что «около 400 татар, шедших от Мотовиловки, напали на село Княжевка, в 4 милях отсюда, на ручье Ирпень, думая взять оное врасплох. Но крестьяне, будучи настороже, встретили их так, что при первом же подступе перебили кое-кого из них. Наконец, после почти 4-часовых стычек и наскоков на село, татары были вынуждены отступить, забрав с собою своих мертвецов, коих (числом 10) они схоронили на своем коше, или привале. У крестьян 4 убито и несколько ранено» [64, с. 37]. В 1687 году донские казаки и калмыки приступали к Азову и три часа вели бой с азовцами, не потеряв, по собственным словам, никого, азовцы же будто бы потеряли 10 убитыми [618, с. 499].

Мы приходим к выводу, что бои, представляющие собой перестрелку, не причиняли большого урона. В свете вышеприведенных данных уместно привести слова С. Сарницкого, писавшего: «У нас считают, что, имея пеших, трудно татарина

убить» [298, с. 345]. Большими потери становились при эффективном преследовании бегущих и при навязывании кавалерией рукопашного боя пехотинцам. Крымские татары благодаря высокой скорости передвижения часто избегали значительного урона при бегстве и не имели большого количества уязвимой к конной атаке пехоты, ввиду чего их потери в целом были невелики. Даже продолжительное преследование татар противником еще не означало несения ими катастрофических потерь. Князь А. Черкасский писал князю А. Д. Меншикову, что на реке Кубани в 1711 г. кабардинцы обратили в бегство 10-тысячное кубанское войско и преследовали его 2 часа, при этом кубанцы потеряли 359 убитыми и 40 пленными [151, с. 343], то есть 4% войска.

Сильная нагрузка на демографию ханства из-за больших потерь сделала бы ведение войн слишком «накладным» и потому стратегия и тактика крымских татар были направлены на минимализацию собственных потерь. Крымская армия была «стеклянной пушкой», мощной, но хрупкой, и полководцы должны были учитывать, что чрезмерные потери подрывали бы военный потенциал государства. Активное участие Крымского ханства в восточноевропейских войнах показывает, что им удалось найти оптимальный способ использования своих войск. Конечно, были и битвы, и кампании, повлекшие большие потери, но в целом уровень потерь в крымских войсках был ниже, чем в других армиях.

Проиллюстрируем наше мнение об «эргономичности» крымских кампаний на примере данных о демографических потерях Шведского королевства в XVII – начале XVIII вв. Подобно Крымскому ханству Швеция была относительно малолюдной страной. Поддержание численности регулярной армии на уровне 36–40 тыс. в годы войн требовало ежегодного призыва 5–7 тыс. мужчин. Участие шведских армий в войнах с Польшей в 1626–1629 гг., Тридцатилетней войне (с 1630 по 1648 гг.), Северной войне (1655–1660), Великой Северной войне (1700–1721) обернулось огромными поте-

рями. За сто лет, между 1620 и 1721 гг., в войнах погибло 435–440 тыс. шведских и финских солдат и офицеров. В этот период в армию было призвано 40% взрослых мужчин, $\frac{3}{4}$ из них не вернулись со службы. Столкнувшись в первой половине XVII в. с проблемой чрезвычайных потерь, шведское руководство все больше и больше прибегало к услугам наемников, предпочитая расходовать жизни немцев, а не шведов [823, с. 48–50]. В это же время Крым также участвовал в большом количестве военных конфликтов, и его людские потери были, без сомнения, велики. Гераи в случае участия в союзных кампаниях предпочитали перекладывать тяжесть боев на плечи своих союзников, что вызывает некоторые аналогии со шведскими практиками замены шведов и финнов на немцев.

Хотя мы не обладаем точными числами о потерях крымского народонаселения в военных конфликтах, некоторые расчеты все же произвести можно. Как известно, в войнах гибли преимущественно мужчины, и большие потери приводили к увеличению числа вдов. Согласно исследованиям турецкого историка З. Оздем в Карасубазаре в 1683–1744 гг., основанным на привлечении богатого фактического материала из кадийских сиджилей, каждая пятая женщина в этом городе из числа тех, чье семейное положение было известным, являлась вдовой [793, с. 35]. Это нельзя объяснить тем, что жены погибших воинов становились вторыми-третьими женами выживших, ведь традиции многоженства не получили широкого распространения. В Карасубазаре лишь 1,7% мужчин имели более 1 жены [793, с. 149]. Важно отметить, что удельный вес вдов был стабилен в разные периоды времени. З. Оздем были использованы сиджили за 1683–1684, 1698–1699, 1716–1718 и 1743–1744 гг. Все эти годы были связаны с военными действиями, хотя, полагаем, в конце XVII в. потери крымских татар были более высокими ввиду грандиозного характера войны 1683–1699 гг. Для сравнения – в украинских городах второй половины XVIII в. процент вдов составлял 11,8–17,6% от общего числа женщин [633, с. 270]. Таким образом, полагаем, что участие в продолжитель-

ных боевых действиях приводило к росту числа вдов, коих в Карасубазаре было несколько больше, чем в городах Гетманщины. При этом, как мы думаем, сыграл свой роль географический фактор: Карасубазар находился во внутренней части Крымского полуострова, и вряд ли его население несло такие же потери, каковые несло население приграничного Орского иля. Вероятно, и горожане в целом меньше втягивались в военные действия по сравнению с жителями сельской местности. Как бы то ни было, данные по семейной структуре жителей Карасубазара показывают, что они не несло катастрофических потерь из-за войн, а число вдов, хотя было заметным, однако не существенно превышало число таковых в городах Левобережной Украины вроде Нежина и Стародуба. Даже если в целом по Крыму каждая четвертая женщина была вдовой, это лишь подтвердит наше предположение об умеренных потерях ханской армии. Дальнейшее изучение динамики численности вдов по разным городам Крымского ханства в отдельные периоды времени при соотнесении ее с хронологией военных конфликтов является, вероятно, наиболее перспективным направлением в изучении «цены войны» для крымского народонаселения.

В период с 1648 по 1699 гг. Крым почти непрерывно участвовал в войнах, а его армии провели беспрецедентное число крупных походов. Но даже полвека войн не сломили военной мощи ханства, что являет собой потрясающий пример эффективного ведения боевых действий при ограниченности собственных сил. Неудивительно, что крымские военачальники избегали затяжных боев, решаясь на них лишь при необходимости. В то же время предпочтение нередко отдавалось «малой войне» как более экономичному способу ведения боевых действий. Но стоит оговориться, что излишних потерь стремились избежать военачальники любых армий, хотя у быстрой крымской конницы в этом отношении были определенные преимущества.

3.7. Статистика побед и поражений

Как и вопрос о потерях, статистика побед и поражений рассматривается нами в рамках главы о тактике крымских войск как показатель ее эффективности. В изучении вооруженных сил Крымского ханства важной представляется проблематика успешности крымской военной машины на поле боя. Практически все современные исследователи сходятся во мнении, что армия крымских Гераев обладала высокой боеспособностью, вместе с тем при анализе отдельных военных кампаний историки указывают, что в большинстве боев крымские татары терпели поражения. Подобное несоответствие нуждается в разрешении. Не претендуя на окончательное решение данного вопроса, предлагаем свое объяснение этого противоречия. Считаем, что в формировании определенного стереотипа о победах и поражениях крымских войск свою роль сыграло несколько факторов.

Первый фактор: почти вся информация об исходе боев с участием крымских татар известна из источников противоположной стороны. Основная на них статистика показывает, что крымские татары терпели поражения в 80–90% боестолкновений. Однако есть веские основания сомневаться в ее правдивости. Точно так же – как череду блестящих побед – польско-литовские источники изображали бои против русских. Благодаря данным с московской стороны мы можем поставить под сомнение не только масштаб ряда боев, но и сам факт победы в них польско-литовских войск. Это было убедительно показано А. И. Филюшкиным на примере битвы под Невелем 1562 г. [637]. Польско-литовские источники часто искажали практически до неузнаваемости ход и исход шедших с переменным успехом боев с русскими войсками, приписывая себе непрерывные победы над ними. Возникает закономерный вопрос: имело ли место нечто подобное в случае с Крымским ханством? Вероятнее всего, да.

Следует также учитывать, что очень часто о ходе того или

иного столкновения известно из единственного источника, и мы не можем судить, каким был исход боя в действительности. Разумеется, и крымские авторы были склонны преувеличивать успехи своих войск. В хронике Реммаля Ходжи о правлении Сахиб-Герая I татары всегда побеждают, и можно задаться вопросом, действительно ли они были столь победоносны [531, с. 405–406]. Описания сражения из источников, представляющих обе противоборствующие стороны, способствуют более объективному исследованию. Следует учитывать человеческий фактор: одни и те же события в изложении различных источников нередко изображаются совершенно иначе. Например, русский посол сообщал о крымском набеге в Литву в 1516 г.: «Ходили в Литву четыре же ста человек, к тем с Литвою и бой был, и Литва кажут их побили, а они кажут Литву побили» [188, с. 293].

Такие диаметрально разные оценки исхода боевых столкновений являются совершенно обычным делом и известны не только применительно к истории Крымского ханства. Исход сражения под Ляховцами в 1708 г. и русские, и литовские военачальники провозгласили победой своих войск [650, с. 446–448]. После сражения под Познанью 19 августа 1704 г. «и шведы, и саксонцы объявили о своей победе [374, с. 28]. Заявляли о победе, соответственно, немецких и русских войск немецкие и русские источники касательно битвы при Гельмеде в 1501 г. [453, с. 225–226]. Разные оценки боя у деревни Настасьино в 1580 г. содержатся в польских [77, с. 50–51] и русских [180, с. 177–178] источниках.

Успехи в боях с крымскими татарами постоянно преувеличивались источниками противоположной стороны (также и крымские, и османские источники приукрашивали достижения собственных войск). По замечанию А. Н. Лобина, «русская и литовская стороны используют в освещении событий один и тот же прием: врагов всегда много – несколько тысяч, про неудачи и поражения не говорится ни слова, в то время как даже незначительный успех над противником возводится

в ранг грандиозного события» [498, с. 48]. Эти слова справедливы и по отношению ко всем прочим участникам военных конфликтов в Восточной Европе.

К счастью, не всегда источники какой-либо стороны единодушны в описании произошедших событий. В качестве примера приведем действия польского военачальника, гетмана польного коронного П. Мышковского против крымских татар в 1499 г. Мышковский утверждал, что отразил июльский набег, обратив татар в бегство [799, s. 161], но, опираясь на другие источники и ход набега, полагаем, что гетман не рискнул атаковать противника [560, с. 23]. В борьбе с другим нападением Мышковский все же вступил в бой с татарами у Саврани, но потерял много коней, а само столкновение, вероятно, не выявило победителя [560, с. 31].

Крымско-ногайские набеги были чрезвычайно разорительны для подвергавшихся им стран и потому требовались «компенсирующие» победы над татарами. Отсутствие триумфов при регулярном и успешном проведении нападений дискредитировало командование. С целью поддержания собственного имиджа военачальникам Речи Посполитой и других стран нужны были громкие победы, хотя бы и на бумаге. Польская королевская пропаганда объявила победой даже Зборовскую экспедицию 1649 г., во время которой армия Яна II Казимира была атакована союзными крымско-казацкими войсками и поставлена на грань поражения, так как из престижных соображений нельзя было признавать, что первая военная экспедиция новоизбранного короля едва не окончилась катастрофой [780, s. 162–163].

Приукрашивание собственных военных достижений было характерно для военачальников любой армии XV–XVIII вв. Так, воевода князь Г. Г. Ромодановский отправил к царю Алексею Михайловичу сеунч с известием о победе в бою под Песками 13 января 1659 г., хотя вряд ли можно назвать произошедшую перестрелку «победой» [333, с. 138]. Иногда победами называли поражения. Усердский воевода М. Селиванов отчитался о мифической «победе» 17 июля 1677 г., когда

русские не смогли удержать татар на переправе через реку Сосенка и отбить ясырь [652, с. 71–72]: победой считалось уже то, что удалось избежать разгрома собственных войск. В некоторых случаях даже современные историки называют победой проигранное сражение, как это делает А. И. Филюшкин применительно к битве под Судьбищами в 1555 г. [638, с. 222]. Как показал В. В. Пенской, эта битва завершилась поражением русской рати [534, с. 93–94].

В некоторых случаях победы просто выдумывались. В 1662 г. донские казаки отправили отряд к Крыму для разведки и захвата языков. Согласно войсковой отписке в Москву, у «казаков и татар под Крымом под Перекопом с крымскими людьми был бой», в ходе которого крымцы были разбиты, а один из пленных отправлен в Москву. «Во время расспроса в Посольском приказе татарин, однако, показал, что он, житель прибрежной крымской деревни, находился с пятью товарищами на рыбной ловле, во время которой и был захвачен казаками» [480, с. 43–44].

В 1634 г. псковский воевода Д. Воейков отписал царю, что одержал победу над литовским войском под Себежом, взяв в плен 3 человек. Однако дьяк Т. Истомин, проверявший военную деятельность воеводы, писал в Москву, что «с литовскими людьми бой не был, и языков на бою не имывали», а пленные были взяты «не на бою», а когда брели по дороге от Себежа к Луже [190, с. 54–57].

Вероятно, преувеличение численности вражеских войск сказалось еще на одном аспекте, повлиявшем на стереотип о боевой эффективности крымской конницы. Признавая редкие поражения собственных крупных сил, источники, описывающие бои с точки зрения противников крымских татар, раздували их небольшие загоны до размеров целых армий, что приводит к ложному мнению о регулярных неудачах многочисленных татарских войск.

Второй фактор: неопределенность самого понятия «победа». Согласно Военному энциклопедическому лексико-

ну 1856 г., победа «означается отступлением неприятеля с поля битвы» [386, с. 349]. В Военном энциклопедическом словаре, изданном в 2001 г. под эгидой Министерства обороны РФ и Института военной истории, подобное понятие отсутствует (хотя есть термин «победа в войне» [387, с. 317]). Что понимать под победой в том случае, если ни одна из сторон не покинула занимаемые ею перед боем позиции? Можно ли считать победой бой, в котором одной из сторон удалось отбить в движущемся таборе атаку неприятеля? Является ли победой отражение мелкого налета противника на лагерь?

Полагаем, что такие частые явления в восточноевропейских войнах, как наскоки на марширующего противника, арьергардные бои, перестрелки и гарцы, вообще трудно подвести под четкое определение «побед» и «поражений». Многие из действий, предпринимаемых крымскими татарами, изначально не предусматривали достижения быстрой победы, а лишь подготавливали ее (например, беспокоящие налеты на отступающий табор), однако источники противоположной стороны изображали такие стычки как череду успешно отражаемых натисков неприятеля, то есть боев с победным для себя исходом. Часто ханскими военачальниками ставилась целью не решительная победа, а быстрые удары и отходы с целью истощения вражеских сил, но было бы абсурдно считать, что целью изначально было собственное поражение.

Полководец, преследовавший отступающего врага, писал о погоне за беспорядочно бегущими толпами, преследуемый же, он подчеркивал мужество и героизм своих воинов во время организованного отхода. Например, описание сражения под Косуличами в 1664 г. между наступавшими польско-литовско-татарскими войсками и отступавшей русской армией в изложении обеих сторон существенно различалось [687, с. 65].

Единой точки зрения, считать ли простое, без преследования и разгрома противника, отражение атаки победой, в историографии нет. Каждый раз вердикт зависит от частного мнения исследователя. К примеру, полякам в бою у Тарнополя 7 сентября 1621 г. удалось огнем отбить атаку татарской конницы. Это столкновение, по мнению А. Витушика, закончилось «только половинчатым успехом войск Замоиского» [845, s. 182]. Ч. Хованец считал, что бой под Пагулем 1686 г. поляки «не могли назвать своей победой» [702, s. 71], пусть им и удалось отразить приступы татар к табору. А. А. Артамонов считает, что при Пруте в 1711 г. «сражение 9–10 июля было прервано при нерешенном результате», хотя русским удалось отразить все атаки турецких войск [329, с. 76]. В то же время сражение под Озерной 1656 г. Г. А. Санин считал крупной победой над крымскими татарами, не сумевшими прорвать оборону противника, однако речь шла скорее о серии мелких стычек без решительной битвы [563, с. 259].

Военная машина Крымского ханства нередко достигала побед без громких успехов, сочетая малую войну и прямые нападения, что приводит к ложным выводам в оценке ее эффективности. Если одна из сторон считала неудобным для себя принятие решительного сражения, она уклонялась от него (в том числе после ряда стычек). Приведем ряд примеров битв без определенного результата, в которых участвовали войска крымских Гераев.

В 1595 г., под Цецорой, по словам польского исследователя К. Шледзиньского, «двухдневная битва не принесла решения» [827, s. 41], хотя Д. Скорупа считал, что ход стычек был в пользу поляков [822, s. 62]. Д. Милевский отмечает, что бои под Цецорой завершились без решительного перевеса какой-либо из сторон [777, s. 63–66]. После того, как крымцы безуспешно пытались выманить поляков из лагеря в поле, а те, в свою очередь, не менее безуспешно старались

подманить татар под огонь артиллерии, стороны заключили компромиссный мир. Впрочем, некоторые польские современники изображали бои под Цецорой как победу над татарами [786, s. 65]. Типологически это сражение напоминает бои под Смоленском 20 августа 1633 г., в которых «обе стороны пытались нарушить сложившиеся равновесие, выманив противника на выгодную для себя местность: поляки – в чистое поле под удар гусарской конницы, а русские – под огонь пехоты и артиллерии» [511, с. 113]. По мнению Д. Н. Меньшикова, «никто из его участников не мог назвать себя безоговорочным победителем», а потери с обеих сторон за 5–6 часов боев были ничтожны. Полагаем, что бои под Цецорой также не принесли больших потерь и не выявили победителя.

В 1618 г. под Оринином польская армия С. Жолкевского отбила яростные атаки крымско-буджацких сил на свои позиции. По мнению польского историка П. Новаткевича, «ход этой кампании, как и многих предшествующих боев с татарами, не был военным успехом гетмана» [787, s. 57]. Важно отметить, что после битвы Жолкевский подвергнулся шквалу критики со стороны его политических противников, обвинявших военачальника в том, что он упустил возможность нанести поражение татарам, допустив разорение коронных земель [787, s. 57]. При этом вся битва свелась, по сути, к двум сильным приступам татар к польскому табору. То есть принадлежала к тому типу боестолкновений, когда противники крымских татар отражают их атаки и затем часто заявляют о своей победе. Лишь благодаря тому, что тактика, используемая Жолкевским, столкнулась с оппозицией внутри самой Речи Посполитой, Орининская битва не превратилась в очередную «громкую победу» польского оружия.

Под Цибулевкой в 1684 г. польско-литовские силы отбили несколько атак крымских татар [840, s. 177–178], после чего официальная польская пропаганда объявила о победе.

Эта точка зрения встречалась и в работах историков. Торжественно описывал бои Т. Корзон [754, s. 22]. «Единственными успехами кампании было взятие нескольких подольских замков и нанесение поражения татарам», – считал Я. Виммер [841, s. 213]. Однако это была одна из тех многих «побед», не принесших никаких дивидендов «победителям». Если рассматривать кампанию 1684 г. со стратегической точки зрения, то мы приходим к выводу, что победа осталась за ханом Селим-Гераем I. Все, что ему нужно было совершить для вытеснения армии Речи Посполитой с территории Подолья – это установить ее блокаду, не позволяя врагу навязать себе генеральную битву. Эта задача была с успехом исполнена: не имея возможности ни вести осаду Каменец-Подольского, ни разгромить крымскую конницу, король Ян III Собеский увел свое войско за Збруч.

Под Каменным Затонам в 1687 г. крымские татары атаковали русско-украинский корпус Л. Р. Неплюева, захватили часть обоза и коней, а затем под натиском противника отступили, бросив часть захваченной добычи. По мнению В. С. Великанова «Неплюеву и Косагову удалось отбить нападение крымских татар, но затем они оказались фактически блокированы в своих лагерях и больше не предпринимали активных действий» [372]. Назвать этот бой однозначной победой какой-либо из сторон мы также не можем.

В битве под Подгайцами в 1698 г. польским войскам с трудом удалось отбить атаки крымских татар. По словам ведущего специалиста по истории этого сражения Я. Войташика, «двухдневная подгаецкая битва осталась нерешенной, хотя татары имели большие шансы для того, чтобы одержать окончательный успех» [846, s. 127]. И действительно, ни крымским татарам не удалось сбить с позиций польское войско, ни полякам не удалось отбросить крымцев от Подгаец. Стороны обменялись несколькими ударами и завершили битву на тех же позициях, на которых и начали.

Третий фактор: характер военной активности крымских татар. Большинство битв, в которых они участвовали, – это рейды, нередко глубокие, вглубь неприятельских земель. Это означало, что «принимающая» сторона имеет относительно больше возможностей для выбора места и времени битвы. К примеру, поляки одержали крупные победы над крымскими татарами в 70-е гг. XVII в. на своей территории. Особенно значимыми были битвы 1672 г., во время «похода Собеского на чамбулы», и под Львовом в 1675 г. Однако последующие походы коронных войск в Молдавию в 1685, 1686 и 1691 гг. окончились провалом и прошли без каких-либо заметных успехов в боях с крымцами и буджакцами. Крупнейшие столкновения вышеупомянутых кампаний – Баян (1685), Пагуль (1686) и Перерыта (1691) – представляли собой столкновения без ярко выраженного перевеса какой-либо из сторон.

Но и при условии ведения набегов не стоит представлять действия татар как череду поражений. Критический анализ источников показывает, что набеги казанских татар на Россию в 1535–1549 гг. привели к ряду серьезных боев, шедших обычно с переменным успехом [525].

Между статистикой и реальностью. После всего вышесказанного вряд ли стоит удивляться тому, что, при уважении, питаемом соседями Крымского ханства к татарской коннице, статистика, основанная на источниках противоположной стороны, сообщает, что в 80–90% боев татары терпели поражения. Приведем конкретные примеры.

По подсчетам М. Плевчиньского, с 1500 по 1575 гг. произошло 94 боевых столкновения между татарами и польско-литовскими войсками, в 82 победу одержали последние и лишь в 12 – татары [800, s. 345, 432; 801, s. 114, 278]. По мнению этого исследователя, с 1457 по 1494 гг. произошло 6 битв между польскими и татарскими войсками, в 4 победили поляки, в 2 – татары [799, s. 101]. Михалон Литвин упоминает 9 по-

бед поляков и литовцев и 2 победы татар в начале XVI в. [140, с. 67–68]. Согласно «Памяти» волынской шляхты о борьбе с татарскими набегами, в конце XV – начале XVI в. волынская шляхта приняла участие в 16 боях против степных всадников и лишь в двух потерпела поражение [164, с. 130–139]. С 1555 по 1581 гг., согласно анонимному панегирику, посвященному князю М. Вишневецкому («Эпицидиону»), последний бился с татарами в 6 сражениях и только в одном потерпел поражение [380, с. 109–116]. По подсчетам Л. А. Боброва, с 1653 по 1667 гг. из 49 боев между калмыками и татарами в 45 победителями вышли первые [353, с. 53–54].

При этом стоит заметить, что калмыки с середины XVII в. и российская регулярная армия в XVIII в. не только хвастали внушительной статистикой побед над крымскими татарами, но и могли сослаться на моральный перелом. При похожей статистике, основанной на источниках, польско-литовских и московских побед XV–XVII вв. стабильного морального перевеса над татарами у царских и королевских воинов не было, что заставляет отнестись критически к победным реляциям военачальников. Более того, хотя многие бои трудно определить как чью-то победу, в источниках, как правило, существуют лишь поражения и победы. Это наталкивает на мысль, что бои с неопределенным исходом записывались в победы.

Смесь мелких стычек, превращенных в «великие победы», нерешенных схваток, налетов на табор, проигранных или даже вымышленных боев составляет, надо полагать, значительную часть того, что в историографии часто принимают за победы над крымскими татарами. Изучая военную историю Крымского ханства, следует разделять тактические и стратегические победы (иногда тактическая победа вела к стратегическому поражению, и наоборот), сравнивать положение сторон до и после сражения, приобретенные в результате боя выгоды или, напротив, потерянные преимущества. Но даже при скрупулезном изучении источников исход мно-

гих десятков или даже сотен стычек и боев, имевших место в XV–XVIII вв., вряд ли удастся точно выяснить.

Подводя итог, отметим, что нет надежных оснований говорить, что крымские татары выиграли большинство битв, в которых участвовали [317, с. 4], также нет оснований для утверждения обратного [691, с. 84]. Сила крымцев была не в эффектных победах, а в маневренных действиях кавалерийских масс, не всегда стремившихся к решению в единственном генеральном столкновении. Крымские татары предпочитали быстрые и сильные удары по противнику, однако, если ему удавалось организовать сильное сопротивление, татары меняли направление атаки либо отступали. При этом обе стороны считали, что добивались успеха. Крымские татары – тем, что задерживали продвижение противника и наносили ему урон, неприятель – тем, что удерживал за собой поле боя. Доминирование в историографии взгляда на сохранение за собой поля боя как свидетельства одержанной победы привело к тому, что даже успешное использование крымскими войсками степной тактики изматывающих ударов представлялось как серия поражений. Громкая боевая слава крымских татар и их влияние на ход многих войн говорят о военном потенциале Крымского ханства куда больше, чем ненадежная статистика, основанная на нарративных источниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вооруженные силы Крымского ханства динамически менялись с течением времени, реагируя на вызовы эпохи. Это было вызвано участием крымских татар в постоянных военных конфликтах в Восточной и Центральной Европе и на Кавказе, в эпоху, когда развитие военного дела ставило перед военачальниками новые задачи, от решения которых зависел ход кампаний.

Структурно крымская армия состояла из ханской гвардии (*тюфенкджи, сейменов, капы-кулу, топчу, капыджи*), личных отрядов беев, султанов и мурз (*нукеров*) и ополчения, набранного из простолюдинов (*сеферлю*). Мы приходим к выводу о том, что крымская пехота существовала уже с начала XVI в., на рубеже XVI–XVII вв. она появляется вновь (*тюфенкджи*), но уже в первой половине XVII в. происходит замена *тюфенкджи* на *сейменов* (некоторое время существовавших параллельно). *Капы-кулу* большую часть истории ханства являлись конногвардейцами Гераев.

Кроме этого, в походах участвовали слуги (*казанджи, кошчу*). Их заботой была охрана имущества и ясыря, выпас коней и скота. Помимо воинов и слуг, к армии примыкали волонтеры, отправлявшиеся на войну ради грабежа. Лишь в редких, экстраординарных случаях, при угрозе самому Крыму, власти прибегали к призыву всеобщего ополчения.

Организация крымскотатарского войска включала в себя *коши (казаны), болюки, байраки* (знамена) и *алаи* (полки). Теоретически штатная численность *кошей* составляла, по нашему мнению, 5–7 человек. *Болюки* были различной численности: в ханской пешей гвардии – 50 человек, в конной – 40, в остальном же войске – произвольной численности. *Байраки* именовались так, ибо весь отряд сражался под одним знаменем. Полки (*алаи*) могущественных родов (Ширины и Мансуры) делились на несколько *байраков*, прочие же бейские полки представляли собой один *байрак*. Существовали также полки хана, калга-султана, нуреддин-султана и ор-бея.

В самом Крыму, кроме крымских татар, ряды войска пополняли представители других крымских народов. Маленькие дети, угнанные во время набегов, ассимилировались и, повзрослев, принимали участие в походах. На вольноотпущенников так же, как и на крымских татар, распространялась обязанность выставлять ополченцев.

Наиболее многочисленной некрымскотатарской частью крымского войска были ногайцы. Их тактика и военная организация были схожими с таковыми у крымских татар. В военных кампаниях ханов сражались буджакцы и добруджцы, выступавшие в поход с согласия османских властей, и ногайцы Казыева улуса (позднее – Кубанской орды). В XVIII в. в подчинение Бахчисараю перешли Едисанская, Едичкульская и Джамбойлуцкая орды.

Казаки, известные как традиционный противник крымцев, тем не менее нередко воевали бок о бок с крымскими татарами. В последней четверти XVII в. в северной части «Очаковской степи» была создана Ханская Украина. Ханские гетманы имели свои вооруженные отряды. В конце XVII – начале XVIII вв. на Кубани оседают целые группы беглецов с Дона – раскольников и некрасовцев. Они признавали власть хана и участвовали в походах, сохраняя верность Гераям до последних лет существования Крымского ханства. В 1711–1734 гг. в подданстве крымских ханов пребывали запорожские казаки. Имели место многочисленные случаи перехода как групп из десятков человек, так и отдельных казаков на сторону крымских татар на протяжении XVI–XVIII вв. Известны факты ухода к крымцам военнотружущих других армий, в частности русской и польской. В рядах ханской армии сражались представители народов Черкесии, Чечни и Дагестана. Османские войска, состоящие в гарнизонах причерноморских городов, также принимали участие в походах крымских татар (с согласия Стамбула), находясь в оперативном подчинении крымского командования.

В конце XVIII в. военная реформа Шахин-Герая должна была привести к обновлению крымского войска. Однако из-за

просчетов самого хана ему так и не удалось создать боеспособную армию.

Тактика крымскотатарских войск отличалась разнообразием и менялась с течением времени. В полевых битвах крымские татары стремились захватить инициативу в свои руки, занять выгодные позиции, посредством разведки установить численность и диспозицию сил противника, его слабые и сильные места. В бою ханские войска не только двигались по открытой местности, но и, при необходимости, продвигались через леса, болота и даже горы. Перед сражением выезжали гарцовники (в том числе представители высшей знати ханства), вступающие в бои с гарцовниками противника, захватывая пленных и прикрывая развертывание армии. В открытом сражении с противником крымские татары предпочитали атаковать слабые места вражеского строя, вклиниваться в промежутки между неприятельскими подразделениями, обойти его фланги. Сталкиваясь с сильным сопротивлением, они меняли направление атаки.

В самой битве крымские татары вели по противнику интенсивную стрельбу из луков. Активно использовался *татарский танец*: отряды поочередно налетали на неприятеля и, выпустив стрелы, уходили назад, а на их место выходили новые, после чего возвращался первый отряд. Используя превосходную тактическую разведку и скорость войск, крымские военачальники постоянно нападали на противника на марше или ночлеге, стремясь разгромить вражескую армию, не доводя дело до фронтального столкновения. На пути продвижения неприятеля устраивались засады. Однако, если противник все же готовится к битве и развертывает на поле боя свою армию, крымское командование стремилось притворным бегством либо выманить неприятельские войска с занятых ими позиций, либо разделить, увлекши часть врагов за собой.

Вопреки встречающемуся мнению, атаки с использованием холодного оружия широко практиковались крымскими татарами. Однако крымскотатарский способ ведения ближнего

бой имел свою специфику. Если европейская конница наступала на противника плотными шеренгами, то крымцы бились преимущественно в рассыпном строю. Налетая на противника, крымские воины попеременно пускали в ход клинковое (сабли) и древковое (копья) оружие, ведя также стрельбу из луков.

В XVI – начале XVII вв. основой крымской тактики была стрельба из луков. В XVI–XVII вв. тактика крымских татар существенно меняется. Роль сабельного боя и огнестрельного оружия постепенно росла, вытеснив лучный бой в конце XVIII в. Причиной тому было все возрастающее огневое превосходство российского противника, что делало перестрелку с ним малоперспективной. Однако в реалиях XVIII в. татарская тактика оказалась неэффективной.

Изучая примеры атак крымской конницы под огнем, мы приходим к выводу, что в случае крупных, важных битв крымцы иногда могли пройти сквозь огонь, выдержав один-два залпа, и навязать противнику рукопашный бой. Крымцы славились умением быстро совершать передвижения и перестроения на поле боя. Превосходно налаженная система управления воинами была одной из сильных сторон ханской армии. Неоднократно сталкивались крымские татары с вагенбургом (табором). При штурме табора воины подступали к линии воев, стремясь отодвинуть их в стороны и расчистить проход для прорыва.

Располагая ограниченными ресурсами малолюдной страны, Гераи делали ставку на победы малой кровью, предпочитая избегать излишних потерь. Несмотря на внушительные военные успехи крымцев и их славу воинов, статистика, основанная на нарративных источниках, оставленных преимущественно противниками татар, показывает, что они почти всегда терпели поражения. Виной этому было желание врагов ханства преувеличить собственные достижения, неопределенность самого понятия «победа», провозглашение победами боев с нерешенным результатом или даже поражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Абдужемилев Р. Osmanlı belgelerinde Kırım hanlığı / Крымское ханство в записях Османских документов // Крымское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 216–223.
2. Абдужемилев Р. Ярлыки Крымского ханства // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 208–227.
3. Абдужемилев Р. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай-хан» // Крымское историческое обозрение. 2018. № 1. С. 179–195.
4. Абдужемилев Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 2 // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 193–233.
5. Абдужемилев Р. Реммаль Ходжа. Хроника «Тарих-и Сахиб Герай хан» («История о хане Сахиб Герае»). Часть 3 // Крымское историческое обозрение. 2019. № 1. С. 147–174.
6. Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2. Перевод. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.
7. Акты Московского государства. Том I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890.
8. Акты Московского государства. Том II. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. СПб., 1894.
9. Акты Московского государства. Том III. Разрядный приказ. Московский стол. 1660–1664. СПб., 1901.
10. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 5. СПб., 1853.
11. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 1. СПб., 1863.
12. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 2. СПб., 1865.

13. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 3. СПб., 1861.

14. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 4. СПб., 1863.

15. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 5. СПб., 1867.

16. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 6. СПб., 1869.

17. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 7. СПб., 1872.

18. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 8. СПб., 1873.

19. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 9. СПб., 1877.

20. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 10. СПб., 1878.

21. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 11. СПб., 1879.

22. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 12. СПб., 1882.

23. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 13. СПб., 1884.

24. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Том 14. СПб., 1889.

25. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России,

собранные и изданные Археографической комиссией. Том 15. СПб., 1892.

26. Акты XVI — начала XVII века из местнических дел // Русский дипломатарий. Вып. 7. М. Древлехранилище, 2001. С. 36–51.

27. Акчокраклы О. Татарська поема Джан-Мухамедова. Про похід Іслям-Гірея II (III) спільно з Богданом Хмельницьким на Польщу 1648–49 рр. // Східний світ. 1993. № 1. С. 134–139.

28. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки. Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2001.

29. Андриевский А. А. Материалы по истории Запорожья и пограничных отношений (1743–1767) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1894. Том 17. С. 85–154.

30. Андриевский А. А. Реляции киевского генерал-губернатора за 1768 и 1769 гг. Киев, 1892.

31. Антонович В. Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси, изданный Комиссией для разбора древних актов. Киев, 1888.

32. Арриан. Тактическое искусство / пер., коммент., вступ. статьи А. К. Нефедкина. СПб., 2010.

33. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 1. Київ, 1998.

34. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 2. Київ, 2000.

35. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 3. Київ, 2003.

36. Архів Коша Нової Запорозької Січі. 1734–1775. Корпус документів. Том 4. Київ, 2006.

37. Базарова Т. А. «Пришла почта ис-под Азова...»: письма участников Азовских походов (1695 и 1696) в Научно-историческом архиве СПбИИ РАН [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. — Ч. I. — С. 1–22. <<http://www.milhist.info/2019/07/18/bazarova>> (18. 07. 2019).

38. Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. М.: Наука, 1971.

39. Безвременье и временщики. Воспоминания об эпохе двор-

цовых переворотов (1720-е – 1760-е годы). М.: Художественная литература, 1991.

40. Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Герая. Казань, 1851.

41. Биярсланов М. Выписки из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 гг. хр. лет), хранящегося в архиве Таврического Губернского правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1898. Том 8. С. 41–51.

42. Биярсланов М. Выписки из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 гг. хр. лет), хранящегося в архиве Таврического Губернского правления (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. Том 9. С. 68–70.

43. Биярсланов М. Выписки из кадиаскерского сакка (книги) 1017–1022 хиджры (1608/9–1613 г. хр. лет), хранящегося в архиве Таврического Губернского правления (Продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1890. Том 10. С. 74–78.

44. Боплан, Гийом Левассер де. Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004.

45. Борисов Д. А., Борисова Н. Л. Этнографические наблюдения в Крыму В. Ф. Зуева, русского путешественника второй половины XVIII века // Культура народов Причерноморья. 1999. № 6. С. 481–483.

46. Брун Ф. Крым в половине XVIII столетия. Одесса, 1867.

47. Буганов В. И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 год. Москва, 1962. С. 259–275.

48. Вахушти Б. История царства Грузинского / Перевод, предисловие, словарь и указатель Н. Т. Накашидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1976.

49. Вернадский Г. В. К истории колонизации Азовского побережья. Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью архива Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. Том 57. С. 249–296.

50. Військові кампанії доби гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2009.

51. Виженер, Блез де. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890. С. 59–88.
52. Вирський Д. Річпосполитська історіографія України (XVI – середина XVII ст.) У 2-х ч. Ч. 2 (Додатки). К.: Інститут історії України НАН України, 2008.
53. Виткалов В. Г., Пономарьова Т. О. Берестецька битва 1651 року мовою документів: за матеріалами наукової спадщини І. К. Свешнікова. Хрестоматія. Рівне: РДГУ, 2005.
54. Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария / пер. В. Г. Трисман. Том II. Амстердам: Pegasus, 2010.
55. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том I. 1620–1647 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
56. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том II. 1648–1651 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
57. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы в трех томах. Том III. 1651–1654 годы. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953.
58. Гайдамацький рух на Україні в XVIII ст. Збірник документів / Упоряд. І. Л. Бутич, М. І. Бутич, О. А. Купчинський, Л. А. Проценко, В. Д. Чунтулова. К., 1970.
59. Гваньїні О. Хроніка європейської Сарматії. К.: Вид. дім «Киево-Могилянська академія», 2007.
60. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. В двух томах. Том I. М.: Памятники исторической мысли, 2008.
61. Гордон Патрик. Дневник 1635–1659. М.: Наука, 2001.
62. Гордон Патрик. Дневник 1659–1667. М.: Наука, 2002.
63. Гордон Патрик. Дневник 1677–1678. М.: Наука, 2005.
64. Гордон Патрик. Дневник 1684–1689. М.: Наука, 2009.
65. Гордон Патрик. Дневник 1690–1695. М.: Наука, 2014.
66. Гордон Патрик. Дневник. 1696–1698. М.: Наука, 2018.
67. Горецкий Леонардо. История войны Ивонии // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Вып. I (XVI ст.). Киев, 1890. С. 89–136.
68. Горсей Джером. Записки о России XVI – начало XVII вв. М.: Изд-во МГУ, 1991.

69. Губоглу М. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Том 1. М.: Институт востоковедения, 1964. С. 131–161.

70. Гулевич В. П., Хаутала Р. Письмо польского гетмана Яна Замойского о прохождении татар через Покутье в 1594 году // Золотоордынское обозрение. 2017. Том 5. № 2. С. 437–459.

71. Де ла Невилль. Записки о Московии. М.: Аллегро-пресс, 1996.

72. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Том 1 (1648 – 1649 рр.). Київ, 2012.

73. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Том 2 (1650 – 1651 рр.). Київ, 2013.

74. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648 – 1658 рр. Том 3 (1651 – 1654 рр.). Київ, 2014.

75. Джерела з історії Національно-визвольної війни українського народу 1648–1658 рр. Том 4 (1655–1658 рр.). Київ, 2015.

76. Джерела з історії Південної України. Том 7. Канцелярія Новосербського корпусу. Запоріжжя, 2005.

77. Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.). Москва, 1897.

78. Доба гетьмана Івана Мазепи в документах / Відп. ред. І. Ситий; упорядн. С. Павленко. К.: Вид. дім Києво-Могилянська академія, 2007.

79. Документы об освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. К.: Наукова думка, 1954.

80. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / сост. и транслит. Р. Р. Абдуземилев; науч. ред. И. Миргалеев. Симферополь: ООО «Константа», 2017.

81. Документы по истории Волго-Уральского региона XVI – XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И. А. Мустакимов; под общ. ред. Д. И. Ибрагимова. Казань: Гасыр, 2008.

82. Документи російських архівів з історії України. Том 1. Документи до історії запорозького козацтва 1613–1620 рр. Львів, 1998.

83. Древняя Российская вивлиофика, изданная Николаем Новиковым. Часть 6. Москва, 1788.

84. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том I. 1775–1777 гг. СПб., 1885.
85. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том II. 1778 год. СПб., 1885.
86. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том III. 1779–1780 гг. СПб., 1887.
87. Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Том IV. 1781–1782 гг. СПб., 1889.
88. Ерусалимский К. Ю. Крымское ханство, Речь Посполитая и Российское государство в 1524–1571 гг.: Посольская переписка из архива Великого княжества Литовского // Золотоордынское обозрение. 2017. Том 5. № 4. С. 866–920.
89. Жерела до історії України-Руси. Том 8. Львів, 1908.
90. Жерела до історії України-Руси. Том 12. Львів, 1911.
91. Журналы Крымских походов российской армии 1735–1738 гг.: сборник документов. Составление, вступительная статья, археографическое введение, передача текста, комментариев и указатели П. А. Авакова. Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2017.
92. Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVII столетии по Пейссонелю. Материалы для истории Западно-Кавказских горцев // Кубанский сборник. 1891. Том 2. С. 3–35.
93. Записки барона Тотта о татарском набеге 1769 г. на Новосербию // Киевская старина. 1883. № 9–10. С. 135–198.
94. Записки бригадира Моро-де-Бразе // Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Том 8. М.: Государственное издательство, 1962. С. 363–422.
95. Записки донского атамана Денисова. 1763–1841 // Русская старина. 1874. № 5. С. 1–45.
96. Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского. М.: Российский фонд культуры «Российский архив», 2004.
97. Записки капитана Перри о бытности его в России с 1698-го по 1713 год // Русский вестник. 1842. № 5–6. С. 227–263.
98. Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1894. № 4. С. 179–208.

99. Збірник козацьких літописів. Густинський літопис. Літопис Самійла Величка. Літопис Грабянки. К.: Дніпро, 2006.

100. Иналджик Г. Знахідка кадійських сіджлів (судових книг) Кримського ханату // *Mapra Mundi*. 36. наук, праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Л., К. Нью-Йорк: Вид-во М. П. Коць, 1996. С. 308–329.

101. История Крымского ханства и присоединения Крыма к Российской империи в записках английского дипломата В. Итона // Калашников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой половины XIX столетия). Днепропетровск, 2013. С. 108–129.

102. История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань в лето от Р. Х. 1677 // *Записки Одесского общества истории и древностей*. 1872. Том 8. С. 479–488.

103. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Том 1. М.: АН СССР, 1957.

104. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Том 2. М.: АН СССР, 1957.

105. Казем-Бек А. Сравнительные извлечения из разных писателей, относящиеся к истории семи планет // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1835. № 6. С. 345–360.

106. Канжальская битва: взгляд сквозь столетия. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых («ООО Полиграфсервис и Т»), 2018.

107. Карачай – страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая. Составление, вступительная статья и комментарии С. Х. Хотко. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2011.

108. Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Часть II. Песни былевые, исторические. Москва, 1868.

109. К истории пограничных наших сношений с Крымским ханством. Дневник секунд-майора Матвея Миронова, в путевку его к крымскому хану, 1755 года // *Киевская старина*. 1885. № 2. С. 339–356.

110. Клееман Н. Клееманово путешествие из Вены в Белград и Новую Килию, також в земли буджатских и нагайских татар и во весь Крым, с возвратом чрез Константинополь, Смирну и Триест в Австрию в 1768, 1769 и 1770 годах, с приобщением достопамятностей Крыма. СПб., 1783.

111. Книга Большому чертежу. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
112. Ковалець Т. Маловідомий «Щоденник походу на поган» 1629 р. // Питання історії України. 2017. Том 19. С. 96–104.
113. Костин Мирон. Летопись земли Молдавской. Кишинёв, 2014.
114. Курат А. Н. Собрание сочинений. Книга 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / Перевод с турецкого языка Р. Р. Галеева; редактор текстов на арабице М. Р. Исмагилова; ответственные редакторы Л. И. Шахин, И. М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014.
115. Курбский А. М. Сказания князя Курбского. СПб., 1868.
116. Кырымлы Хаджи Мехмед Сенаи. Книга походов. Симферополь: Крымучпедгиз, 1998.
117. Кърым-татар музыкасынынъ хрестоматиясы. Умумтасиль мектеплерининъ талбелери ичюн. Киев: Музычна Украина, 1989.
118. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1888. Том 6. С. 36–63.
119. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. Том 7. С. 25–45.
120. Лашков Ф. Ф. Камеральное описание Крыма, 1784 г. (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1889. Том 8. С. 12–40.
121. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и в XVII вв. Симферополь, 1891.
122. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. Том 22. С. 82–115.
123. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымскотатарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. Том 23. С. 118–129.
124. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-

татарского землевладения (окончание) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1897. Том 26. С. 24–154.

125. Лашков Ф. Ф. Крымские дела 1775–1776 г. Московское отделение общего архива Главного Штаба // Записки Одесского общества истории и древностей. 1895. Том 18. Ч. II. С. 87–118.

126. Лашков Ф. Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1896. Том 24. С. 72–137.

127. Лашков Ф. Ф. Материалы из собрания документов Таврической Ученой Архивной Комиссии // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. Том 55. С. 177–180.

128. Лемерсье-Келькеже Ш. Походы Девлет-Герая против Москвы в 1571 и 1572 году по документам Османского архива // Восточная Европа средневековья и раннего нового времени глазами французских исследователей. Казань, 2009. С. 214–219.

129. Лермонтов М. Ю. Кавказец // Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 томах. Том 6. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 348–351.

130. Лерхе И. Я. и его «История жизни и путешествий...» о Северном Приазовье в 1738–1739 гг. Перевод Е. В. Корепановой (Чупиной) и Е. Н. Тарасенко, 2018. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Lerche_Jochann_Jacob/text.phtml (дата обращения 16. 05. 2019).

131. Літопис Самовидця. К.: Наукова думка, 1971.

132. Лызлов А. Скифская история. М: Наука, 1990.

133. Ляссота Эрих. Дневник // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев, 1890. С. 137–190.

134. Манштейн, Христофор Герман. Записки о России 1727–1744. СПб., 1875.

135. Маржерет Жак. Состояние российской империи. М.: Языки славянских культур, 2007.

136. Масловский Д. Ф. Материалы к истории военного искусства в России. Москва, 1889.

137. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1936.

138. Масса Иссаак, Петрей Петр. О начале войн и смут в Московии. М., 1997.

139. Миних, Бурхард Христофор. Всеподданейшие донесения гр. Миниха. Часть 1: Донесения 1736 и 1737 годов. СПб., 1897.
140. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. М.: Изд-во МГУ, 1994.
141. Мицик Ю. А. Джерела з історії Жовтоводської битви 1648 р. Запоріжжя: Тандем-У, 1999.
142. Мицик Ю. З дипломатичного листування уряду Кримського ханства (друга половина XVI – початок XVIII століть) // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Том ССXL. Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. Львів, 2000. С. 473–502.
143. Мицик Ю. З джерел до історії оборони Чигирини 1677 р. // «Військово-історичний альманах». 2002. № 2 (5). С. 142–154.
144. Мицик Ю. З описів посольства В. М'ясківського до Туреччини у 1640 р. // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2002. Вип. XIV. С. 10–23.
145. Мицик Ю. Україна в описі німецького мандрівника XVI ст. Лаврентія Мюллера // Наукові записки. Том 21. Історичні науки / Національний університет «Києво-Могилянська академія», 2003. С. 54–60.
146. Мицик Ю. Чуднівська та Слободищенська битви 1660 р. на сторінках «Віршованої хроніки» // Архіви України. 2005. № 4. С. 76–103.
147. Мицик Ю. Браїлівська битва (1666 р.) в описі «Віршованої хроніки» // Наук. зап. НаУКМА. Серія Історичні науки. 2008. Том 78. С. 68–82.
148. Мицик Ю. Из джерел до історії Кримського ханства XVII ст. // Пам'ятки: археографічний щорічник. 2009. Том 10. С. 3–16.
149. Мицик Ю. З джерел до історії Османської імперії та Кримського ханства XVI – першої половини XVIII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2010. Вип. 9–10. С. 327–360.
150. Мицик Ю. Нові документи з історії Берестецької битви 1651 р. // Український історичний журнал. 2012. № 1. С. 135–142.
151. Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года. (Прутская операция): материалы, извлеченные из архивов. СПб., 1898.
152. Наїма Мустафа. Гюсейнові городи у витягу історій із заходу та сходу. (Повідомлення про Україну) / пер. османсько-

турецької О. Галенка та О. Кульчинського. К.: Вид-во Жупанського, 2016.

153. Небольсин П. И. Очерки быта калмыков Хошоутовского улуса. СПб., 1852.

154. Негри А. Извлечения из турецкой летописи, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. 1844. Том I. С. 379–392.

155. Окиншевич Л. Діаріуш Івана Биховця р. 1704 про відрядження до Криму // Студії з Криму. I–IX. Київ, 1930. С. 199–209.

156. Описание Черкесии, составленное Ксаверио Главани, французским консулом в Крыму и первым врачом хана. В Бахчисарае, 20 января 1724 г. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 156–173.

157. Описание Черного моря и Татарии составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1902. Том 24. Ч. II. С. 89–190.

158. Османская империя в первой четверти XVII века. М.: Наука, 1984.

159. Османский источник второй половины XVII века о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя. Государственная власть и социально-политическая структура. М.: Наука, 1990.

160. Паллас П. С. Общие замечания о полуострове Крыме // Крымские татары. Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре. Симферополь: Доля, 2005. С. 342–363.

161. Панин П. И. Наставление от предводителя Второй армии войску ему порученному. СПб., 1769.

162. Пейссонель, Шарль Клод де. Записки о Малой Татарии. Днепропетровск: Герда, 2009.

163. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2008.

164. Поліщук В. «Пам'ять» волинської шляхти про битви з татарами останньої чверті XV – першої третини XVI ст. в контексті Стародубської війни 1534–1537 рр. // Острозька давнина. Вип. 5. 2016. С. 107–139.

165. Полное собрание русских летописей. Том 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904.
166. Полное собрание русских летописей. Том 32. М.: Наука, 1975.
167. Полное собрание русских летописей. Том 34. М.: Наука, 1978.
168. Полное собрание русских летописей. Том 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980.
169. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе // Русский исторический журнал. 1922. Книга 8.
170. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М.: АН СССР, 1984.
171. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: Институт истории РАН, 2003.
172. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М.: Русские Витязи, 2016.
173. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1571–1577 гг. М.: Издательский дом Марджани, 2016.
174. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Казань: Татарское книжное издательство, 2006.
175. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
176. Прародитель американской литературы и летописания Джон Смит о Крымском ханстве начала XVII столетия // Калашников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII – первой половины XIX столетия). Днепропетровск, 2013. С. 7–39.
177. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Выпуск 5 // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1900. Книга 2 (199).
178. Путешествие г-на О. де ля Мотре по Европе, Азии и Африке; географические, исторические и политические исследования в Италии, Греции, Турции, в Тартарии (Крыму) и т. д. / пер. Н. Н. Хлебко, Н. Ш. Шульгиной; предисл. И. И. Вдовиченко // Историческое наследие Крыма. 2006. № 12–13. С. 184–207.

179. Путешествия маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет» / Пер. с франц., изданный Кс. Полевым в 4 томах. М., 1840.

180. Разрядная книга 1475–1605 гг. Том III. Часть I. Москва, 1984.

181. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Том 26. Донские дела. Том 3. СПб., 1909.

182. Российская историческая библиотека. Том 34. Донские дела. Том 5. СПб., 1917.

183. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. М.: Наука, 1988.

184. Рустемов О. Кадискерские книги Крымского ханства: исследования, тексты и переводы. Симферополь: ГАУ РК «Медиа-центр им. И. Гаспринского», 2017.

185. Савелов Л. М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С. И. Тарбеева в Крым в 1626–1628 гг. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1906. Том 39. С. 1–105.

186. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 10. Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. СПб., 1872.

187. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 41. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Нагайскою ордами и с Турцией. Часть 1. (годы с 1474 по 1505). СПб., 1884.

188. Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 95. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Нагаями и Турцией. Часть 2. (годы с 1508 по 1521). СПб., 1895.

189. Сборник Императорского русского исторического общества. Том 106. Бумаги кабинета министров Анны Иоанновны. 1731–1740 гг. Том II (1733). Юрьев, 1899.

190. Сборник Московского архива Министерства юстиции. Том 1. Москва, 1914.

191. Сейтягъев Н. С. Абдулгаффар Кырыми. Отрывок из «Ум-дет ал-ахбар». Из истории крымских ханов (правление Хаджи Ги-рая, Менгли Гирая, Мухаммед Гирая I и Саадет Гирая I) // Золото-ордынское обозрение. 2015. № 4. С. 207–213.

192. Сенатский архив. Том 11. СПб., 1904 .

193. Сергеев А. А. Наказ, данный отправленным в Крым по-сланникам Амбросию Лодыженскому и подъячому Петру Дани-лову, с объявлением об избрании на Российское царство госуда-ря Михаила Феодоровича. С отписками их и статейным списком бытности их в Крыму // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. Том 50. С. 20–56.

194. Середа О. Османсько-українське степове порубіжжя в ос-мансько-турецьких джерелах XVIII ст. Одеса: Астропринт, 2015.

195. Сняк І. З. Кореспонденції кошового отамана Якіма Гна-товича Малого (декілька документів з фондів ІР НБУ ім. В. І. Вер-надського) // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Том 26. К., 2013. С. 143–158.

196. Скальковский А. Русское посольство к Хану Крымскому в конце XVIII столетия // Записки Одесского общества истории и древностей. 1893. Том 16. Ч. II. С. 267–271.

197. Станіславський В. Дніпровські походи 1697–1689 років в недрукованих листах Івана Мазепи до Петра I // Україна в Центрально-Східній Європі. 2006. Вип. 6. С. 489–508.

198. Статейный список И. П. Новосильцева (Турция) // путеше-ствия русских послов XVI – XVII вв.: Статейные списки. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 63–99.

199. Статейный список московского посланника в Крыму Ива-на Судакова в 1587 – 1588 годах // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1891. Том 14. С. 43–80.

200. Статейный список Московского посланника в Крым Се-мена Безобразова в 1593 г. // Известия Таврической ученой архив-ной комиссии. 1892. Том 15. С. 70–93.

201. Статейный список похода в Азов боярина и воеводы Алек-сея Семеновича Шеина, в 1697 году // Записки Одесского обще-ства истории и древностей. 1868. Том 7. С. 135–165.

202. Статейный список стольника Василия Тяпкина и дьяка

Никиты Зотова, посольства в Крым в 1680 году, для заключения Бакчисарайского договора. Одесса, 1850.

203. Стрийковський М. Літопис польський, литовський, жмудський і всієї Руси. Львів, 2011.

204. Турецкая война при императрице Анне Иоанновне. Записка неизвестного участника оной, с предисловием С. В. Сафонова // Русский архив. 1878. № 3. С. 255–274.

205. Українська поезія XVI століття. К.: Радянський письменник, 1987.

206. Українська поезія. Середина XVII ст. К.: Наукова думка, 1992.

207. Український степовий кордон в середині XVI століття (спогади барського старости Бернарда Претвича). Запоріжжя: Тандем-У, 1997.

208. Уляницький В. А. Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV–XVI веках. Москва, 1887.

209. Фаизов С. Ф. Статейный список подьячего Посольского приказа Гаврилы Михайлова – уникальный памятник дипломатической документации XVII столетия // Советские архивы. 1991. № 1. С. 65–69.

210. Фаизов С. Ф. Первый крымско-запорожский военный союз в статейном списке русских посланников Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева (1625 год) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2005. Вип. 5. С. 197–209.

211. Ферран. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г., докт. Феррана // Русский вестник. 1842. Том 6. № 4. Отд. 2. С. 41–56.

212. Фиркович А. С. События, случавшиеся в Крыму в царствование Шагин-Герай-хана // Временник Императорского общества истории и древностей российских. 1856. Книга 24. С. 101–132.

213. Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов.). Москва: Международные отношения, 1991.

214. Халим Герай-султан. Розовый куст ханов или История Крыма. Симферополь: РИА «АЯН»; ИД «Стилос», 2008.

215. Хан-Герай Султан. Черкесские предания // Русский вестник. 1841. Том 2.

216. Хроника Быховца. М.: Наука, 1966.
217. «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. / отв. ред. А. Ш. Кадырбаев; Ин-т научной информации по общественным наукам РАН. М.: Наука – Восточная литература, 2016.
218. Шевалье П'єр. Історія війни козаків проти Польщі. Пер. з фр. Ю. Назаренко. К.: Томіріс, 1993.
219. Шгаден Генрих. Записки о Московии. В 2-х томах. Том 1. М.: Древлехранилище, 2008.
220. Шграндман Г. Э. фон. Записки // Русская старина. 1884. Том 43. № 7. С. 55–86.
221. Эварницкий Д. И. Источники для истории запорожских козаков. Том I. Владимир, 1906.
222. Эвлия Челеби. Неудачная осада Азова Турками в 1641 году и занятие ими крепости по оставлении оной Козаками // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Том 8. С. 161–181.
223. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Выпуск 1. Земли Молдавии и Украины. М.: Наука, 1961.
224. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь: Доля, 2008.
225. Эйльбарт Н. В. Смутное время в польских документах Государственного архива Швеции: комментированный перевод и исторический анализ. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения Российской академии наук, 2013.
226. Юдин П. К истории наших сношений с Крымом (посылка поручика Зубарева в Бахчисарай). 1747 // Русский архив. 1898. № 12. С. 457–467.
227. Юрченко П. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625) // Записки Одесского общества истории и древностей. 1879. Том 11. С. 473–493.
228. Bezkrólewia ksiąg ósmioro czyli Dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 aż do r. 1576. Skreślone przez Świętosława z Borzejowic Orzelskiego starostę Radziejowskiego. Tom 2. Petersburg; Mohilew, 1856.
229. Bielski J. Joachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki polskiej, zawierającej dzieje od 1587 do 1598 r. Warszawa, 1851.

230. Bielski M. Kronika polska Marcina Bielskiego. Tom 2. Sanok, 1856.
231. Broel-Plater W. S. Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Tom 4. Warszawa, 1858.
232. Broniewski M. *Tartariae Descriptio*. Opis Tatarii, przekład: Ewa Śnieżewska, red. Magdalena Mączyńska. Łódź, 2011.
233. Costin Miron. *Latopis Ziemi Mołdawskiej i inne utwory historyczne*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1998.
234. *Correspondance consulaire de Crimée du baron de Tott (1767–1770)*. Istanbul, 2014.
235. Gaspar de Tende. *Relacja Historyczna o Polsce*. Warszawa: Muzeum Pałacu Króla Jana III w Wilanowie, 2013.
236. Grabowski A. *Starożytności historyczne polskie*. Tom I. Krakow, 1840.
237. Grabowski A. *Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawniej Polski*. Tom I. Kraków, 1845.
238. Grabowski A. *Ojczyste spominki w pismach do dziejów dawniej Polski*. Tom II. Kraków, 1845.
239. Grabowski P. *Polska Niżna albo Osada Polska*. Kraków, 1859.
240. Hirschberg A. *Polska a Moskwa w pierwszej połowie wieku XVII: zbiór materyałów do historyi stosunków polsko-rossyjskich za Zygmunta III*. Lwów, 1901.
241. Holsten Hieronim Chrystian. *Przygody wojenne 1655–1666*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1980.
242. Hurmuzaki E. *Documente privitoare la istoria romanilor*. Suplementul II. Volumul III. 1641–1703. Bucuresci, 1900.
243. *Diarjusz kampanii w wołoskiej ziemi 1686 r. królewicza Jakóba Sobieskiego // Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1931. Tom 4, zeszyt 2. S. 314–323.
244. Długosz J. *Jana Długosza kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście*. Tom 5, ks. 12 (1445–1480). Kraków, 1870.
245. Domogała M. *Relacja z kampanii białocerkiewskiej 1626 r. przeciwko Tatarom autorstwa Jana Dobrocieskiego // Staropolska sztuka wojenna XVI–XVII wieku*. Warszawa: DiG, 2002. S. 237–248.
246. Druszkiewicz S. Z. *Pamiętniki 1648–1697*. Siedlce, 2001.
247. Dupont F. *Pamiętniki do historii życia i czynów Jana III Sobieskiego*. Warszawa, 2011.

248. Dyakowski M. Dyaryusz wiedeńskiej okazyji. Warszawa: Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1983.

249. Dyaryusz prawdziwej relacji praeclare gestorum Woyska JKM ci i Rptej na Kampanii w r. 1685 po wielu miejscach, a osobliwie w Wołoszech // Biblioteka Starożytna Pisarzy Polskich. Tom 5. Warszawa, 1844. S. 241–261.

250. Dziennik wyprawy wołoskiej w roku 1620 // Pamiętnik Warszawski, czyli Dziennik Nauk i Umiejętności. 1819. Tom 14, maj. S. 97–110.

251. Evilya Efendi. Księga podróży Ewliji Czelebiego (wybór). Warszawa: Książka i Wiedza, 1969.

252. Finkel L. Stanisława Jabłonowskiego diariusz napadu tatarskiego w r. 1692 // Kwartalnik Historyczny. 1890. Tom 4. S. 286–294.

253. Finkel L. Dwa dyaryusze najazdów tatarskich na Rus z r. 1618 i 1624 // Kwartalnik Historyczny. 1892. Tom 6. S. 93–100.

254. Jasnowski J. Dwie relacje z wyprawy Zamoyskiego pod Cecorę w r. 1595 // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1938. Tom 10, Numer 2. S. 240–250.

255. Jemiołowski M. Pamiętnik Mikołaja Jemiołowskiego towarzysza lekkiej chorągwi, ziemianina województwa bełzkiego, obejmujący dzieje Polski od roku 1648 do 1679 spółcześnie, porządkiem lat opowiedziane. Lwów, 1850.

256. Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Tom I. Warszawa, 1853.

257. Jerlicz J. Latopisiec albo Kroniczka Joachima Jerlicza. Tom II. Warszawa, 1858.

258. Józefowicz J. T. Kronika miasta Lwowa: od roku 1634 do 1690: obejmująca w ogólności dzieje dawnej Rusi Czerwonej. Lwow, 1854.

259. Kara Mustafa pod Wiedniem: źródła muzułmańskie do dziejów wyprawy wiedeńskiej 1683 roku, z tur. przeł. i oprac. Zygmunt Abrahamowicz. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1973.

260. Kluczycki F. K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Tom 1, cz. 1. Kraków, 1880.

261. Kluczycki F. K. Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego. Tom 1, cz. 2. Kraków, 1881.

262. Kochowski W. *Historya panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego*. Tom I. Poznań, 1859.
263. Kochowski W. *Historya panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego*. Tom II. Poznań, 1859.
264. Kochowski W. *Historya panowania Jana Kazimierza z klimakterów Wespazyana Kochowskiego*. Tom III. Poznań, 1859.
265. Kochowski W. *Roczniki Polski*. Klimakter czwarty. 1669–1673. Warszawa: DiG, 2011.
266. Kraszewski J. I. *Podróże i poselstwa polskie do Turcji a mianowicie: Podróż E. Otwinowskiego 1557, Jędrzeja Tarnowskiego komornika j. k. m. 1569, i Poselstwo Piotra Zborowskiego 1568*. Kraków, 1860.
267. Kromer M. *Kronika polska Marcina Kromera biskupa warmińskiego*. Tom 2. Kraków, 1882.
268. Kuran M. “Bitwa wołoska” Krzysztofa Poradowskiego – zmagania mołdawskie Samuela Koreckiego i Michała Wiśniowieckiego oraz klęska książąt pod Sasowym Rogiem w roku 1616 // *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Polonica*. 2009. № 12. S. 13–41.
269. Leszczyński S. *Potrzeba z Szeremetem, hetmanem moskiewskim, i z Kozakami w roku Pańskim 1660 od Polaków wygrana*, opr. P. Borek. Kraków, 2006.
270. *Listy księcia Jerzego Zbaraskiego, kasztelana krakowskiego, z lat 1621–1631*. Kraków, 1878.
271. *Listy staropolskie z epoki Wazów*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1977.
272. Łasicki J. *Historya wtargnienia Polaków na Wołoszczyznę z Bogdanem Wojewodą*. Petersburg; Mohylew, 1855.
273. Marsigliè L. F. *L’Etat Militaire de l’Empire Ottomanses progrès et sa décadence*. Tome I. Amsterdam; La Haye, 1732.
274. Maskiewicz S. *Pamiętniki Samuela Maskiewicza początek swój biorą od roku 1594 w lata po sobie idące*. Wilno, 1838.
275. *Merkuriusz nowy 1662 r.* // *Biblioteka starożytna pisarzy polskich*. Tom I. Warszawa, 1843. S. 17–29.
276. Michałowski J. *Księża pamiętnicza*. Kraków, 1864.
277. Nagielski M. *Relacje wojenne z pierwszych lat walk polsko-kozackich powstania Bohdana Chmielnickiego okresu «Ogniem i Mieczem» (1648–1651)*. Warszawa, 1998.

278. Niemojewski S. Diariusz drogi spisanej i różnych przypadków pociesznych i żałosnych prowadząc córkę Jerzego Mniszka, Marynę, Dymitrowi Iwanowiczowi w roku 1606. Warszawa, 2006.
279. Oświęcim S. Stanisława Oświęcimia dyaryusz 1643–1651. Kraków, 1907.
280. Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza. Tom 1. Warszawa, 1846.
281. Pamiętniki do panowania Zygmunta III, Władysława IV i Jana Kazimierza. Tom 2. Warszawa, 1846.
282. Pamiętniki o Wyprawie Chocimskiej Roku 1621 Jana Hrabi z Ostroroga, Prokopa Zbigniewskiego, Stanisława Lubomirskiego i Jakuba Sobieskiego. Krakow, 1853.
283. Paprocki B. Herby rycerstwa polskiego. Kraków, 1858.
284. Pasek J. Pamiętniki. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1979.
285. Piasecki P. Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego. Kraków, 1870.
286. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648 – 1668. Tom I. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk – Łódź, 1989.
287. Pisma polityczne z czasów panowania Jana Kazimierza Wazy. 1648 – 1668. Tom III. Wrocław – Warszawa, 1991.
288. Polska historia wojskowa w wypisach źródłowych, red. O. Laskowski, B. Pawłowski. Warszawa, 1928.
289. Polska sztuka wojenna w latach 1454–1563. Wypisy źródłowe do historii polskiej sztuki wojennej. Zeszyt 4. Warszawa, 1958.
290. Polska sztuka wojenna w latach 1563–1647. Wypisy źródłowe do historii polskiej sztuki wojennej. Zeszyt 5. Warszawa, 1961.
291. Przyłęcki S. Pamiętniki Koniecpolskich: przyczynek do dziejów polskich XVII wieku. Lwów, 1842.
292. Przyłęcki S. Ukraińskie sprawy. Przymyk do dziejów polskich, tatarskich i tureckich XVII wieku. Lwów, 1842.
293. Pułaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczyńskiego do Kazi Gireja, hana Tatarów perekopskich (1601–1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Zeszyt 3. S. 244–256.
294. Pułaski K. Trzy poselstwa Lawryna Piaseczyńskiego do

Kazi Gireja, hana Tatarow perekopskich (1601–1603) // Przewodnik Naukowy i Literacki. 1911. Zeszyt 5. S. 467–480.

295. Relacye nuncyuszów apostolskich i innych osób o Polsce od roku 1548 do 1690, wyd. E. Rykaczewski. Tom 1. Berlin; Poznań, 1864.

296. Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato. Serie III. Volume III. Firenze, 1855.

297. Sarnecki K. Pamiętniki z czasów Jana Sobieskiego. Diariusz i relacje z lat 1691–1696. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.

298. Sarnicki S. Księgi hetmańskie. Kraków: lagellonica, 2015.

299. Senai Hadży Mehmed z Krymu. Historia Chana Islam Gereja III / tekst turecki wydał, przełożył i opracował Zygmunt Abrahamowicz; uzup. komentarzem historycznym Olgierd Górka i Zbigniew Wójcik; pod red. nauk. Zbigniewa Wójcika. Warszawa: PWN, 1971.

300. Sękowski J. J. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących. Tom I. Warszawa, 1824.

301. Sękowski J. J. Collectanea z dziejopisów tureckich: rzeczy do history polskiej służących. Tom II. Warszawa, 1825.

302. Skorobogaty A. Diariusz. Warszawa, 2000.

303. Słownik języka polskiego. Tom VII. Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1919.

304. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego: dyjaryjusze, relacje, listy i akta z lat 1576–1586. Kraków, 1887.

305. Strykowski M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi Maciejá Strykowskiego. Tom 2. Warszawa, 1846.

306. Ułamek Djarjusza pisanego w obozie królewskim na Podolu roku 1694 od 1 do 15 Junii // Athenaeum. 1848. Tom V. Oddz. II. S. 35–44.

307. Woliński J. Sobiesciana z 1675 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1932. Tom 5. Zeszyt 2. S. 223–242.

308. Wołoskie dzieje niektóre z relacyi pewnych osob (z rękopismu 1621 r.) // Biblioteka Starożytna Pisarzy Polskich. Tom 4. Warszawa, 1844. C. 205–216.

309. Wójcicki K. W. Archiwum domowe do dziejów i literatury krajowej z rękopisów i dzieł najrzadszych. Warszawa, 1856.

310. Zajączkowski A. La Chronique des Steppes Kiptchak Tevarih-i Deşt-i Qipcaq du XVIIe siècle. Warszawa, 1966.
311. Zimorowic B. Historia miasta Lwowa, Królestw Galicyi i Lodomeryi stolicy: z opisaniem dokładnem okolic i potróynego oblężenia. Lwów, 1835.
312. Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego wojewody chełmińskiego do Turcyi w latach 1677–1678. Warszawa, 1907.
313. Źółkiewski S. Pisma Stanisława Źółkiewskiego. Lwów, 1861.
314. Źółkiewski S. Listy Stanisława Źółkiewskiego 1584–1620. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1868.

Литература

315. Абдуджемилев Р. Воинская символика Крымского ханства (на материале крымских хроник) // Qasevet. 2015. № 43. С. 5–21.
316. Абдуджемилев Р. Р. Хроника Мехмеда Сенаи как памятник крымскотатарской художественной литературы XVII в. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.
317. Абдулаева Г. Битвы из истории Крымского ханства. Симферополь: Крымучпедгиз, 2013.
318. Абибуллаева Э. Э. Махалле – территориальная единица средневекового Бахчисарая по материалам Кадиаскерских тетрадей // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 163–186.
319. Аваков П. Крымское ханство в военно-политических планах Российской империи 1735 г. // Крымское историческое обозрение. 2018. № 2. С. 8–42.
320. Аваков П. А. Оборона Крынской слободы в 1711 г. (эпизод из истории русско-турецкой войны 1710–1713 гг.) // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения). Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.) Ростов-на-Дону, 2018. С. 95–105.
321. Алекберли М. А. Борьба украинского народа против турецко-татарской агрессии во второй половине XVI – первой половине XVII веков. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969.
322. Александров В. А. Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // Рос-

сия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 159–173.

323. Ананьева Н. Е. Пути-дороги, стѣжки-дорожки (номинации «дороги» в польском и русском языках) // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы международной научной конференции. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 19–22.

324. Андреева С. «Кримський» вектор зовнішньої політики Коша Нової Запорозької Січі в період між російсько-турецькими війнами 1734–1739 рр. та 1768–1774 рр. // Український історичний збірник. 2010. Вип. 13. Ч. 1. С. 98–108.

325. Апанович О. М. Запорізька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. 50 – 70-і роки XVII ст. К.: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961.

326. Апанович О. М. Збройні сили України першої половини XVIII ст. К.: Наукова думка, 1969.

327. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М.: Наука, 1990.

328. Артамонов В. А. Крымскотатарское войско в Турецко-русской войне 1710–1713 гг. // V научные чтения памяти У. Боданинского: тезисы докладов и сообщений международной научной конференции (Бахчисарай, 23–27 октября 2013 р.). Симферополь: Антіква, 2013. С. 15–16.

329. Артамонов В. А. Дунайский поход Петра I: Русская армия в 1711 г. не была побеждена. М.: Русские витязи, 2015.

330. Аствацатуров Г. О. Бендерская крепость. Бендеры: Издательство «ООО Петица», 1997.

331. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI–XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009.

332. Бабулин И. Б. Битва под Конотопом. 28 июня 1659 года. М.: Цейхгауз, 2009.

333. Бабулин И. Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Русские Витязи, 2015.

334. Бабулин И. Б. Каневская битва 16 июля 1662 г. М.: Русские Витязи, 2015.

335. Баиов А. К. Русская армия в царствование имп. Анны Ио-

анновны. Война России с Турцией в 1736–1739. Первые три года войны. СПб., 1906.

336. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001.

337. Бакиханов Аббас-Кули-ага. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991.

338. Баранович А. И. Население предстепной Украины в XVI в. // Исторические записки / Отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 198–232.

339. Барсуков А. Род Шереметевых. Книга 5. СПб., 1888.

340. Барсуков А. Род Шереметевых. Книга 6. СПб., 1892.

341. Батыров В. В. Вопросы военной организации и вооружения у калмыков во второй половине XVIII в. (по архивным материалам) // Материалы Всероссийской научной конференции «Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.» (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 166–171.

342. Батюк Т. В. Збройні сили України в протистоянні турецько-татарській експансії у другій половині XVI – на початку XVII ст.: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. іст. наук: спец. 20. 02. 22 “Військова історія” / Т. В. Батюк. Львів, 2003.

343. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Выпуск III. Симферополь: Таврия, 1993. С. 320–339.

344. Башер А. Проживание татар в ареале Буджака в османский период // Авдарма. 450 лет истории. 1563–2013. Авдарма, 2015. С. 66–71.

345. Белик Л. Османские оборонительные сооружения на Керченском полуострове (XVII–XVIII вв.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016.

346. Бережинский В., Черкес Н. Огнестрельное оружие Османской империи и Крымского ханства // Історія давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 290–296.

347. Бережков М. Н. План завоевания Крыма, составленный в царствование Алексея Михайловича ученым славянином Юрием Крижаничем. СПб., 1891

348. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза СССР, 1958.

349. Бертье-Делагард А. Л. Ценность монетных номиналов в Крымском ханстве // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1914. Том 51. С. 153–185.

350. Блінец А. Клеція бітвы: 1506 і 1706 гады. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2015.

351. Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени (XV – первая половина XVIII в.) / Под ред. В. П. Никонорова. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

352. Бобров Л. А., Кушкумбаев А. К. Монгольская тактика ведения степного боя // Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени: сборник научных статей / Отв. ред. А. К. Кушкумбаев. Астана: ИП «BG-print», 2013. С. 5–47.

353. Бобров Л. А. Калмыцкая конница в русско-польской войне 1653–1667 гг.: вооружение и тактика // Історія давньої зброї. Дослідження 2014. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.

354. Бобров Л. А., Рюмшин М. А. «...И против них не ставали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

355. Бобров Л. А. Тактический прием «хоровод» конных лучников в военном искусстве кочевников Великой Степи XIII–XVI вв. // Тюрко-татарские государства. 2016. № 8. С. 73–83.

356. Бобров Л. А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. – С. 210–388. <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov>.

357. Бобров Л. А., Сальников А. В. Северокавказские шлемы крымско-татарской знати из Музея дворца Топкапы (г. Стамбул, Турецкая Республика). Особенности конструкции, оформления и боевого применения // Былые годы. 2016. Том 40. №2. С. 323–334.

358. Бобров Л. А., Сальников А. В. «Черкесский доспех» в системе защитного вооружения народов Мусульманского Востока XV – середины XIX вв. // Былые годы. 2017. Том 47. № 3. С. 727–753.
359. Бобров Л. А., Сальников А. В., Шейхумеров А. А. Колющее длиннодревковое оружие крымских татар и ногаев 1440–1650-х гг. (по материалам письменных источников) // Былые годы. 2018. Том 49. № 3. С. 884–914.
360. Бобров Л. А., Каинов С. Ю., Веселитская В. В., Сальников А. В. Наконечник копья крымскотатарского султана Тохтамыша из собрания Государственного исторического музея // Былые годы. 2019. № 52 (2). С. 542–558.
361. Богуславский Л. А. История Апшеронского полка. Том I. СПб., 1892.
362. Брайан Глин Вильямс. Татарские воины на службе у османского султана // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 379–391.
363. Брехуненко В. Програна битва виграної війни. Битва під Берестечком 1651 року. К.: Темпора, 2013.
364. Брехуненко В. Від Очакова до Білгорода: українські козаки в турецьких фортецях Північного Причорномор'я (XVI – середина XVII ст.) // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2017. Вип. 6. С. 108–116.
365. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869.
366. Бушаков В. Кадилики і каймакамства в Кримському ханстві (XVIII ст.) // Східний світ. 1998. № 1–2. С. 33–64.
367. Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003.
368. Бярнацкі В. Паўстаньне Хмяльніцкага: Ваенныя дзеянні ў Літве ў 1648–1649 гг. / Пер. з пол. Антон Кузьміч. Вільня: Інстытут Беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010.
369. Василенко Н. П. Крымское ханство // Східний світ. 2006. № 2. С. 178–185.
370. Вашук Д. До питання про напад турецько-татарських військ біля м. Дубно на рубежі XV–XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2016. Вип. 16. С. 108–113.

371. Великанов В. С. Военная организация Османского государства. 1673–1713 // Воин. 2010. № 12. С. 20–32.

372. Великанов В. С. Днепровский поход Л. Р. Неплюева в 1687 г. // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке двух империй: Сборник научных статей. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2015. С. 38–44. <http://rusmilhist.blogspot.com/2016/06/1687.html>.

373. Великанов В. С. Организация и численность османской армии в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Русская старина. 2018. № 9(2). С. 133–145.

374. Великанов В. С. Русский вспомогательный корпус на польско-саксонской службе в 1704–1707 гг. и сражение при Фрауштадте. М.: Русские витязи, 2018.

375. Великанов В. С., Нечитайлов М. В. «Азиатский дракон перед Чигирином. . . ». Чигиринская кампания 1677 г. М.: Русские витязи, 2019.

376. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 2. СПб., 1864.

377. Виноградов А. В. Состав политической элиты Крымского ханства в 1560–1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской посольской документации // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2016. № 5. С. 25–41.

378. Вирський Д. С. Татарська війна взимку: опис битви під Ольшаницею 1527 р. Й. Л. Деція // Український історичний журнал. 2008. № 5. С. 210–216.

379. Вирський Д. С. Битва під Білою Церквою 1626 р. та «Реляція правдива...» Яна Доброцького // Український історичний журнал. 2010. № 6. С. 150–160.

380. Вирський Д. Вишневещина: перші перемоги і перші соратники (1555–1595 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 108–124.

381. Вирський Д. Війни українні: хроніки татарського прикордоння України (XVI – середина XVII ст.). К.: Інститут історії України НАН України, 2016.

382. Вирський Д. Кримськотатарське військо в поході 1575 р. (за Б. Папроцького «Історією жалісною. . . ») // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2016. № 5. С. 65–92.

383. Власова А. Молдавско-польские политические связи в последней четверти XVII – начале XVIII в. Кишинев: Штиинца, 1980.
384. Водарский Я. Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М.: Наука, 1977.
385. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма в четырех томах. Том I. Симферополь: «Тезис», 2013.
386. Военный энциклопедический лексикон. В 14 томах. Том X. СПб., 1856.
387. Военный энциклопедический словарь. В двух томах. Том II. М.: Большая Российская энциклопедия; РИПОЛ КЛАССИК, 2001.
388. Ворончук І. О. Населення Волині в XVI – першій половині XVII ст.: родина, домогосподарство, демографічні чинники. К., 2012.
389. Гайворонский А. Е. К вопросу о христианских подразделениях в армии Крымского ханства // Бахчисарайский историко-археологический сборник. 2001. Вып. 2. С. 435–443.
390. Гайворонский О. Генуэзцы в Крымском ханстве // Qasevet. 2008. № 33. С. 8–13.
391. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том I. К.: Майстерня книги; Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2010.
392. Гайворонский О. Повелители двух материков. Том II. К.: Майстерня книги; Бахчисарай: Бахчисарайский историко-культурный заповедник, 2009.
393. Галенко О. І. Дипломатія Кримського ханату (середина XV століття – 1783) // Нариси з історії дипломатії України. К.: Альтернативи, 2001. С. 208–263 .
394. Галенко О. І. Про татарські набіги на українські землі // Український історичний журнал. 2003. № 6. С. 52–68.
395. Галенко О. Пошуки Криму у минулому та сьогоденні України // Проблеми інтеграції кримських репатріантів в українське суспільство: Збірник матеріалів семінару Київського проекту Інституту Кеннана та Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України, 13–14 травня 2004 р. К.: Стило, 2004. С. 25–49.

396. Галушка А. Військова справа та війни доби Кримського ханату // Поле битви – Україна. Від “володарів степу” до “кіборгів”. Воєнна історія України від давнини до сьогодення / Авт. кол.: Б. Черкас, О. Сокирко, А. Плахонін, Я. Примаченко, М. Відейко, А. Галушка, К. Галушко, С. Громенко, М. Майоров, А. Руккас, Є. Синиця; упоряд. К. Галушко. Х., 2016. С. 187–229.

397. Галушка А. Війско та військова справа Кримського ханату (XV – перша половина XVII століть) // Історія українського війська / Авт. кол.: М. Відейко, А. Галушка, В. Лободаєв, М. Майоров, Я. Примаченко, А. Руккас, Є. Синиця, О. Сокирко, А. Харук, Б. Черкас; кер. проекту К. Галушко; під заг. ред. В. Павлова. Х., 2016. С. 154–187.

398. Гліва А. Асиметричний аспект татарського військового мистецтва (XVII ст.) // Український історичний журнал. 2018. № 3. С. 46–72.

399. Горобець В. Між Кам'янцем і Озерною: українська зовнішня політика другої половини 1655 року в контексті геополітичних перегруповань у Центрально-Східній Європі // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 245–271.

400. Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. К.: Госполитиздат, 1957.

401. Грибовський В. В. Стан степового порубіжжя та особливості військової діяльності причорноморських татар кінця XV – першої половини XVII ст. // Наукові записки. Збірник праць молодих вчених та аспірантів. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М. С. Грушевського. Том 5. К., 1999. С. 33–44.

402. Грибовський В. В. Типологія татарських набігів у XVIII ст. // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України Запорізького державного університету: Південна Україна XVIII–XIX ст. Вип. 5. Запоріжжя: Тандем-У, 2000. С. 206–211.

403. Грибовський В. Формування локальної групи причорноморських ногайців у XVI-XVII ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2004. Вип. 4. С. 279–306.

404. Грибовський В. Ногайські орди у політичній системі Кримського ханства // Україна в Центрально-Східній Європі. 2008. Вип. 8. С. 139–171.

405. Грибовский В. В. Управление ногайцами Северного При-

черноморья в Крымском ханстве (40–60-е годы XVIII в.) // Тюркологический сборник. 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 67–97

406. Грибовський В. В. Буджак. у системі політичної адміністрації Кримського ханства в 1739–1769 роках // Гуманітарний журнал. 2010. № 3–4. С. 39–45.

407. Грибовський В. Землеробство і седентаризація в кочівницькому соціумі: випадок причорноморських ногайців // Україна в Центрально-Східній Європі. 2011. Вип. 11. С. 167–190.

408. Грибовський В. В. Військова система Ногайської орди та її реститути у причорноморських ногайців // Історія і культура Придніпров'я: Невідомі та маловідомі сторінки. 2012. Вип. 9. С. 127–146.

409. Грибовский В. В., Сень Д. В. Кубанский султан Бахты-Герар: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сборник 2011–2012: политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.

410. Грибовский В., Сень Д. Крымское ханство в период 1772–1783 гг. и судьба крымскотатарской государственности // История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 266–276.

411. Грибовський В. Запорожці і російське завоювання Криму в 1771–1774 рр. // Крим від античності до сьогодення: Історичні студії. К.: Інститут історії України, 2014. С. 292–301.

412. Грибовский В. В. Последние «татарские набеги» 1769 г. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во Альтаир, 2016. С. 76–82.

413. Григорьев С. И. «... Кафир весьма крутого нрава»: А. В. Суворов и Крымское ханство (1771 – 1779). СПб.: Государственный мемориальный музей А. В. Суворова, 2015.

414. Грушевский М. История Украины-Руси. Том VII. Козацькі часи – до року 1625. К.: Наукова думка, 1995.

415. Грушевський М. Історія України-Руси. Том VIII. Нью-Йорк: Видавниче товариство «Книгоспілка», 1956.

416. Грушевський М. Історія України-Руси. Том IX. Книга 1. К.: Наукова думка, 1996.

417. Гулевич В. П. «Київська трагедія» 1482 р.: міфи й факти // Український історичний журнал. 2013. № 5. С. 88–99.

418. Гулевич В. Улуг Улус (Крымское ханство) // Золотая Орда в мировой истории. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 761–777.

419. Гулевич В. П. Загадковий правитель Кримського ханства Джанібек Султан (1476–1477 рр.) // Український історичний журнал. 2017. № 1. С. 4–11.

420. Гулевич В. П. От ордынского Улуса к ханству Гераев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018.

421. Дашкевич Я. Р. Ясир з України (XV – перша половина XVII ст.) як історико-демографічна проблема // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 2. К., 1993. С. 40–47.

422. Дзамахов К. Ф. Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы). Нальчик: Кабардино-Балкарский университет, 2007.

423. Дельбрюк Г. Всеобщая история военного искусства в рамках политической истории. М.: Эксмо, 2008.

424. Дмитриев С. В. Крымское ханство в военном отношении (XVI–XVIII вв.) // Тюркологический сборник 2002. Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 210–228.

425. Дорошенко Д. Гетьман Петро Дорошенко. Огляд його життя та політичної діяльності. Нью-Йорк, 1985.

426. Драганенко В. П. Трагічний бій Івана Сірка (реконструкція за джерелами середини XVII – початку XVIII ст.) // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомилинського. Серія Історичні науки. 2013. Вип. 3. 34. С. 233–237.

427. Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.

428. Дунаев Б. И. Пр. Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. М., 1916.

429. Еремеев Д. Е. Происхождение юрюков и туркмен Турции

и основные этапы их истории // Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М.- Л.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 24–70.

430. Ефремов Ю. М. Лицом к лицу с огненным смерчем Востока. Борьба украинского казачества с Крымским ханством и Османской империей. Киев, 1992.

431. Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М.: Рудомино, 2004.

432. Зайцев И. В. Астраханское ханство. М.: Восточная литература, 2006.

433. Зайцев И. В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития. Рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009.

434. Зайцев И. В. Дешт-и Кипчак и Крымское ханство в цивилизационном взаимодействии в Евразии // «Евразийство: от диалога к взаимодействию». Тезисы докладов. Москва, 2014. С. 108–110.

435. Зайцев И. В., Эминов Р. Р. Два ружья Крымских ханов // Археология евразийских степей. 2017. № 5. Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии. С. 204–209.

436. Загорский В. П. Белгородская черта. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969.

437. Загорский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980.

438. Загорский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991.

439. Заруба В. Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ: Ліра ЛТД, 2003.

440. Заруба В. М. Чигиринські походи: хроніка подій російсько-турецької війни 1676–1681 рр. Дніпропетровськ: Ліра ЛТД, 2013.

441. Иванич М. Посольства крымских татар при Венском дворе в 1598–1682 гг. (из истории крымско-татарской дипломатии XVI–XVII вв.) // *Turcica et Ottomanica*. Сборник статей в честь 70-летия М. С. Мейера. М.: Восточная литература, 2006. С. 226–237.

442. Иванич М. Трансильванские пленники в Крымском хан-

стве в 60-е годы XVII века // Государственность, дипломатия, культура в Центральной и Восточной Европе XI–XVIII веков. Выпуск 3. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 126–134.

443. Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1981.

444. Измайлов И. Л. Войско Улуса Джучи во второй половине XIII – XV вв.: структура командования, способ комплектования, численность и рода войск // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 23–35.

445. Измайлов И. Татарское военное искусство // История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 686–690.

446. Иналджик Г. Боротьба за Східно-Європейську імперію. 1400–1700 рр. Кримський ханат, османи та піднесення Російської імперії // Україна в Центрально-Східній Європі. 2003. Вип. 2. С. 119–135.

447. История Крыма. В двух томах. Том I. М.: Кучково поле, 2017.

448. Історія української культури. У 5 томах. Том 2. Українська культура XIII – першої половини XVII століття / Ред. В. А. Смолій. К.: Наукова думка, 2001.

449. Історія української культури. У 5 томах. Том 3. Українська культура другої половини XVII – XVIII століть / Ред. В. А. Смолій. К.: Наукова думка, 2003.

450. Ищенко С. А. Война и военное дело у крымских татар XVI–XVIII вв. (по запискам иностранных путешественников и дипломатов) // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII – XVI веках. Ростов-на-Дону, 1989. С. 136–145.

451. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858). М.: Наука, 1976.

452. Кабузан В. М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. М.: Наука, 2006.

453. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. ». Л.: Наука, 1975.
454. Казиев Ш. Имам Шамиль. М.: Молодая гвардия, 2001.
455. Карамзин Н. М. История Государства Российского. В 4 книгах. Книга 3. Том 7–9. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1990.
456. Карачай – страна на вершине Кавказа. Очерки истории и культуры Карачая. Составление, вступительная статья и комментарии С. Х. Хотко. Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2011.
457. Каргалов В. В. На степной границе. Оборона «крымской украины» Русского государства в первой половине XVI столетия. М.: Наука, 1974.
458. Карпов Г. Ф. Отношения Московского государства к Крыму и Турции в 1508–1517 годах // Из Московских Университетских Известий. 1865. № 4. С. 1–31.
459. Комаров О. В. От «вольных слуг» к «государевым холопам». Военное дело периода формирования Русского государства в свете развития социально-политических институтов [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2016. Том VIII. С. 362–389. <http://www.milhist.info/2016/07/22/komarov_2> (22. 07. 2016).
460. Колли Л. П. Хаджи-Герай хан и его политика (по генуэзским источникам). Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1913. Том 50. С. 99–139.
461. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Часть 1. СПб., 1875.
462. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Часть 10. СПб., 1875.
463. Кондараки В. Х. В память столетия Крыма. Этнография Тавриды. Том 2. Москва, 1883.
464. Кониский Г. История русов (окончание) // Чтения в императорском обществе истории и древности российских при Московском университете. 1846. № 4.
465. Контамин Ф. Война в средние века / Пер. с фр. Ю. П. Малинина, А. Ю. Карачинского, М. Ю. Некрасова; под ред. Ю. П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001.

466. Костомаров Н. И. Материалы и исследования. Богдан Хмельницкий. М.: Чарли, 2004.

467. Костомаров Н. И. Руина. Мазепа. Мазепинцы. Исторические монографии и исследования. М.: «Чарли», 1995.

468. Крикун М. Між війною і радіою. Козацтво Правобережної України в другій половині XVII – на початку XVIII століття. Статті і матеріали. К.: Критика, 2006.

469. Крип'якевич І. П. Історія українського війська. Львів, 1936.

470. Кроль П. Тактыка барацьбы войска Рэчы Паспалітай з казакамі ў 1591–1638 г. // Беларускі Гістарычны Агляд. Том 15. Мінск, 2008. С. 67–99.

471. Крот В. А., Рашба Н. С. Боротьба населення України проти турецько-кримських завойовників // Український історичний журнал. 1983. №5. С. 101–110.

472. Кузнецов А. Б. Россия и политика Крыма в Восточной Европе в первой трети XVI в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 62–70.

473. Кузнецов А. Б. Дипломатическая борьба России за безопасность южных границ (первая половина XVI в.). Минск: Изд-во «Университетское», 1986.

474. Кузьмич С., Липа К., Писарев О., Руденко О. Союзники і супротивники. Армії сусідів України у XVII столітті. К.: Наш час, 2010.

475. Кулешов Ю. А. «Монгольская латная конница» – историческая реальность или научная спекуляция? // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 153–180.

476. Купели О. Походы крымских татар и турок-осман против Ирана // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2. С. 226–242.

477. Курат А. Н. Собрание сочинений. Книга 2. Тюркские племена и государства в Поволжье и Северном Причерноморье в IV–XVIII вв. / Перевод с турецкого Ю. Н. Каримова, Л. Б. Балтаева, М. Р. Исмагилова; ответственные редакторы: И. М. Миргалеев, Д. М. Гайнутдинов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.

478. Курбатов О. А. «Копейный бой» русской поместной конницы в эпоху Ливонской войны и Смутного времени [Электрон-

ный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. — Часть I. Статьи. Выпуск II. — С. 227–235 <http://www.milhist.info/2013/04/23/kyrbatov_2> (23. 04. 2013).

479. Курбатов О. А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014.

480. Куц О. Ю. Донское казачество в период взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., «Дмитрий Булавин», 2009.

481. Куц О. Ю. Азовское осадное сидение 1641 года. М.: Русские Витязи, 2016.

482. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII веков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963.

483. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII—XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001.

484. Кушкумбаев А. К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Кокшетау: Келешек–2030, 2009.

485. Кычанов В. Е. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997.

486. Лапшов С. П. Триумф и трагедия: битва при Стуркюро, 19 февраля (2 марта) 1714 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. — Ч. I. — С. 81–132. <<http://www.milhist.info/2014/09/15/lapshov>>(15. 09. 2014).

487. Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве. Одесса, 1889.

488. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. Том 22. С. 35–81.

489. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения (продолжение) // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1895. Том 23. С. 71–117.

490. Лашков Ф. Ф. К вопросу о количестве населения Тавриче-

скої губернії в началі ХІХ-го століття // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1916. Том 53. С. 158–176.

491. Лашков Ф. Шагин-Герай, последний крымский хан: Истор. очерк // Киевская старина. 1886. № 9. С. 37–80.

492. Лебедева Э. И. Очерки по истории крымских караимов-тюрков. Симферополь, 2000.

493. Леп'явко С. А. Козацькі війни кінця ХVІ ст. в Україні. Чернігів: Сіверянська думка, 1996.

494. Леп'явко С. А. Козацькі походи на татар у 1570–1580-х роках // Південна Україна ХVІІІ–ХІХ ст. Вип. 5. Запоріжжя, 2000. С. 191–199.

495. Леп'явко С. Проблема захисту українських земель від татарських нападів і становлення козацтва // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2009. Вип. ХХVІ. С. 147–153.

496. Липа К. А., Руденко О. В. Військо Богдана Хмельницького. К.: Наш час, 2010.

497. Лобин А. Н. Битва под Оршей 8 сентября 1514 года. СПб., Общество памяти игумении Таисии, 2011.

498. Лобин А. Н. Оборона Опочки 1517 г. «Бесова деревня» против армии Константина Острожского. М.: Русские витязи, 2017.

499. Луняк Е. Масові переселення кримських татар у межі Османської імперії наприкінці ХVІІІ ст. (за свідченнями французьких сучасників) // Крымское историческое обозрение. 2016. № 2. С. 52–70.

500. Маврина О. С. Документы родовой аристократии и служилой знати Крымского ханства в документах ГААРК // Східний світ. 2009. №3. С. 51–56.

501. Мавріна О. С. Туркмени у складі служилої знаті Кримського ханату // Східний світ. 2011. №1. С. 70–73.

502. Маврина О. С. Служилая знать турецкого происхождения в Крыму в ХVІІ–ХІХ веках: семейство Мачинских // Боспорские исследования. 2013. Выпуск ХХVІІІ. С. 376–384.

503. Маврина О. С. Туркмены на юге Украины в конце ХVІІІ – середине ХІХ вв. (По архивным источникам) // Сходознавство. 2016. № 75–76. С. 73–86.

504. Малиновский А. Историческое и Дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыме Татарскими царями с 1462 по 1533 год // Записки Одесского общества и древностей. 1863. Том 5. С. 178–419.

505. Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006.

506. Малов А. В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006.

507. Мальгин А. В. «Покоренье Крыма». 1771–1774. Симферополь: Сонат, 2016.

508. Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Военно-исторический сборник. 1948. Выпуск XX. С. 3–17.

509. Масловский Д. Ф. Записки к истории военного искусства в России. Том I (1683–1762 год). СПб., 1891.

510. Мацьков О. Роль і місце кримського чинника у Чуднівській кампанії 1660 року: постановка проблеми // Проблеми історії країн Центральної та Східної Європи. 2017. Вип. 6. С. 154–161.

511. Меньшиков Д. Н. «Затишье» перед бурей. Боевые действия под Смоленском в июле-августе 1633 года // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Научно-практическая конференция 12–14 мая 2010 г. СПб., 2010. Ч. II. С. 105–119.

512. Милнер Томас. Крым. Ханы, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской кампании. М.: Центрполиграф, 2015.

513. Мільчев В. І. Військо Запорозьке Низове під кримською протекцією // Історія українського козацтва. Нариси в двох томах. Том перший. Київ, 2006. С. 587–603.

514. Мільчев В. Запорозьке гайдамацтво XVIII століття як традиційний здобичницький промисел козацтва // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. 2008. Вип. XXIV. Соціальні та національні чинники революцій і реформ в Україні: проблеми взаємовпливів. С. 40–50.

515. Мільчев В. Нариси з історії запорозького козацтва XVIII

століття (спроба історичної реконструкції на основі писемних джерел). Запоріжжя: РА «Тандем-У», 2009.

516. Миргалеев И. М., Пашаоглу Д. Д. Обзор сочинения Абдулгаффара Кырыми «Умдет ал-ахбар» // Золотоордынское обозрение. 2014. № 2 (4). С. 35–60.

517. Мицик Ю. Гетьман Іван Виговський. К.: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2004.

518. Моисеев М. В. Степные войны от Угры до ногайского погрома Крыма (1480–1522 гг.) [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2015. – Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. – Ч. I. – С. 155–162. <http://www.milhist.info/2015/11/23/moiseev_1> (23. 11. 2015).

519. Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма (с древнейших времен до начала XIX в.). Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1964.

520. Мундт Т. Крым-Герай, союзник Фридриха Великого. Пролог столкновений между Россией и Турцией // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1909. Том 43. С. 1–87.

521. Муфтийзаде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (По архивным материалам) // Известия Таврической ученой комиссии. 1899. № 30. С. 1–24.

522. Мыц В. Л. Кафа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009.

523. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Часть 1. Симферополь: Крымиздат, 1951.

524. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.). М.: Наука, 1990.

525. Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Том X. — С. 432–491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (27. 02. 2019).

526. Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011.

527. Николле Д. Янычары. М.: АСТ: Астрель, 2004.
528. Никольский П. А. От Крымского ханства до наших дней. Симферополь: Крымгосиздат, 1929.
529. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.- Л.: Наука, 1948.
530. Новосельский А. А. Исследования по истории эпохи феодализма. М.: Наука, 1994.
531. Остапчук В. Хроника Реммаля Ходжи «История Сагиб Герей хана» как источник по крымско-татарским походам // Источниковедение истории Улуча Джучи. От Калки до Астрахани 1223–1556. Казань, 2001. С. 391–421.
532. Паламарчук С. В. Татарське населення Бессарабії в епоху пізнього середньовіччя // Записки історичного факультету Одеського державного університету. 1999. Вип. 8. С. 103–108.
533. Паламарчук С. В. Буджацькі татари як історичне поняття // Записки історичного факультету Одеського державного університету. 1999. Вип. 9. С. 72–77.
534. Панашенко В. В. Кримське ханство у XV–XVIII ст. // Український історичний журнал. 1989. №1. С. 54–64.
535. Пенской В. В. Сражение при Судьбищах 3–4 июля 1555 г. – эпизод русско-крымского противостояния // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 7 (62). С. 87–95.
536. Пенской В. В. Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (ORIENS). 2010. №2. С. 56–66.
537. Пенской В. В. Вооруженные силы Крымского ханства в конце XV – начале XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. №2. С. 208–216.
538. Пенской В. В. Иван Грозный и Девлет-Герай. М.: Вече, 2012.
539. Пенской В. Военное дело Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 700–709.
540. Пенской В. В. Черкасское «сидение» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции 18–20 мая 2016 года. Часть IV. С. 305–315.

541. Пенской В. В., Пенская Т. М. «Яз деи деда своего и прадеда ныне зделал лутчи. . .»: Поход Девлет-Герая I и сожжение Москвы в мае 1571 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2013. — Т. IV. — С. 183–206. <http://www.milhist.info/2013/06/20/penskoou-penskaya_1> (20. 06. 2013).

542. Пенской В. В., Пенская Т. М. «Исланова стравка» // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 345–356.

543. Пенской В. В., Пенская Т. М. Набег Ислам-Герая и Сафа-Герая на «берег» летом 1533 г. // Золотоордынское обозрение. 2016. Том 4. № 3. С. 552–569.

544. Пенской В. В., Пенская Т. М. «Большая игра» в Восточной Европе: тульская экспедиция Девлет-Герая I летом 1552 г. и начало «Войны двух царей» // Золотоордынское обозрение. 2019. Том 7. № 3. С. 524–544.

545. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Том I. 1769 год. СПб., 1866.

546. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Том II. 1770 год. СПб., 1866.

547. Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Том III. 1771 год. СПб., 1874.

548. Петров А. Н. Влияние турецких войн с половины прошлого столетия на развитие русского военного искусства. Том 1. Война 1769–1774 гг. СПб., 1893.

549. Петровський М. Нариси історії України XVII — початку XVIII ст. (Досліди над Літописом Самовидця). Харків: Державне видавництво України, 1930.

550. Пилипчук Я. В. «Опасная граница». Сигизмунд I и Гераи в 1517–1548 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. — С. 472–505. <http://www.milhist.info/2016/11/21/pilipchuk_3> (21. 11. 2016).

551. Пилипчук Я. Політична історія Буджацької Орди у XVI–XVII ст. // Scriptorium nostrum. Електронний історичний журнал. 2016. Вип. 3 (6). С. 165–193.

552. Плетнева С. А. Половцы. М.: Наука, 1990.

553. Пономарев А. М. Агрессия Крымского ханства против черкесов-темиргойцев в 1761–1762 годах // Східний світ. 2012. № 4. С. 90–101.

554. Пономарьов О. М. Ногайський заколот 1758 року та сходження Крим-Гірея на ханський престол (за документами Архіву Коша Нової Запорозької Січі) // Архіви України. 2015. № 2. С. 157–168.

555. Пономарьов О. Пруссія у зовнішній політиці Крим-Гірея в 1761–1762 роках (за даними запорозької розвідки) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2015. Вип. 15. С. 258–278.

556. Потто В. Кавказская война. Том I. С древнейших времен до Ермолова. СПб., 1887.

557. Прицак Л. Основні міжнародні договори Богдана Хмельницького 1648–1657 рр. Х.: Акта, 2003.

558. Репан О. Іржа на лезі. Лівобережне козацтво і російсько-турецька війна 1735–1739 років. К.: Видавничий дім «Киево-Могилянська академія», 2009.

559. Рубан В. Поход боярина и большого полка воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773.

560. Рудницький С. Руські землі польської корони при кінці XV в. Ворожі напади й організація пограничної оборони // Записки Наук. Тов. ім. Шевченка. Тома 31–32. 1899. С. 1–54.

561. Савченко О. О. Українсько-татарські політичні взаємини та соціальні комунікації у XVI – на початку XVIII ст.: Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук (доктора філософії). Київ, 2019.

562. Сакович А. Крымские татары на военной службе Российской империи. М.: Русские витязи, 2016.

563. Санин Г. А. Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII века. М.: Наука, 1987.

564. Сас П. Шлях армії султана Османа II до Хотина 1621 р. // Україна у Центрально-Східній Європі. 2014. Вип. 14. С. 56–70.

565. Свешніков І. К. Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992.

566. Сейдалиев Э. И. Военное дело кочевников Северного Причерноморья в IX–XIII вв. и Крымского ханства: сравнительный анализ на основании письменных источников // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 166–190.

567. Сейтяг'яев Н. До питання про чисельність мусульманського тюркського населення у Кримському ханстві наприкінці XVIII ст. // Східний Світ. 2019. № 1. С. 53–72.

568. Сейит-Яхья Н. Военные действия в Крыму в 1735–1736 годах // Qasevet. 2010. № 37. С. 74–83.

569. Секиринский С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – первая половина XIX вв.). Симферополь, 1984.

570. Селезнёв Ю. В. Сколько всадников мог собрать Мамай? (К вопросу о системе комплектования ордынских войск) // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 162–166.

571. Селиверстов Д. А. Сражение при Солхате (Кастадзоне) 22 июня 1434 года // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 183–198.

572. Семенова Л. Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV — начало XIX в. (очерки внешнеполитической истории). М.: Индрик, 2006.

573. Сень Д. В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2002.

574. Сень Д. В. Казаки Крымского ханства: малоизученные аспекты расселения (конец XVII в. – 1770-е гг.) // Сборник Русского исторического общества. 2006. Том 10. С. 167–174

575. Сень Д. В. Казачество Кубани в конце XVII в.: новые свидетельства об участии в кампаниях Крымского ханства и турецкого Азова // Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тез. Всерос. науч. конф. (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2008. С. 278–281.

576. Сень Д. В. Казаки Крымского ханства в начальный период своей истории (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Липоване. История и культура русских старообрядцев. 2009. Вып. VI. С. 13–26.

577. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2009.

578. Сень Д. В. Казаки-некрасовцы в Крымском ханстве: актуальные вопросы изучения // Казаки-некрасовцы: язык, история,

культура. Сб. науч. статей / Отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. С. 226–243.

579. Сенюткин М. Военные действия донцов против нагайских татар в 1777–1783 годах // Военный сборник. 1860. № 8. С. 345–390.

580. Сенюткин М. Военные действия донцов против нагайских татар в 1777–1783 годах // Военный сборник. 1860. № 9. С. 49–83.

581. Середа А. Силистренско-Очаковскийят еялет през XVIII-нач. на XIX в.: административно-териториално устройство, селища и население в Северозападного Причерноморие. Сифия: Дио Мира, 2009.

582. Сидоренко В. А. Монетная чеканка Крымского ханства (1442–1475). Симферополь: Бизнес-Информ, 2016.

583. Сікора Р. З історії польських крилатих гусарів. К.: Дух і літера, 2012.

584. Сичаева Г. А. Некоторые сведения из истории крымскотатарского дворянства // Культура народов Причерноморья. 2012. № 228. С. 118–121.

585. Сичаева Г. А. Процесс инкорпорации крымскотатарской знати в состав российского дворянства // Культура народов Причерноморья. 2013. № 261. С. 79–81.

586. Сичаева Г. А. Формирование и становление крымскотатарского дворянства // Приволжский научный вестник. 2015. № 6–1 (46). С. 53–57.

587. Скальковский А. История Новой сечи или последнего Коша Запорожского. Одесса, 1841.

588. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть I. Одесса, 1846.

589. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть II. Одесса, 1846.

590. Скальковский А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского. Часть III. Одесса, 1846.

591. Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992.

592. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

593. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII веке. Одесса, 1889.

594. Смирнов И. И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. 1948. Том 27. С. 18–66.
595. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Том I. М.: МГУ, 1946.
596. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. Том II. М.: МГУ, 1946.
597. Смолій В., Степанков В. Богдан Хмельницький. К.: Вид. дім «Альтернативи», 2003.
598. Сокирко О. Триумф в час Руїни. Конотопська битва 1659 р. К.: Темпора, 2008.
599. Соколов О. В. Армия Наполеона. СПб.: Империя, 1999.
600. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Тома 5–6. М.: Голос, 1993.
601. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Тома 7–8. М.: Голос, 1994.
602. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 5. Тома 9–10. М.: Голос, 1995.
603. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 6. Тома 11–12. М.: Голос, 1995.
604. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 7. Тома 13–14. М.: Голос, 1997.
605. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 8. Тома 15–16. М.: Голос, 1997.
606. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. Тома 17–18. М.: Голос, 1998.
607. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 10. Тома 19–20. М.: Голос, 1999.
608. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 11. Тома 21–22. М.: Голос, 1999.
609. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 12. Тома 23–24. М.: Голос, 1998.
610. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 13. Тома 25–26. М.: Голос, 1998.
611. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 14. Тома 27–28. М.: Голос, 1998.
612. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 15. Том 29. М.: Голос, 1998.
613. Сотавов Н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и рус-

ско-турецких отношениях в XVIII веке. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.

614. Станіславський В. В. Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.) // Український історичний журнал. 1995. № 6. С. 3–21.

615. Стороженко А. В. Стефан Баторий и днепровские казаки: исследования, памятники, документы и заметки. Киев, 1904.

616. Стороженко І. С. Богдан Хмельницький і воєнне мистецтво у визвольній війні українського народу середини XVII століття. Кн. 1: Воєнні дії 1648–1652 рр. Дніпропетровськ: Вид-во Дніпропетр. держ. ун-ту, 1996.

617. Стороженко І. Воєнна доктрина Кримського ханства кінця XV – середини XVII ст. // Україна-Туреччина: минуле, сучасне та майбутнє. Збірник наукових праць. К.: Денеб–2004. С. 99–103.

618. Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Том 2. Новочеркасск, 1872.

619. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ им. Ломоносова. 1940. Вып 61. С. 3–71.

620. Сыроечковский В. Е. Пути и условия сношений Москвы с Крымом на рубеже XVI в. // Известия Академии наук СССР, Отдел общественных наук. VII серия. 1932. № 3. С. 193–237.

621. Тасин Д. Татары Добруджи и Буджака // Золотоордынское обозрение. 2013. № 1. С. 164–176.

622. Тептеев В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2014.

623. Тимів І. Розгром гетьманом Яном Собеським татарських військ на Калущині у жовтні 1672 року: джерела, хронологія подій, наслідки // Красзнавство. 2012. № 4. С. 156–163.

624. Тимів І. М. Битва князя Костянтина Острозького з татарами під Сокалем (1519 р.) // Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць. 2013. Вип. 10. С. 83–94.

625. Тимів І. М. Хронологія перших татарських і турецьких набігів на землі Руського воєводства у XV ст. // Чорноморський літопис. 2013. Вип. 7. С. 60–71.

626. Тимів І. Битва князя Костянтина Острозького з татарами

під Вишневцем у 1512 році // Воєнна історія. 2014. № 5–6 (77–78). С. 52–74.

627. Тимів І. Битва з татарами під Мартиновим 1624 р. // Сіверянський літопис. 2016. № 1. С. 29–42.

628. Тис-Крохмалюк Ю. Бої Хмельницького. Мюнхен, 1954.

629. Трепавлов В. В. История Ногайской орды. М.: Восточная литература, 2002.

630. Трепавлов В. В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2005. С. 273–311.

631. Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015.

632. Тунманн И. Крымское ханство. Симферополь, 1936.

633. Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. У 2 кн. Кн. 2. К.: Інститут історії України, 2018.

634. Устрялов Н. История Петра Великого. Том I. Господство царевны Софьи. СПб., 1858.

635. Фарах Адиль Кызы Гусейн. Осmano-сефевидская война 1578–1590 гг.: по материалам трудов Ибрахима Рахимизаде. Баку: Нурлан, 2005.

636. Фарзалиев А. Южный Кавказ в конце XVI в. Осmano-сефевидское соперничество. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2002.

637. Филюшкин А. И. Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* / Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 197–202.

638. Филюшкин А. И. Русско-литовская война 1561–1570 и датско-шведская война 1563–1570 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Специальный выпуск II. Лекции по военной истории XVI–XIX вв. Ч. II. С. 219–289. <http://www.milhist.info/2015/02/10/filychkin_1> (10.02.2015).

639. Хайдарлы Д. И. Данные об эволюции численности и этническом составе населения «Очаковской области» в XVIII в. // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 62–64.

640. Хабибуллин А. Н. К вопросу о типологии оборонительных сооружений Крымского ханства XV–XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 189–207.

641. Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар // Вестник Европы. 1867. № 2. С. 182–236.

642. Хожаяев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне. Грозный: Седа, 1998.

643. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: «Едиториал УРСС», 2001.

644. Хотко С. Х. Походы Сахиб-Герая I в Черкессию в 1539–1551 гг. по сведениям Реммаля Ходжи // Клио. 2016. № 11 (119). С. 48–58.

645. Хотко С. Х. Черкессия: генезис, этнополитические связи со странами Восточной Европы и Ближнего Востока (XIII–XVI вв.). Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 2017.

646. Хотко С. Х. Противостояние военно-политических коалиций в Черкессии: на основе сообщений Елизара Ржевского (1578 г.) // Клио. № 7 (151). 2019. С. 77–83.

647. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М: АСТ: ЛЮКС, 2005.

648. Храпачевский Р. П. Армия монголов периода завоевания Древней Руси. М.: Квадрига, 2011.

649. Храпунов Н. И., Гинькут Н. В. Крым в 1784 г. по свидетельству французского путешественника барона де Бара // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Выпуск XX. С. 395–430.

650. Цесельский Т. Последние боевые триумфы Великого княжества Литовского – битвы под Ляховцами и Наквашей // Война и оружие. Новые исследования и материалы 2017. Часть 4. Труды Восьмой Международной научно-практической конференции 17–19 мая 2017 года. В четырех частях. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. 607 с. С. 439–456.

651. Цюрюмов А. В., Батыров В. В. Калмыцкое ханство в российско-крымских отношениях (XVIII в.). Элиста: Джангар, 2006.

652. Чепухин А. Г. Защита Приосколья во время русско-турецкой войны 1672–1681 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2016. — Т. VIII. С. 38–84. <http://www.milhist.info/2016/03/25/chepuxin_1> (25. 03. 2016).

653. Черкас Б. Політична криза в Кримському ханстві і боротьба Іслам-Гірея за владу в 20–30-х роках XVI ст. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2000. Вип. 1. С. 97–118.

654. Черкас Б. Україна в політичних відносинах Великого князівства Литовського з Кримським ханатом (1515–1540). К.: Ін-т історії України НАН України, 2006.

655. Черкас Б. Ольшаницька битва 1527 р. // Україна в Центрально-Східній Європі. 2008. Вип. 8. С. 53–59.

656. Черкас Б. Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV–XVI ст.). К.: Темпора, 2011.

657. Чухліб Т. Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663–1713). К.: Видавничий дім Києво-Могилянська Академія, 2004.

658. Чухліб Т. В. Зимовий похід 1683/1684 рр. українського козацтва проти Османів до причорноморського Степу // Надчорномор'я у IX ст. до н. е. – на початку XIX ст.: студії з історії та археології. 2007. № 1. С. 163–180.

659. Чухліб Т. Ідея відмови кошового отамана Запорозької Січі К. Гордієнка від протекції Москви в умовах північної війни 1700–1721 рр. // Чорноморська минувшина. 2008. Вип. 4. С. 18–24.

660. Чухліб Т. Козаки і монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. К.: Видавництво імені Олени Теліги, 2009.

661. Шабашов А. В. Центральназиатские древности Буджака (к вопросу о соотношении родоплеменного состава ногайцев Буджакской Орды и государства кочевых узбеков) // Лукоморье: археология, этнология, история Северо-Западного Причерноморья. 2007. Вып. 1. С. 114–131.

662. Шалак М. Е. Записки иностранцев как источник по истории военного дела крымских татар в конце XVI – начале XVII вв. // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (V Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 мая 2016 г.). Ростов-на-Дону: Альтаир, 2016. С. 51–58.

663. Шалак М. Е. Война и воинские традиции крымских татар в произведениях иностранцев в конце XVI – начале XVII вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 157–162.

664. Шалак М. Е. Крымское ханство и его население глазами иностранцев, посетивших Московское царство в конце XVI – начале XVII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Том 2 (68). 2016. № 4. С. 133–139.

665. Шалак М. Е. Свидетельства иностранцев о военном деле в Крымском ханстве (конец XVI – нач. XVII вв.) // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Материалы II Международной научной конференции. 2016. С. 65.

666. Шалак М. Е. Военное дело в Крымском ханстве по материалам из произведений иностранцев конца XVI – начала XVII вв. // Краеведческие записки. Сборник научных трудов. Ростов: Альтаир, 2016. С. 5–16.

667. Шейхумеров А. А. Организационная структура крымскотатарского войска (XV–XVIII вв.) // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 321–337.

668. Шейхумеров А. А. Рыцарские традиции в Диком поле: о взаимоотношениях крымских татар и поляков в XVI–XVII вв. // Петербургский исторический журнал. № 4 (16). С. 267–280.

669. Шейхумеров А. А. Страшный и привычный враг: конница Крымского ханства против вагенбурга (XVI–XVII вв.) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 103–110.

670. Шейхумеров А. А. Военная реформа последнего крымского хана Шахина Герая (1777–1782 годы) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 65–69.

671. Шейхумеров А. А. Заметки о военном деле крымских татар [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Т. X. — С. 295–354. <<http://www.milhist.info/2018/06/12/sheikumerov>> (12. 06. 2018).

672. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Том I. Екатеринодар, 1910.

673. Шпитальов Г. Г. Запорозьке військо в російсько-турецькій війні 1735–1739 років. Запоріжжя: Тандем-У, 2002.

674. Шпитальов Г. Г. Військова служба запорозького козацтва в російсько-турецьких війнах 1735–1739 та 1768–1774 років. Запоріжжя: Прем'єр, 2004.

675. Шумкин А. В. Захария де Гризольфи – князь Таманский,

вождь «франков», Сююрташ-бей // Тюркологический сборник 2015–2016: Тюркский мир Евразии. М.: Наука – Восточная литература, 2018. С. 150–178.

676. Эфендиев О. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку: Элм, 1981.

677. Яворницький Д. И. Історія запорізьких козаків. Том 1. К.: Наукова думка, 1990.

678. Якобсон А. Л. Крым в средние века. М.: Наука, 1973.

679. Яковенко Н. М. Спроба обрахунку чисельності шляхти на Правобережній Україні у першій половині XVII ст. // Україна і Польща в період феодалізму. К.: Наукова думка, 1991. С. 86–97.

680. Якубова И. И. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40–70-е годы XVIII века. Нальчик: Эльбрус, 1993.

681. Яша Ф. Типологія бахчисарайських осель та кварталів (1650–1675 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі. 2018. Вип. 18. С. 183–200.

682. Acar S. Kırım Hanı Devlet Giray'ın 1571 Rusya Seferi ve Moskova Yangını // Karadeniz Araştırmaları Dergisi. Sayı: 39. 2013. P. 95–110.

683. Augustiewicz S. Prostki 1656. Warszawa: Bellona, 2001.

684. Augustiewicz S. Najazd tatarski na Prusy Książęce w 1656 roku. Sienkiewiczowska wizja – lokalna tradycja – przebieg – w świetle badań historycznych // Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Zeszyty Historyczne. 2017. Tom 16. S. 93–105.

685. Babka R. Kampania ochmatowska 1654–1655. Część I // Studia i materiały do historii wojskowości. 2007. Tom XLIII. S. 177–206.

686. Babka R. Kampania ochmatowska 1654–1655. Część II // Studia i materiały do historii wojskowości. 2008. Tom XLV. S. 40–68.

687. Babulin I. Kosulicze i Drokow. Dwie bitwy podczas kampanii zimowej Jana Kazimierza w 1663–1664 roku // De Re Militari. Czasopismo miłośników wojskowości. 2017. № 1. S. 52–70.

688. Baranowski B. Geneza sojuszu kozacko-tatarskiego z 1648 r. // Przegląd Historyczny. 1948. № 37. S. 276–287.

689. Baranowski B. Polska a Tatarszczyzna w latach 1624–1629. Łódź, 1948.

690. Baranowski B. Tatarszczyzna wobec wojny polsko-szwedzkiej w latach 1655–1660 // Polska w okresie Drugiej Wojny Polnocnej 1655–1660. Tom I. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957. S. 453–490.

691. Bartoszewicz J. Pogląd na stosunki Polski z Turcyą i Tatarami: na dzieje Tatarów w Polsce. Warszawa, 1860.
692. Başer A. Kırım Hanlığı Tarihini Konu Alan Müstakil Eserler ve Yeni Bir Kaynak, Tarih-i Mevkûfâtî // Turkish Studies. Volume 6/1, Winter. 2011. P. 724–740.
693. Berindei M., Veinstein G. La présence ottomane au sud de la Crimée et en mer d'Azov dans la première moitié du XVIIe siècle // Cahiers du monde russe et soviétique. 1979. Vol. 20. № 3. P. 389–465.
694. Biernacki W. Żółte Wody-Korsuń 1648. Warszawa: Bellona, 2008.
695. Bıyık Ö. Osmanlı yönetiminde Kırım (1600–1774). Doktora tezi. Izmir, 2007.
696. Bołdyrew A. Piechota zaciężna w Polsce w pierwszej połowie XVI wieku. Warszawa: Neriton, 2011 .
697. Borawski P. Tatarzy w dawnej Rzeczypospolitej. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986.
698. Borowiak A. Powstanie kozackie 1638. Zabrze: Inforteditions, 2010.
699. Brian Glyn Williams. The Sultan's Raiders: The Military Role of the Crimean Tatars in the Ottoman Empire. Washington: D. C.: The Jamestown Foundation, 2013.
700. Brian L. Davies. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe 1500–1700. London – New York: Routledge, 2007.
701. Ciesielski T. Od Batołu do Żwańca. Wojna na Ukrainie i w księstwach naddunajskich 1652–1653. Zabrze: Inforteditions, 2007.
702. Chowaniec C. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1931. Tom 4. Zeszyt 1. S. 1–118.
703. Czamańska I. Kampania mołdawska Samuela Koreckiego 1615–1616 r. // Zeszyty Historyczne. 2012. Tom 12. Si vis pacem, para bellum: bezpieczeństwo i polityka Polski. S. 125–140.
704. Czapliński W. Sprawa najazdów tatarskich na Polskę w pierwszej połowie XVII w. // Kwartalnik Historyczny. Tom 70. 1963. № 3. S. 713–720.
705. Czołowski A. Najazd tatarów na Lwów w 1695 r. Lwów, 1902.
706. Czołowski A. Tatarzy w Karpatach w 1594 r.: epizod z najazdów tatarskich na Polskę. Stanisławów, 1939.
707. Filjushkin A. Ivan the Terrible: A Military History. London: Frontline books, 2008.
708. Finkel L. Napad Tatarów na Lwów w roku 1695. Lwów, 1890.

709. Finkel L. Okopy świętej Trójcy, dwa epizody z dziejów Polski. Lwów, 1889.

710. Fisher Alan W. Şahin Girey, the Reformer Khan, and the Russian Annexation of the Crimea // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas (Neue Folge)*. Band 15. Heft 3 (September 1967). P. 341–364.

711. Fischer Alan W. Les rapports entre l'Empire ottoman et la Crimée [L'aspect financier] // *Cahiers du monde russe et soviétique*, vol. 13, no 3, Juillet-septembre 1972. pp. 368–381.

712. Fisher Alan W. Crimean Tatars. Stanford: Hoover Institution Press, 1978.

713. Franz M. Wojskowość Kozaczyzny Zaporoskiej w XVI–XVII wieku. Geneza i charakter. Toruń: Adam Marszałek, 2004.

714. Fraś L. Bitwa pod Zborowem w r. 1649 // *Kwartalnik Historyczny*. 1932. R. 46. S. 344–370.

715. Gawęda M. Powstanie kozackie 1637. Zabrze: Inforteditions, 2007.

716. Gawęda M. Wojskowość tatarska w XVII wieku – wymiar taktyczny // *Rocznik Przemyski*. 2009. Tom 45. Zeszyt 1: Historia wojskowości. S. 121–144.

717. Gawron P. Najazd tatarski na przełomie września i października 1629 roku. Kartka z dziejów współpracy polsko – kozackiej // 350 – lecie Unii Hadziackiej (1658–2008), red. T. Chynczewska – Hennel, P. Kroll, M. Nagielski. Warszawa, 2008. S. 459–486.

718. Gawron P. Bitwa pod Ochmatowem 30 stycznia 1644 r. // *Od Grunwaldu do Bzury – bitwy i boje polskie na przestrzeni dziejów*, red. J. Jędrusiak, D. Koreś, J. Maroń, K. Widziński. Wrocław, 2012. S. 65–86.

719. Gliwa A. Dwa najazdy tatarskie na Ruś Czerwoną podczas wojny Rzeczypospolitej z Imperium Osmańskim w 1621 r. Zniszczenia i straty demograficzne na obszarze ziemi przemyskiej // *Rocznik Przemyski*. 2012. Tom 48. Zeszyt 1: Historia wojskowości. S. 3–58.

720. Gliwa A. Działania asymetryczne w wojskowości tatarskiej we wczesnej epoce nowożytnej // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne*. 2016. Numer 143 (4). S. 703–735.

721. Gliwa A. O wojskowości tatarskiej w epoce nowożytnej i oddziaływaniu koczowników na osiadłe społeczności Rzeczypospolitej // *Społeczeństwo Staropolskie*. Seria nowa, Tom IV: Społeczeństwo a wojsko. – Warszawa, 2015. S. 89–133.

722. Gliwa A. The Tatar Military Art of War in the Early Modern

Period: An Example of Asymmetric Warfare // *Acta Poloniae Historica*. 2016. № 114. S. 191–229.

723. Gliwa A. Straty materialne i demograficzne na terenie ziemi przemyskiej po ostatnim napadzie tatarskim w 1699 roku // *Prace Historyczno-archiwalne*. 2000. Tom IX. S. 56–80.

724. Gorski K. Wojna Rzeczypospolitej Polskiej z Turcyą w latach 1672 i 1673. Warszawa, 1890.

725. Górka O. Uwagi orientacyjne o tatarach polskich i obcych // *Rocznik tatarski*. 1932. Tom 2. S. 145–195.

726. Górka O. Dziejowa rzeczywistość a racja stanu Polski na południowym Wschodzie // *Polityka Narodów*. Tom 1, półroc. 1, z. 1–2 (styczeń-luty 1933). S. 6–33.

727. Górka O. „Ogniem i mieczem” a rzeczywistość historyczna. Warszawa, 1934.

728. Górka O. Liczebność Tatarów krymskich i ich wojsk // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1935. Tom 8. Zeszyt 2. S. 185–295.

729. Górski T. Wojskowość Geregów w czasach Zygmunta III Wazy // *Rocznik Tatarów Polskich*. 2005. Tom X. S. 105–116.

730. Gołębiowski S. Szahin Giraj i kozacy // *Biblioteka warszawska*. 1852. Tom II. S. 1–27.

731. Grabarczyk T. Firearms in the Equipment of Mercenary Troops of the Kingdom of Poland in 1471–1500 // *Fasciculi Archaeologiae Historicae*. *Rocznik* 2012. Tom 25. S. 53–58.

732. Gurski K. Obrona granic Rzeczypospolitej od Tatarów // *Biblioteka Warszawska*. 1891. Tom 2. S. 439–461.

733. Gutowski J. Broń i uzbrojenie Tatarów. Seria: Katalog zabytków tatarskich. Tom 1. Warszawa, 1997.

734. Długołęcki W. J. *Batoh 1652*. Warszawa: Bellona, 2008.

735. Domagała M. Biała Cerkiew 23–25 IX 1651. Zabrze: Inforteditions, 2007.

736. Herbst S. Kleck 1506 // *Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1934. Tom 7, zeszyt 1. S. 21–38.

737. Herbst S. Najazd tatarski 1512 // *Przegląd Historyczny*. 1948. № 37. S. 218–226.

738. Hnilko A. *Wojna polsko-moskiewska pod Cudnowem*. Warszawa, 1922.

739. Horn M. *Chronologia i zasięg najazdów tatarskich w latach*

1605–1647 // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1962. Tom 8. S. 3–71.

740. Hubka M. *Jazda polska doby Wazów: organizacja, uzbrojenie, taktyka*. Piotrków Trybunalski: Naukowe Wydawnictwo Piotrkowskie przy Filii Akademii Świętokrzyskiej, 2007.

741. Desai D., Gökbilgin Ö. *Le khanat de Crimée et les campagnes militaires de l'Empire ottoman: Fin du XVII – début du XVIII siècle, 1687–1736* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1970. Vol. 11. № 1. P. 110–117.

742. Inalcik H. *The Khan and the Tribal Aristocracy: The Crimean Khanate under Sahib Giray* // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 3–4, 1979–80. P. 445–466.

743. Ivanics M. *Krimtatarische Spionage im Osmanisch-Habsburgischen Grenzgebiet während des Feldzuges im Jahre 1663* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2008. № 61 (1–2). S. 119–133.

744. Ivanics M. *The Military Co-operation of the Crimean Chanate with the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* // Gábor Kármán and Lovro Kunčević (Eds.). *The European Tributary States of the Ottoman Empire in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Leiden, Boston: Brill, 2013. S. 275–299.

745. Khodarkovsky M. *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1992.

746. Kizilov M. *Administrative structure of the Crimea before and after the Russian annexation of 1783* // *Восток (Oriens)*. 2016. № 5. С. 53–63.

747. Kocowski B. *Wyprawa Tatarów na Węgry przez Polskę w 1594 r.* Lublin, 1948.

748. Kolankowski L. *Problem Krymu w dziejach Iagiellonskich* // *Kwartalnik Historyczny*. 1935. Rocznik XLIX. Zeszyt 1–2. S. 279–300.

749. Kołodziejczyk D. *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: international diplomacy on the European periphery (15th–18th century): a study of peace treaties followed by annotated documents*. Leiden; Boston: Brill, 2011.

750. Kołodziejczyk D. *Divided Sovereignty in the Genghisid States as Exemplified by the Crimean Khanate: 'Oriental Despotism' à rebours?* // *Acta Slavica Iaponica*. 2012. № 32. P. 1–21.

751. Komaszyński M. Anonimowy poemat o ostatniej kampanii Jana III // *Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka*. 1982. № 3–4. S. 375–383.
752. Korzon T. *Dola i niedola Jana Sobieskiego 1629–1674*. Tom 2. Kraków, 1898.
753. Korzon T. *Dzieje wojen i wojskowości w Polsce*. Tom 2. Kraków, 1912.
754. Korzon T. *Dzieje wojen i wojskowości w Polsce*. Tom 3. Kraków, 1923.
755. Kroll P. *Od ugody hadziackiej do Cudnowa. Kozaczyzna między Rzeczpospolitą a Moskwą w latach 1658–1660*. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2008.
756. Królikowska N. *Crimean Crime Stories: Cases of Homicide and Bodily Harm during the Reign of Murad Giray (1678–1683) // The Crimean Khanate between East and West. (15th–18th Century)*. Edited by Denise Klein. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 109–124.
757. Kubala L. *Szkice historyczne, serya pierwsza*. Lwów, 1880.
758. Kubala L. *Szkice historyczne, serya druga*. Lwów, 1880.
759. Kubala L. *Wojna moskiewska roku 1654–1655*. Warszawa, 1910.
760. Kubala L. *Wojna Brandenburska i najazd Rakoczego w roku 1656–1657*. Lwów: Ossolineum, 1910.
761. Kucharski W. *Wyprawa zborowska króla Jana II Kazimierza // Studia z Dziejów Wojskowości*. 2016. Tom 5. S. 99–137.
762. Kuczyński S. M. *Tatarzy pod Zbarażem // Przegląd Historyczno-Wojskowy*. 1935. Tom 8. Zeszyt 1. S. 121–145.
763. Kukło C. *Demografia Rzeczypospolitej przedrozbiorowej*. Warszawa: DiG, 2009.
764. Kupisz D. *Smoleńsk 1632–1634*. Warszawa: Bellona, 2001.
765. Laskowski O. *Odrębność staropolskiej sztuki wojennej*. Warszawa, 1935.
766. Laskowski O. *Jan III Sobieski*. London: M. I. Kolin (Publishers), 1941.
767. Lemerrier-Quelquejay C., Bennigsen A. *Le khanat de Crimée au début du XVIe siècle: De la tradition mongole à la suzeraineté ottomane [d’après un document inédit des Archives ottomanes] // Cahiers du monde russe et soviétique*, 1972. Vol. 13. № 3. P. 321–337.
768. Majewski R. *Cecora – rok 1620*. Warszawa: MON, 1970.

769. Majewski R. Z problematyki walk z Tatarami w pierwszej połowie XVII wieku // Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka. 1975. Tom 30, № 2. S. 231–241.

770. Majewski W. Bitwa pod Prostkami 8 X 1656 // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1956. Tom 2. S. 323–341.

771. Majewski W. Podhajce — letnia i jesenna kampania 1667 r. // Studia i materiały do historii wojskowości. 1960. Tom 6, część 1. S. 47–99.

772. Majewski W. Najazd Tatarów w lutym 1695 r. // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1963. Tom 9, część 1. S. 125–178.

773. Majewski W. Powstanie kozackie 1664 r. (czerwiec-grudzień) // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1972. Tom XVIII, część I. S. 147–196.

774. Majewski W. Działania wojenne w Prusach Książęcych (wrzesień 1656 - luty 1657) // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 1997. № 4. S. 579–598.

775. Manz B. F. The clans of the Crimean Khanate, 1466–1532 // Harvard Ukrainian Studies. 1978. Vol. 2. P. 282–309.

776. Milewski D. Wyprawa na Suczawę 1653. Zabrze: Inforteditions, 2007.

777. Milewski D. Campaign of the Great Hetman Jan Zamoyski in Moldavia (1595). Part II. The battle of Țuțora and Aftermath // Codrul Cosminului. XIX. 2013. No. 1. P. 57–76.

778. Milewski D. Mołdawia między Polską a Turcją. Gospodar Miron Barnowski i jego polityka (1626–1629). Oświęcim: Napoleon V, 2014.

779. Nagielski M. Bitwa pod Warszawą 1656. Warszawa: Bellona, 2009.

780. Nagielski M. Mit a rzeczywistość przebiegu kampanii zborowskiej 1649 r. // Od Zborowa do NATO (1649–2009). Studia z dziejów stosunków polsko-ukraińskich od XVII do XXI wieku, red. M. Franz, K. Pietkiewicz. Toruń: Adam Marszałek, 2009. S. 135–163.

781. Nagielski M. Kampania cudnowska 1660 roku // Studia z dziejów stosunków Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim w XVI–XVII wieku, pod red. M. Nagielskiego, K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona. Zabrze – Tarnowskie Góry, 2013. S. 290–314.

782. Nagielski M. Hodów 1694–2014. Ostatnie zwycięstwo husarii w dawnym stylu // Kwartalnik „Bellona” 2015. № 1. S. 229–233.

783. Nagielski M. Kampania korsuńska 1648 r. hetmana w. kor. Mikołaja Potockiego // *Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Zeszyty Historyczne*. 2017. Tom XVI. S. 37–56.
784. Niedźwiedzki M. *Z walk tatarskich*. Lwow, 1910.
785. Nowak T. M. *Dawne wojsko polskie: od Piastów do Jagiellonów*. Warszawa: Bellona, 2006.
786. Nowak-Dłużewski J. *Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce*. Zygmunt III. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1971.
787. Nowatkiewicz P. *Orynin 28 IX 1618*. Zabrze: Inforteditions, 2009.
788. Nykiel Beata K. *Zdrada Bogdana Słupicza w 1551 r. (okoliczności zdobycia Braclawia przez Tatarów)* // Соціум. Альманах соціальної історії. 2006. Вип. 6. С. 29–59.
789. Ochmański J. *Organizacja obrony w Wielkim Księstwie Litewskim przed napadami Tatarów Krymskich w XV–XVI wieku* // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1960. Tom 5. S. 349–398.
790. O'Neill K. *Claiming Crimea: a history of Catherine the Great's southern empire*. New Haven and London: Yale University Press, 2017.
791. Orłowski D. *Chocim 1673*. Warszawa: Bellona, 2008.
792. Ostapchuk V. *Crimean Tatar long-range campaigns: The view from Remmal Khoja's History of Sahib Gerey Khan* // *Warfare in Eastern Europe, 1500–1800*. Leiden; Boston: Brill, 2012. P. 147–171.
793. Özdem Z. *Kırım Karasubazar'da Sosyo-Ekonomik Hayat (17. Yüzyıl Sonlarından 18. Yüzyıl Ortalarına Kadar)*. Yüksek Lisans Tezi. Kirikkale, 2006.
794. Öztürk Y. *Osmanli Hakimiyetinde Kefe, 1475–1600*. Ankara, 2000.
795. Öztürk Y. *Kırım Hanlığı // Türkler*. C. 8. Ankara, 2014. P. 480–513.
796. Pajewski J. *Buńczuk i koncerz. Z dziejów wojen polsko-tureckich*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978.
797. Pienskoj W. *Mołodia 28 VII – 3 VIII 1572*. Zabrze – Tarnowskie Góry, 2016.
798. Plewczyński M. *Obertyn 1531*. Warszawa: Bellona, 1994.
799. Plewczynski M. *Wojny Jagiellonow z wschodnimi i południowymi sasiadami Krolestwa Polskiego*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2002.
800. Plewczyński M. *Wojny i wojskowość polska XVI w. Tom I. Lata 1500–1548*. Zabrze, 2011.

801. Plewczyński M. Wojny i wojskowość polska XVI w. Tom II. Lata 1548–1575. Zabrze – Tarnowskie Góry, 2012.
802. Poczet hetmanów Rzeczypospolitej. Hetmani koronni. Pod red. M. Nagielskiego. Warszawa: Bellona, 2005.
803. Podhorodecki L. Hetman Stanisław Koniecpolski; ok. 1591–1646. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1969.
804. Podhorodecki L. Wojna polsko-turecka 1633—1634 r. // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. 1976. Tom 20. S. 27–72.
805. Podhorodecki L. Chanat Krymski i jego stosunki z Polską w XV–XVIII wieku. Warszawa: Książka i Wiedza, 1987.
806. Podhorodecki L. Chocim 1621. Warszawa: Bellona, 2008.
807. Podhorodecki L. Chanat Krymski. Państwo koczowników na kresach Europy. Warszawa: Bellona, 2012.
808. Podhorodecki L., Raszba N. Wojna chocimska 1621 roku. Kraków, 1979.
809. Polskie tradycje wojskowe: Tradycje walk obronnych z najazdami Niemców, Krzyżaków, Szwedów, Turków i Tatarów. Tom I. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990.
810. Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
811. Pułaski K. Sprawy tatarskie w Polsce. Stosunki Zygmunta I z Machmet Girejem, chanem perekopskim (1515–1523) // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1887. Zeszyt 10. S. 888–898.
812. Pułaski K. Sprawy tatarskie w Polsce. Stosunki Zygmunta I z Machmet Girejem, chanem perekopskim (1515–1523) // *Przewodnik Naukowy i Literacki*. 1887. Zeszyt 11. S. 983–999.
813. Rawita-Gawroński F. Kozaczyzna ukraińska w Rzeczypospolitej Polskiej do końca XVIII-go wieku. Zarys polityczno-historyczny. Warszawa, 1922.
814. Rogowicz M. Bitwa pod Zbarażem 1649. Konin: Wydawnictwo Psychoskok, 2018.
815. Romański R. Beresteczko 1651. Warszawa: Bellona, 1994.
816. Romański R. Cudnów 1660. Warszawa: Bellona, 1996.
817. Shapira D. The Crimean Tatars and the Austro-Ottoman Wars // *The Peace of Passarowitz, 1718*. Edition Charles Ingrao, Nikola Samardžić, Jovan Pešalj Series: Central European Studies. 2011. P. 131–140.
818. Serczyk W. A. Na dalekiej Ukrainie. Dzieje Kozaczyzny do 1648 roku. Warszawa: Wydawnictwo Literackie, 1984.
819. Sikora R. Fenomen husarii. Toruń: MADO, 2005.

820. Sikora R. Zapomniana armia. URL: <http://kresy.pl/kresopedia/zapomniana-armia/>.
821. Sikorski M. Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie 1672. Zabrze: Inforteditions, 2007.
822. Skorupa D. Stosunki polsko-tatarskie 1595–1623. Warszawa: Wydawnictwo Neriton. PAN, 2004.
823. Skworoda P. Wojny Rzeczypospolitej Obojga Narodów ze Szwecją. Warszawa: Wydawnictwo TRIO, 2007.
824. Spieralski Z. Awantury mołdawskie. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967.
825. Suwara F. Przyczyny i skutki klęski cecorskiej 1620 r. Kraków, 1930.
826. Szcześniak R. Kluszyn 1610. Warszawa: Bellona, 2004.
827. Śledziński K. Cecora 1620. Warszawa: Bellona, 2007.
828. Tabuashvili A. The import of gun barrels and their price in Georgia // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. 2017. Вып. 9. С. 284–293.
829. Teodorczyk J. Bitwa pod Gniewem (22. IX. – 29. IX. – 1. X. 1626). Pierwsza porażka husarii // *Studia i Materiały do Historii Wojskowości*. Tom 12. Część 2. 1966. S. 70–172.
830. Teodorczyk J. Pogrom Kantymira, 1624. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1972.
831. Tomkiewicz W. Jeremi Wiśniowiecki, 1612–1651. Warszawa, 1933.
832. Tóth F. Le bifteck tartare en poudre. Méthodes de conservation alimentaire vues par les voyageurs français en Crimée à l'époque moderne // *Du terroir au garde-manger planétaire*. Paris, 2016. P. 89–99.
833. Tretiak J. Historia wojny chocimskiej. Kraków, 1921.
834. Tyszkiewicz J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. *Studia z dziejów XIII–XVIII w.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1989.
835. Ürekli M. Kırım Hanlığının kuruluşu ve Osmanlı himâyesinde yükselişi, 1441–1569. Ankara, 1989.
836. Wagner M. Stanisław Jabłonowski, kasztelan krakowski, hetman wielki koronny. Warszawa: MaDA, 2000.
837. Wagner M. W cieniu szukamy jasności chwały. *Studia z dziejów panowania Jana III Sobieskiego (1684–1696)*. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2002.

838. Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Tom I. Zabrze: Inforteditons, 2009.
839. Wagner M. Wojna polsko-turecka w latach 1672–1676. Tom II. Zabrze: Inforteditons, 2009.
840. Wagner M. Kampania żwaniecka 1684 roku. Warszawa: Attyka, 2013.
841. Wimmer J. Wojsko polskie w drugiej połowie XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965.
842. Wimmer J. Odsiecz wiedeńska 1683 roku. Warszawa: Interpress, 1983.
843. Wimmer J. Dawne wojsko polskie XVII–XVIII w. Warszawa: Bellona, 2006.
844. Winczura Ł. Hetman hetmanów. Jan Amor Tarnowski (1488–1561). Kraków: Collegium Columbinum, 2005.
845. Witusik A. Młodość Tomasza Zamojskiego. O wychowaniu i karierze syna magnackiego w Polsce w pierwszej połowie XVII wieku. Lublin, 1977.
846. Wojtasik J. Podhajce 1698. Warszawa: Bellona, 1990.
847. Woliński J. Żórawno // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1930. Tom 2. S. 45–61.
848. Woliński J. Bitwa pod Lwowem 1675 r. // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1931. Tom 5. Zeszyt 2. S. 207–233.
849. Woliński J. Po Chocimie 1673/1674 // Przegląd Historyczny. 1948. № 37. S. 288–306.
850. Wójcicki K. W. Tatarzy // Biblioteka Warszawska. 1842. Tom 1. S. 153–183.
851. Wójcicki K. W. Obrazy starodawne. Tom 2. Warszawa, 1843.
852. Wójcik Z. Jan Sobieski 1629–1696. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1983.
853. Zarys dziejów wojskowości polskiej do roku 1864. Tom 1. Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1965.
854. Zieliński H. Wyprawa Sobieskiego na czambuły tatarskie // Przegląd Historyczno-Wojskowy. 1930. Tom 2. S. 1–44.
855. Żurkowski S. Żywot Tomasza Zamojskiego. Lwów, 1860.
856. Żygułski Z. Odsiecz Wiednia 1683. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1994.

Научное издание

Шейхумеров Амет-хан Азизович

**Армия Крымского ханства:
организация и тактика (XV–XVIII вв.)**

Корректор

В. М. Красиков

Подготовка макета

М. А. Усеинов

Подписано в печать 22.11.2019. Формат 60×84/16
Бумага офсетная 80 г/м². Печать офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 17.5. Заказ №
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КОНСТАНТА»

308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс: (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru